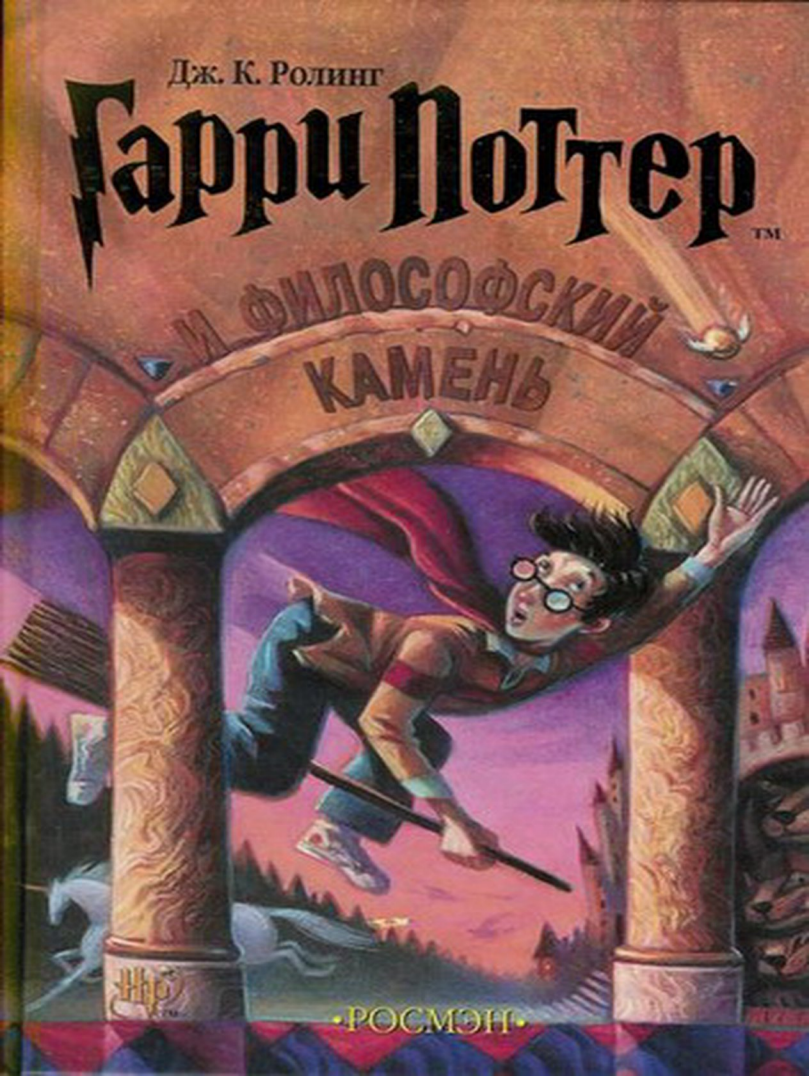
Дж. К. Ролинг

Гарри Поттер™

и философский камень



РОСМЭН

Гарри Поттер и философский камень

Джоан Кэтлин Ролинг

Аннотация
Дж. К. Ролинг. Гарри Поттер и философский камень
Глава 1. Мальчик, который выжил
Глава 2. Исчезнувшее стекло
Глава 3. Письма невесть от кого
Глава 4. Хранитель ключей
Глава 5. Косой переулок
Глава 6. Путешествие с платформы номер девять и три четверти
Глава 7. Распределяющая шляпа
Глава 8. Специалист по волшебному зельеварению
Глава 9. Полночная дуэль
Глава 10. Хэллоуин
Глава 11. Квиддич
Глава 12. Зеркало Еиналеж
Глава 13. Николас Фламель
Глава 14. Дракон по имени Норберт
Глава 15. Запретный лес
Глава 16. Прыжок в люк

Глава 17. Человек с двумя лицами

Аннотация

Одиннадцатилетний мальчик-сирота Гарри Поттер живёт в семье своей тётки и даже не подозревает, что он — настоящий волшебник. Но однажды прилетает сова с письмом для него, и жизнь Гарри Поттера изменяется навсегда. Он узнаёт, что зачислен в Школу чародейства и волшебства, выясняет правду о загадочной смерти своих родителей, а в результате ему удаётся раскрыть секрет философского камня.

Дж. К. Ролинг
Гарри Поттер и философский камень

Глава 1
Мальчик, который выжил

Мистер и миссис Дурсль проживали в доме номер четыре по Тисовой улице и всегда с гордостью заявляли, что они, слава богу, абсолютно нормальные люди. Уж от кого-кого, а от них никак нельзя было ожидать, чтобы они попали в какую-нибудь странную или загадочную ситуацию. Мистер и миссис Дурсль весьма неодобрительно относились к любым странностям, загадкам и прочей ерунде.

Мистер Дурсль возглавлял фирму под названием «Граннингс», которая специализировалась на производстве дрелей. Это был полный мужчина с очень пышными усами и очень короткой шеей. Что же касается миссис Дурсль, она была тощей блондинкой с шеей почти вдвое длиннее, чем положено при её росте. Однако этот недостаток пришёлся ей весьма кстати, поскольку большую часть времени миссис Дурсль следила за соседями и подслушивала их разговоры. А с такой шеей, как у неё, было очень удобно заглядывать за чужие заборы. У мистера и миссис Дурсль был

маленький сын по имени Дадли, и, по их мнению, он был самым чудесным ребёнком на свете.

Семья Дурслей имела всё, чего только можно пожелать. Но был у них и один секрет. Причём больше всего на свете они боялись, что кто-нибудь о нём узнает. Дурсли даже представить себе не могли, что с ними будет, если выплывет правда о Поттерах. Миссис Поттер приходилась миссис Дурсль родной сестрой, но они не виделись вот уже несколько лет. Миссис Дурсль даже делала вид, что у неё вовсе нет никакой сестры, потому что сестра и её никчёмный муж были полной противоположностью Дурслям.

Дурсли содрогались при одной мысли о том, что скажут соседи, если на Тисовую улицу пожалуют Поттеры. Дурсли знали, что у Поттеров тоже есть маленький сын, но они никогда его не видели. И они категорически не хотели, чтобы их Дадли общался с ребёнком таких родителей.

Когда во вторник мистер и миссис Дурсль проснулись скучным и серым утром — а именно с этого утра начинается наша история, — ничто, включая покрытое тучами небо, не предвещало, что вскоре по всей стране начнут происходить странные и загадочные вещи. Мистер Дурсль что-то напевал себе под нос, завязывая самый

отвратительный из своих галстуков. А миссис Дурсль, с трудом усадив сопротивляющегося и орущего Дадли на высокий детский стульчик, со счастливой улыбкой пересказывала мужу последние сплетни.

Никто из них не заметил, как за окном пролетела большая сова-неясыть.

В половине девятого мистер Дурсль взял свой портфель, клюнул миссис Дурсль в щёку и попытался на прощанье поцеловать Дадли, но промахнулся, потому что Дадли впал в ярость, что с ним происходило довольно часто. Он раскачивался взад-вперёд на стульчике, ловко выуживал из тарелки кашу и заляпывал ею стены.

— Ух, ты моя крошка, — со смехом выдавил из себя мистер Дурсль, выходя из дома.

Он сел в машину и выехал со двора.

На углу улицы мистер Дурсль заметил, что происходит что-то странное, — на тротуаре стояла кошка и внимательно изучала лежащую перед ней карту. В первую секунду мистер Дурсль даже не понял, что именно он увидел, но затем, уже миновав кошку, затормозил и резко оглянулся. На углу Тисовой улицы действительно стояла полосатая кошка, но никакой карты видно не было.

— И привидится же такое! — буркнул мистер Дурсль.

Наверное, во всём были виноваты мрачное утро и тусклый свет фонаря. На всякий случай мистер Дурсль закрыл глаза, потом открыл их и уставился на кошку. А кошка уставилась на него.

Мистер Дурсль отвернулся и поехал дальше, продолжая следить за кошкой в зеркало заднего вида. Он заметил, что кошка читает табличку, на которой написано «Тисовая улица». Нет, конечно же, не читает, поспешно поправил он самого себя, а просто смотрит на табличку. Ведь кошки не умеют читать — равно как и изучать карты.

Мистер Дурсль потряс головой и попытался выбросить из неё кошку. И пока его автомобиль ехал к Лондону из пригорода, мистер Дурсль думал о крупном заказе на дрели, который рассчитывал сегодня получить.

Но когда он подъехал к Лондону, заполнившие его голову дрели вылетели оттуда в мгновение ока, потому что, попав в обычную утреннюю автомобильную пробку и от нечего делать глядя по сторонам, мистер Дурсль заметил, что на улицах появилось множество очень странно одетых людей. Людей в мантиях. Мистер Дурсль не переносил людей в нелепой одежде, да взять хотя

бы нынешнюю молодёжь, которая расхаживает чёрт знает в чём! И вот теперь эти, нарядившиеся по какой-то дурацкой моде.

Мистер Дурсль забарабанил пальцами по рулю. Его взгляд упал на сгрудившихся неподалёку странных типов, оживлённо шептавшихся друг с другом. Мистер Дурсль пришёл в ярость, увидев, что некоторые из них совсем не молоды, — подумать только, один из мужчин выглядел даже старше него, а позволил себе облачиться в изумрудно-зелёную мантию! Ну и тип! Но тут мистера Дурсля осенила мысль, что эти непонятные личности наверняка всего лишь собирают пожертвования или что-нибудь в этом роде… Так оно и есть! Стоявшие в пробке машины наконец тронулись с места, и несколько минут спустя мистер Дурсль въехал на парковку фирмы «Граннингс». Его голова снова была забита дрелями.

Кабинет мистера Дурсля находился на девятом этаже, где он всегда сидел спиной к окну. Предпочитай он сидеть лицом к окну, ему, скорее всего, трудно было бы этим утром сосредоточиться на дрелях. Но он сидел к окну спиной и не видел пролетающих сов — подумать только, сов, летающих не ночью, когда им и положено, а средь бела дня! И это уже не говоря о том, что совы — лесные

птицы, и в городах, тем более таких больших, как Лондон, не живут.

В отличие от мистера Дурсля, находившиеся на улице люди отлично видели этих сов, стремительно пролетающих мимо них одна за другой, и широко раскрывали рты от удивления и показывали на них пальцами. Большинство этих людей в жизни своей не видели ни единой совы, даже в ночное время.

В общем, у мистера Дурсля было вполне нормальное, лишённое сов утро. Он накричал на пятерых подчинённых, сделал несколько важных звонков и несколько раз повысил голос на своих телефонных собеседников. Так что настроение у него было просто отличное — до тех пор, пока он не решил немного размять ноги и купить себе булочку в булочной напротив.

Мистер Дурсль уже забыл о людях в мантиях и не вспоминал о них, пока не столкнулся с группкой странных типов неподалёку от булочной. Он не мог понять, почему при одном только взгляде на них ему становилось не по себе.

Эти типы тоже оживлённо перешёптывались, и он не заметил у них в руках ни одной кружки для сбора пожертвований. Выйдя из булочной с пакетом, в котором лежал большой пончик, ми-

стер Дурсль вновь вынужден был пройти мимо этих странных личностей, и в этот момент он абсолютно случайно услышал:

— …да, совершенно верно, это Поттеры, именно так мне рассказывали…

— …да, их сын, Гарри…

Мистер Дурсль замер. У него перехватило дыхание. Он ощутил, как на него накатывает волна страха. Он оглянулся на шептавшихся типов, словно хотел сказать им что-то, но потом передумал.

Мистер Дурсль метнулся через дорогу, поспешно поднялся в офис, рявкнул секретарше, чтобы его не беспокоили, сорвал телефонную трубку и уже набирал предпоследнюю цифру своего домашнего номера, когда вдруг передумал и положил трубку обратно на рычаг. Затем он начал поглаживать усы, думая о том, что…

Нет, конечно, это была глупость. Поттер — не такая уж редкая фамилия. Мистер Дурсль легко убедил себя в том, что в Англии живёт множество семей, носящих фамилию Поттер и имеющих сына по имени Гарри. И он даже не может со стопроцентной уверенностью утверждать, что его племянника зовут именно Гарри. Он ведь никогда не видел этого мальчика. Вполне возможно,

что его зовут Гэри. Или Гарольд.

В общем, мистер Дурсль решил, что ему совсем ни к чему беспокоить миссис Дурсль, тем более что она всегда ужасно огорчалась, когда речь заходила о её сестре. Мистер Дурсль не упрекал жену — если бы у него была такая сестра, как у миссис Дурсль, он бы… Но тем не менее эти люди в мантиях и то, о чём они говорили, — всё это было странно.

После похода за пончиком мистеру Дурслю было куда сложнее сосредоточиться на дрелях. Когда в пять часов вечера он покидал здание фирмы, он был настолько взволнован, что, выходя из дверей, не заметил проходившего мимо человека и врезался в него.

— Извините, — пробурчал он, видя, как маленький старикашка пошатнулся и едва не упал. Мистеру Дурслю понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что старичок был одет в фиолетовую мантию. Кстати, старикашка нисколько не огорчился тому, что его едва не сбили с ног. Напротив, он широко улыбнулся и произнёс писклявым голосом, заставившим прохожих обернуться:

— Не извиняйтесь, мой дорогой господин, даже если бы вы меня уронили, сегодня меня бы это

совсем не огорчило. Ликуйте, потому что Вы-Знаете-Кто наконец исчез! Даже такие маглы, как вы, должны устроить праздник в этот самый счастливый день!

С этими словами старикашка обеими руками обхватил мистера Дурсля где-то в районе живота, крепко стиснул его и ушёл.

Мистер Дурсль буквально прирос к земле. Подумать только, его обнял абсолютно незнакомый человек! Мало того, его назвали каким-то маглом. Что бы там ни означало это слово, мистер Дурсль был потрясён. И когда ему наконец удалось сдвинуться с места, он быстрым шагом пошёл к машине, надеясь, что всё происходящее сегодня — не более чем плод его воображения. Хотя мистер Дурсль крайне отрицательно относился к воображению и его плодам.

Когда он свернул с Тисовой улицы на дорожку, ведущую к дому номер четыре, он сразу заметил уже знакомую полосатую кошку. Настроение его резко упало. Мистер Дурсль не сомневался, что это та самая кошка — у неё была та же окраска и те же странные пятна вокруг глаз. Теперь кошка сидела на заборе, отделяющем его дом и сад от соседей.

— Брысь! — громко произнёс мистер Дурсль.

Но кошка не шелохнулась. Более того, она очень строго посмотрела на мистера Дурсля, так что он даже подумал: «Может быть, кошки всегда себя так ведут?»

Затем, собравшись с духом, он вошёл в дом, внушая себе при этом, что ему ни в коем случае не следует ни о чём рассказывать жене.

Для миссис Дурсль этот день был, как всегда, весьма приятным. За ужином она охотно рассказала мистеру Дурслю о том, что у их соседки серьёзные проблемы с дочерью, и напоследок сообщила, что Дадли выучил новое слово «хаччу!». Мистер Дурсль изо всех сил старался вести себя как обычно.

Когда миссис Дурсль уложила Дадли в кроватку, мистер Дурсль поцеловал его, пожелал спокойной ночи и пошёл в гостиную включить телевизор. По одному из каналов как раз заканчивались вечерние новости.

«И в завершение нашего выпуска о странном поведении сов по всей Англии. Хотя совы обычно охотятся ночью и практически никогда не показываются днём, сегодня поступали сотни сообщений от людей, которые с самого рассвета в разных точках страны видели беспорядочно летающих сов. Специалисты не могут объяснить,

почему совы решили изменить свой распорядок дня. — Тут диктор позволил себе ухмыльнуться. — Очень загадочно. А теперь я передаю слово Джиму МакГаффину с его прогнозом погоды. Как ты думаешь, Джим, не будет ли сегодня вечером новых дождей из сов?»

«Не знаю, Тед. — На экране появился метеоролог. — Однако сегодня не только совы вели себя необычно. Наши зрители из таких отдалённых уголков Англии, как Кент, Йоркшир и Данди, звонили мне, чтобы сообщить, что вместо дождя, который я пообещал вчера вечером, у них был настоящий звездопад! Возможно, кто-то устраивал фейерверки по случаю приближающегося праздника. Хотя до праздника ещё целая неделя. А что касается погоды — сегодняшний вечер обещает быть дождливым…»

Мистер Дурсль застыл в своём кресле. Падающие звёзды, совы средь бела дня, странные люди в мантиях. И ещё непонятное перешёптывание по поводу этих Поттеров…

Миссис Дурсль вошла в гостиную с двумя чашками чая. И мистер Дурсль почувствовал, как тает его решимость ни о чём не говорить жене. Он понял, что хотя бы что-то ему рассказать придётся. И нервно прокашлялся.

— Э… Петунья, дорогая… Ты давно не получала известий от своей сестры?

Как он и ожидал, миссис Дурсль изобразила удивление, а потом на её лице появилась злость. Всё-таки обычно они делали вид, что у неё нет никакой сестры. Так что подобная реакция на вопрос мистера Дурсля была вполне объяснима.

— Давно! — отрезала миссис Дурсль. — А почему ты спрашиваешь?

— В новостях говорили всякие загадочные вещи, — пробормотал мистер Дурсль. Несмотря на огромную разницу в габаритах, он всё же побаивался жену, и именно она была хозяйкой в доме. — Совы… падающие звёзды… по городу ходят толпы странно одетых людей…

— И что? — резким тоном перебила его миссис Дурсль.

— Ну, я подумал… Может быть… Может, это как-то связано с… Ну, ты понимаешь… С такими, как она…

Миссис Дурсль поджала губы и поднесла чашку ко рту. А мистер Дурсль задумался, осмелится ли он сказать жене, что слышал сегодня фамилию Поттер. И решил, что не осмелится. Вместо этого он произнёс как бы между прочим:

— Их сын — он ведь ровесник Дадли, верно?

— Полагаю, да. — Голос миссис Дурсль был холоден как лёд.

— Не напомнишь мне, как его зовут? Гарольд, кажется?

— Гарри. На мой взгляд, мерзкое, простонародное имя.

— О, конечно. — Мистер Дурсль ощутил, как ёкнуло сердце. — Я с тобой полностью согласен.

Больше мистер Дурсль не возвращался к этой теме — ни когда они допивали чай, ни когда встали и пошли наверх в спальню. Но как только миссис Дурсль ушла в ванную, мистер Дурсль открыл окно и выглянул в сад. Кошка всё ещё сидела на заборе и смотрела на улицу, словно кого-то ждала.

Мистер Дурсль спросил себя, не привиделось ли ему всё то, с чем он столкнулся сегодня? И если нет, то неужели всё это связано с Поттерами? Если это так… и если выяснится, что они, Дурсли, имеют отношение к этим Поттерам… Нет, мистер Дурсль не вынес бы этого.

Дурсли легли в постель. Миссис Дурсль быстро заснула, а мистер Дурсль лежал без сна, вспоминая всё, что видел и слышал в этот день. И самая последняя мысль, посетившая его перед тем, как он уснул, была очень приятной: даже если Потте-

ры на самом деле связаны со всем случившимся сегодня, им совершенно ни к чему появляться на Тисовой улице. К тому же Поттеры прекрасно знали, как он и Петунья к ним относятся…

Так что мистер Дурсль сказал себе, что ни он, ни Петунья ни в коем случае не позволят втянуть себя в творящиеся вокруг странности.

Мистер Дурсль глубоко заблуждался, но пока не знал об этом.

Долгожданный и неспокойный сон уже принял в свои объятия мистера Дурсля, а сидевшая на его заборе кошка спать совершенно не собиралась. Она сидела неподвижно, как статуя, и, не мигая, смотрела в конец Тисовой улицы. Она даже не шелохнулась, когда на соседней улице громко хлопнула дверь машины, и не моргнула глазом, когда над её головой пронеслись две совы. Только около полуночи будто окаменевшая кошка наконец ожила.

В дальнем конце улицы — как раз там, куда неотрывно смотрела кошка — появился человек. Появился неожиданно и бесшумно, будто вырос из-под земли или возник из воздуха. Кошкин хвост дёрнулся из стороны в сторону, а глаза её сузились.

Никто на Тисовой улице никогда не видел этого

человека. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебру его волос и бороды — таких длинных, что их можно было заправить за пояс. Он был одет в длинный сюртук, поверх которого была наброшена подметающая землю лиловая мантия, а на его ногах красовались ботинки на высоком каблуке, украшенные пряжками. Глаза за затемнёнными очками были голубыми, очень живыми, яркими и искрящимися, а нос — очень длинным и кривым, словно его ломали по крайней мере раза два. Звали этого человека Альбус Дамблдор.

Казалось, Альбус Дамблдор абсолютно не понимает, что появился на улице, где ему не рады — не рады всему, связанному с ним, начиная от его имени и заканчивая ботинками. Однако его, похоже, это не беспокоило и он рылся в карманах своей мантии, пытаясь что-то отыскать. Он явно чувствовал, что за ним следят, потому что внезапно поднял глаза и посмотрел на кошку, взирающую на него с другого конца улицы. Странно, но вид кошки почему-то развеселил его.

— Это следовало ожидать, — пробормотал он, усмехнувшись.

Наконец во внутреннем кармане он нашёл то, что искал. Это был предмет, похожий на серебряную зажигалку. Альбус Дамблдор отки-

нул серебряную крышечку, поднял зажигалку и щёлкнул. Ближний к нему уличный фонарь тут же погас с негромким хлопком. Он снова щёлкнул зажигалкой — и следующий фонарь погрузился во тьму. После двенадцати щелчков на Тисовой улице погасло всё, кроме двух далёких, крошечных колючих огоньков — глаз неотрывно следившей за Дамблдором кошки. И если бы в этот момент кто-либо выглянул из своего окна — даже миссис Дурсль, от чьих глаз-бусинок ничто не могло ускользнуть, — этот человек не смог бы увидеть, что происходит на улице.

Дамблдор засунул свою зажигалку — точнее, гасилку — обратно во внутренний карман мантии и двинулся к дому номер четыре. А дойдя до него, сел на забор рядом с кошкой и, даже не взглянув на неё, сказал:

— Странно видеть вас здесь, профессор МакГонагалл.

Он улыбнулся и повернулся к полосатой кошке, но та уже исчезла. Вместо неё на заборе сидела довольно сурового вида женщина в очках, форма которых была до странности похожа на отметины вокруг кошачьих глаз. Женщина тоже была в мантии, только в изумрудной. Её чёрные волосы были собраны в тугой узел на затылке. И сразу

было заметно, что вид у неё раздражённый.

— Как вы меня узнали? — спросила она.

— Мой дорогой профессор, я в жизни не видел кошки, которая сидела бы столь неподвижно.

— Станешь тут неподвижной — целый день просидеть на кирпичной стене, — парировала профессор МакГонагалл.

— Целый день? В то время как вы могли праздновать вместе с другими? По пути сюда я стал свидетелем, как минимум, дюжины вечеринок и гулянок.

Профессор МакГонагалл рассерженно фыркнула.

— О, да, действительно, все празднуют, — недовольно произнесла она. — Казалось бы, им следовало быть немного поосторожнее. Но нет — даже маглы заметили, что что-то происходит. Они говорили об этом в новостях. — Она резко кивнула головой в сторону тёмного окна, за которым находилась гостиная Дурслей. — Я слышала. Стаи сов… падающие звёзды… Что ж, они ведь не полные идиоты. Они просто обязаны были что-то заметить. Подумать только — звездопад в Кенте! Не сомневаюсь, что это дело рук Дедалуса Дингла. Он никогда не отличался особым умом.

— Не стоит их обвинять, — мягко ответил Дам-

блдор. — За последние одиннадцать лет у нас было слишком мало поводов для веселья.

— Знаю. — В голосе профессора МакГонагалл появилось раздражение. — Но это не оправдывает тех, кто потерял голову. Наши люди ведут себя абсолютно безрассудно. Они появляются на улицах среди бела дня, собираются в толпы, обмениваются слухами. И при этом им даже не приходит в голову одеться, как маглы.

Она искоса взглянула на Дамблдора своими колючими глазами, словно надеясь, что он скажет что-то в ответ, но Дамблдор молчал, и она продолжила:

— Будет просто превосходно, если в тот самый день, когда Вы-Знаете-Кто наконец исчез, маглы узнают о нашем существовании. Кстати, я надеюсь, что он на самом деле исчез, это ведь так, Дамблдор?

— Вполне очевидно, что это так, — ответил тот. — Так что это действительно праздничный день. Не хотите ли лимонную дольку?

— Что?

— Засахаренную лимонную дольку. Это такие сладости, которые едят маглы, — лично мне они очень нравятся.

— Нет, благодарю вас. — Голос профессора Ма-

кГонагалл был очень холоден, словно ей совсем не казалось, что сейчас подходящее время для поедания лимонных долек. — Итак, я остановилась на том, что даже если Вы-Знаете-Кто действительно исчез…

— Мой дорогой профессор, мне кажется, что вы достаточно разумны, чтобы называть его по имени. Это полная ерунда — Вы-Знаете-Кто, Вы-Не-Знаете-Кто… Одиннадцать лет я пытаюсь убедить людей, что они не должны бояться произносить его настоящее имя — Волан-де-Морт.

Профессор МакГонагалл вздрогнула, но Дамблдор, поглощённый необходимостью разделить две слипшиеся лимонные дольки, похоже, этого не заметил.

— На мой взгляд, возникает ужасная путаница, когда мы говорим: Вы-Знаете-Кто, — продолжил он. — Никогда не понимал, почему следует бояться произносить имя Волан-де-Морта.

— Да-да, конечно. — В голосе профессора раздражение чудесным образом сочеталось с обожанием. — Но вы не такой, как все. Все знают, что вы единственный, кого Вы-Знаете-Кто — хорошо-хорошо, кого Волан-де-Морт — боялся.

— Вы мне льстите, — спокойно ответил Дамблдор. — Волан-де-Морт обладал такими силами,

которые мне неподвластны.

— Только потому, что вы слишком… слишком благородны для того, чтобы использовать эти силы.

— Мне повезло, что сейчас ночь. Я не краснел так сильно с тех пор, как мадам Помфри сказала мне, что ей нравятся мои новые ушные затычки.

Взгляд профессора МакГонагалл уткнулся в Альбуса Дамблдора.

— А по сравнению с теми слухами, которые курсируют взад и вперёд, стаи сов — это просто ничто. Вы знаете, о чём все говорят? Они гадают, почему он исчез? Гадают, что же наконец смогло его остановить?

Впечатление было такое, что профессор МакГонагалл наконец заговорила о том, что беспокоило её больше всего, о том, что ей так хотелось обсудить, о том, ради чего она просидела целый день как изваяние на холодной каменной стене. И буравящий взгляд, которым она смотрела на Дамблдора, только подтверждал это. Было очевидно: несмотря на то что она знает, о чём говорят все вокруг, она не поверит в это, пока Дамблдор не скажет ей, что это правда. Однако Дамблдор, увлёкшийся лимонными дольками, с ответом не торопился.

— Говорят, — настойчиво продолжила профессор МакГонагалл, — говорят, что прошлой ночью Волан-де-Морт появился в Годриковой Впадине. Что он появился там из-за Поттеров. Если верить слухам, то Лили и Джеймс Поттеры… То они… Они мертвы…

Дамблдор склонил голову, и профессор МакГонагалл судорожно втянула воздух.

— Лили и Джеймс… Не может быть… Я так не хотела в это верить… О, Альбус…

Дамблдор протянул руку и коснулся её плеча.

— Я понимаю… — с горечью произнёс он. — Я очень хорошо вас понимаю.

Когда профессор МакГонагалл снова заговорила, голос её дрожал:

— И это ещё не всё. Говорят, что он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но не смог. Он не смог убить этого маленького мальчика. Никто не знает почему, никто не знает, как такое могло произойти. Но говорят, что, когда Волан-де-Морт попытался убить Гарри Поттера, его силы вдруг иссякли — и именно поэтому он исчез.

Дамблдор мрачно кивнул.

— Это… это правда? — запинаясь, спросила профессор МакГонагалл. — После всего, что он сделал… После того, как он убил стольких из

нас… он не смог убить маленького мальчика? Это просто поразительно… Если вспомнить, сколько раз его пытались остановить… Какие меры для этого предпринимались… Но каким чудом Гарри удалось выжить?

— Мы можем лишь предполагать, — ответил Дамблдор. — Возможно, мы так никогда и не узнаем правды.

Профессор МакГонагалл достала из кармана кружевной носовой платок и принялась вытирать слёзы под очками. Дамблдор шумно втянул носом воздух, достал из кармана золотые часы и начал пристально их разглядывать. Это были очень странные часы. У них было двенадцать стрелок, но не было цифр — вместо цифр там были маленькие планеты, при этом они не стояли на месте, а безостановочно вращались по кругу. Однако Дамблдор прекрасно понимал, что именно показывают часы, потому что он засунул их обратно в карман и произнёс:

— Хагрид задерживается. Кстати, я полагаю, именно он сказал вам, что я буду здесь?

— Да, — подтвердила профессор МакГонагалл. — Но, я полагаю, вы не скажете мне, почему вы оказались именно здесь?

— Я здесь, чтобы отдать Гарри его тёте и дяде.

Они — единственные родственники, которые у него остались.

— Неужели вы… Неужели вы имеете в виду тех, кто живёт здесь?! — вскрикнула профессор МакГонагалл, вскакивая на ноги и тыча пальцем в сторону дома номер четыре. — Дамблдор, вы этого не сделаете. Я наблюдала за ними целый день. Вы не найдёте другой парочки, которая была бы так непохожа на нас. И у них есть сын — я видела, как мать везла его в коляске, а он пинал её ногами и орал, требуя, чтобы ему купили конфету. И вы хотите, чтобы Гарри Поттер оказался здесь?!

— Для него это лучшее место, — твёрдо ответил Дамблдор. — Когда он повзрослеет, его тётя и дядя смогут всё ему рассказать. Я написал им письмо.

— Письмо? — очень тихо переспросила профессор МакГонагалл, садясь обратно на забор. — Помилуйте, Дамблдор, неужели вы на самом деле думаете, что сможете объяснить в письме всё, что случилось? Эти люди никогда не поймут Гарри! Он станет знаменитостью, даже легендой — я не удивлюсь, если сегодняшний день войдёт в историю как день Гарри Поттера! О нём напишут книги, каждый ребёнок в мире будет знать его имя!

— Совершенно верно, — согласился Дамблдор,

очень серьёзно глядя на профессора поверх своих затемнённых очков. — И этого будет достаточно для того, чтобы вскружить голову любому мальчику: стать знаменитым прежде, чем он научится ходить и говорить! Он даже не будет помнить, что именно его прославило! Неужели вы не видите, насколько лучше для него самого, если он будет жить здесь, далеко от нашего мира, до тех пор, пока не вырастет и будет в состоянии справиться со своей славой?

Профессор МакГонагалл поспешно открыла рот, чтобы сказать что-то резкое, но, передумав, сделала глубокий вдох и перевела дыхание.

— Да… Да, конечно же вы правы. Но скажите, Дамблдор, как мальчик попадёт сюда?

Она внимательно оглядела его мантию, словно ей вдруг пришло в голову, что под ней он прячет Гарри.

— Его принесёт Хагрид.

— Вы думаете, это… Вы думаете, это разумно — доверить Хагриду столь ответственное задание?

— Я бы доверил ему свою жизнь, — просто ответил Дамблдор.

— Я не ставлю под сомнение его преданность вам, — неохотно выдавила из себя профессор МакГонагалл. — Но вы ведь не станете отрицать, что

он небрежен и легкомыслен. Он… Что это там?

Ночную тишину нарушили приглушённые раскаты грома. Их звук становился всё громче. Дамблдор и МакГонагалл стали вглядываться в тёмную улицу в поисках приближающегося света фар. А когда они наконец догадались поднять головы, сверху послышался рёв, и с неба свалился огромный мопед. Он приземлился на Тисовой улице прямо перед ними.

Мопед был исполинских размеров, но сидевший на нём человек был ещё больше. Он был почти вдвое выше обычного мужчины и по меньшей мере в пять раз шире. Попросту говоря, он был непозволительно велик, и к тому же имел дикий вид — спутанная борода и заросли чёрных волос практически полностью скрывали его лицо. Его ладони были размером с крышки от мусорных баков, а обутые в кожаные сапоги ступни — величиной с маленьких дельфинов. Его гигантские мускулистые руки прижимали к груди свёрток из одеял.

— Ну наконец-то, Хагрид. — В голосе Дамблдора явственно слышалось облегчение. — А где ты взял этот мопед?

— Да я его одолжил, профессор Дамблдор, — ответил гигант, осторожно слезая с мопеда. — У

молодого Сириуса Блэка. А насчёт ребёнка — я привёз его, сэр.

— Всё прошло спокойно?

— Да не очень, сэр, от дома, считайте, камня на камне не осталось. Маглы это заметили, конечно, но я успел забрать ребёнка, прежде чем они туда нагрянули. Он заснул, когда мы летели над Бристолем.

Дамблдор и профессор МакГонагалл склонились над свёрнутыми одеялами. Внутри, еле заметный в этой куче тряпья, лежал крепко спящий маленький мальчик. На лбу, чуть пониже хохолка иссиня-чёрных волос, был виден странный порез, похожий на молнию.

— Значит, именно сюда… — прошептала профессор МакГонагалл.

— Да, — подтвердил Дамблдор. — Этот шрам останется у него на всю жизнь.

— Вы ведь можете что-то сделать с ним, Дамблдор?

— Даже если бы мог, не стал бы. Шрамы могут сослужить хорошую службу. У меня, например, есть шрам над левым коленом, который представляет собой абсолютно точную схему лондонской подземки. Ну, Хагрид, давай ребёнка сюда, пора покончить со всем этим.

Дамблдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслей.

— Могу я… Могу я попрощаться с ним, сэр? — спросил Хагрид.

Он нагнулся над мальчиком, заслоняя его от остальных своей кудлатой головой, и поцеловал ребёнка очень колючим из-за обилия волос поцелуем. А затем вдруг завыл, как раненая собака.

— Тс-с-с! — прошипела профессор МакГонагалл. — Ты разбудишь маглов!

— П-п-простите, — прорыдал Хагрид, вытаскивая из кармана гигантский носовой платок, покрытый грязными пятнами, и пряча в нём лицо. — Но я п-п-п-просто не могу этого вынести. Лили и Джеймс умерли, а малыш Гарри, бедняжка, теперь будет жить у маглов…

— Да, да, всё это очень печально, но возьми себя в руки, Хагрид, иначе нас обнаружат, — прошептала профессор МакГонагалл, робко поглаживая Хагрида по плечу.

А Дамблдор перешагнул через невысокий забор и пошёл к крыльцу. Он бережно опустил Гарри на порог, достал из кармана мантии письмо, сунул его в одеяло и вернулся к поджидавшей его паре. Целую минуту все трое стояли и неотрывно смотрели на маленький свёрток — плечи Хагри-

да сотрясались, профессор МакГонагалл яростно моргала глазами, а сияние, всегда исходившее от глаз Дамблдора, сейчас померкло.

— Что ж, — произнёс на прощанье Дамблдор. — Вот и всё. Больше нам здесь нечего делать. Нам лучше уйти и присоединиться к празднующим.

— Ага, — сдавленным голосом согласился Хагрид. — Я это… я, пожалуй, верну Сириусу Блэку его мопед. Доброй ночи вам, профессор МакГонагалл, и вам, профессор Дамблдор.

Смахнув катящиеся из глаз слёзы рукавом куртки, Хагрид вскочил в седло мопеда, резким движением завёл мотор, с рёвом поднялся в небо и исчез в ночи.

— Надеюсь увидеть вас в самое ближайшее время, профессор МакГонагалл, — произнёс Дамблдор и склонил голову. Профессор МакГонагалл вместо ответа лишь высморкалась.

Дамблдор повернулся и пошёл вниз по улице. На углу он остановился и вытащил из кармана свою серебряную зажигалку. Он щёлкнул ею всего один раз, и двенадцать фонарей снова загорелись как ни в чём не бывало, так что вся Тисовая улица осветилась оранжевым светом. В этом свете Дамблдор заметил полосатую кошку, заворачивающую за угол на другом конце улицы.

А потом посмотрел на свёрток, лежащий на пороге дома номер четыре.

— Удачи тебе, Гарри, — прошептал он, повернулся на каблуках и исчез, шурша мантией.

Ветер, налетевший на Тисовую улицу, шевелил аккуратно подстриженные кусты, ухоженная улица тихо спала под чернильным небом, и казалось, что если где-то и могут происходить загадочные вещи, то уж никак не здесь. Гарри Поттер ворочался во сне в своих одеялах. Маленькая ручка нащупала письмо и стиснула его. Он продолжал спать, не зная о том, что он особенный, о том, что стал знаменитостью. Не зная, что он проснётся через несколько часов от крика миссис Дурсль, которая перед приходом молочника откроет дверь, чтобы выставить за неё пустые молочные бутылки. Не зная о том, что несколько следующих недель кузен Дадли будет щипать и тыкать его — да и несколько последующих лет тоже…

И ещё он не знал, что в то время, пока он спал, люди, тайно либо открыто собиравшиеся по всей стране, чтобы отметить праздник, поднимали бокалы и произносили шёпотом или во весь голос:

— За Гарри Поттера — за мальчика, который выжил!

Глава 2
Исчезнувшее стекло

Почти десять лет прошло с того утра, когда Дурсли обнаружили на своём пороге невесть откуда взявшегося племянника, но Тисовая улица за это время почти не изменилась. Солнце вставало над теми же ухоженными садиками и освещало ту же самую бронзовую четвёрку на входной двери дома Дурслей; оно пробиралось в гостиную, оставшуюся почти неизменной с того вечера, когда мистер Дурсль смотрел по телевизору пророческий выпуск новостей.

Только стоящие на камине фотографии в рамках свидетельствовали о том, что с тех пор прошло немало времени. Десять лет назад на фотографиях было запечатлено нечто, напоминавшее большой розовый мяч в разноцветных чепчиках, но с тех пор Дадли Дурсль вырос, и теперь на фотографиях был крупный светловолосый мальчик, сидящий на своём первом велосипеде, кружащийся на ярмарочной карусели, играющий с отцом в компьютерные игры, мальчик в объятиях целующей его матери. Одна-

ко ничто на этих фотографиях не говорило о том, что в доме живёт ещё один ребёнок.

Тем не менее Гарри Поттер всё ещё жил здесь, и в настоящий момент он крепко спал, хотя спать ему оставалось недолго. Тётя Петунья уже проснулась и подходила к его двери, и через мгновение утреннюю тишину прорезал её пронзительный визгливый голос:

— Подъём! Вставай! Поднимайся!

Гарри вздрогнул и проснулся. Тётя продолжала барабанить в дверь.

— Живо! — провизжала она.

Гарри услышал её удаляющиеся шаги, а затем до него донёсся звук плюхнувшейся на плиту сковородки. Он перевернулся на спину и попытался вспомнить, что же ему снилось. Это был хороший сон. В этом сне он летел по воздуху на мопеде. У него было странное ощущение, что когда-то он уже видел этот сон.

Тётя вернулась к его двери.

— Ты что, ещё не встал? — настойчиво поинтересовалась она.

— Почти, — уклончиво ответил Гарри.

— Шевелись побыстрее, я хочу, чтобы ты присмотрел за беконом. И смотри, чтобы он не подгорел, — сегодня день рождения Дадли, и всё

должно быть идеально.

В ответ Гарри застонал.

— Что ты там говоришь? — рявкнула тётя из-за двери.

— Нет, ничего. Ничего…

День рождения Дадли — как он мог забыть? Гарри медленно выбрался из постели и огляделся в поисках носков. Он обнаружил их под кроватью и, надевая, стряхнул ползающего по ним паука. Гарри привык к паукам — их было много в чулане под лестницей, а именно в чулане было его место.

Одевшись, он пошёл на кухню. Весь стол был завален приготовленными для Дадли подарками. Похоже, что Дадли подарили новый компьютер, который тот так хотел, ещё один телевизор и гоночный велосипед — это не говоря обо всём прочем. Для Гарри оставалось загадкой, почему Дадли хотел гоночный велосипед, ведь кузен был очень толстым и ненавидел физические упражнения — хотя отлупить кого-нибудь он был совсем не против. Любимой «грушей» Дадли был Гарри, но Дадли далеко не всегда удавалось поймать кузена. Хотя поверить в то, что Гарри мог быстро бегать, было довольно сложно.

Возможно, именно жизнь в тёмном чулане

привела к тому, что Гарри выглядел меньше и слабее своих сверстников. К тому же он казался ещё меньше и тоньше, чем был на самом деле, потому что ему приходилось донашивать старые вещи Дадли, а Дадли был раза в четыре крупнее его, так что одежда висела на Гарри мешком. У Гарри было худое лицо, острые коленки, чёрные волосы и ярко-зелёные глаза. Он носил круглые очки, заклеенные скотчем и только благодаря этому не разваливающиеся — Дадли сломал их, ударив Гарри по носу.

Единственное, что Гарри нравилось в собственной внешности — это тонкий шрам на лбу, напоминавший молнию. Шрам был у него с самого детства, и первый осмысленный вопрос, который он задал тёте Петунье, был как раз о том, откуда у него взялся этот шрам.

— Ты получил его в автокатастрофе, в которой погибли твои родители, — отрезала тётя. — И не приставай ко мне со своими вопросами.

«Не приставай ко мне со своими вопросами» — это было первое правило, которому он должен был следовать, чтобы жить в мире с Дурслями.

Когда Гарри переворачивал подрумянившиеся ломтики бекона, в кухню вошёл дядя Вернон.

— Причешись! — рявкнул он вместо утреннего

приветствия.

Примерно раз в неделю дядя Вернон смотрел на Гарри поверх газеты и кричал, что племянника надо подстричь. Наверное, Гарри стригли чаще, чем остальных его одноклассников, но это не давало никакого результата, потому что его волосы так и торчали во все стороны, к тому же они очень быстро отрастали.

К моменту когда на кухне появились Дадли и его мать, Гарри уже вылил на сковородку яйца и готовил яичницу с беконом. Дадли как две капли воды походил на своего папашу. У него было крупное розовое лицо, почти полностью отсутствовала шея, маленькие глаза были водянисто-голубыми, а густые светлые волосы аккуратно лежали на большой жирной голове. Тётя Петунья часто твердила, что Дадли похож на маленького ангела, а Гарри говорил про себя, что Дадли похож на свинью в парике.

Гарри с трудом расставил на столе тарелки с яйцами и беконом — там почти не было свободного места. Дадли в это время считал свои подарки. А когда закончил, лицо его вытянулось.

— Тридцать шесть, — произнёс он грустным голосом, укоризненно глядя на отца и мать. — Это на два меньше, чем в прошлом году.

— Дорогой, ты забыл о подарке от тётушки Мардж, он здесь, под большим подарком от мамы и папы! — поспешно затараторила тётя Петунья.

— Ладно, но тогда получается всего тридцать семь. — Лицо Дадли покраснело.

Гарри, сразу заметив, что у Дадли вот-вот приключится очередной приступ ярости, начал поспешно поглощать бекон, опасаясь, как бы кузен не перевернул стол.

Тётя Петунья, очевидно, тоже почувствовала опасность.

— Мы купим тебе ещё два подарка, сегодня в городе. Как тебе это, малыш? Ещё два подарочка. Ты доволен?

Дадли задумался. Похоже, в голове его шла какая-то очень серьёзная и сложная работа. Наконец он открыл рот.

— Значит… — медленно выговорил он. — Значит, их у меня будет тридцать… тридцать…

— Тридцать девять, мой сладенький, — поспешно вставила тётя Петунья.

— А-а-а! — Уже привставший было Дадли тяжело плюхнулся обратно на стул. — Тогда ладно…

Дядя Вернон выдавил из себя смешок.

— Этот малыш своего не упустит — прямо как его отец. Вот это парень! — Он взъерошил волосы

на голове Дадли.

Тут зазвонил телефон, и тётя Петунья метнулась к аппарату. А Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дадли разворачивает тщательно упакованный гоночный велосипед, видеокамеру, самолёт с дистанционным управлением, коробочки с шестнадцатью новыми компьютерными играми и видеомагнитофон.

Дадли срывал упаковку с золотых наручных часов, когда тётя Петунья вернулась к столу. Вид у неё был разозлённый и вместе с тем озабоченный.

— Плохие новости, Вернон, — сказала она. — Миссис Фигг сломала ногу. Она не сможет взять этого.

Тётя махнула рукой в сторону Гарри.

Рот Дадли раскрылся от ужаса, а Гарри ощутил, как сердце радостно подпрыгнуло у него в груди. Каждый год в день рождения Дадли Дурсли на целый день отвозили сына и его друга в Лондон, а там водили их на аттракционы, в кафе и в кино. Гарри же оставляли с миссис Фигг, сумасшедшей старухой, жившей в двух кварталах от Дурслей. Гарри ненавидел этот день. Весь дом миссис Фигг насквозь пропах кабачками, а его хозяйка заставляла Гарри любоваться фотографиями

многочисленных кошек, живших у неё в разные годы.

— И что теперь? — злобно спросила тётя Петунья, с ненавистью глядя на Гарри, словно это он всё подстроил.

Гарри знал, что ему следует пожалеть миссис Фигг и её сломанную ногу, но это было непросто, потому что теперь целый год отделял его от того дня, когда ему снова придётся рассматривать снимки Снежинки, мистера Лапки и Хохолка.

— Мы можем позвонить Мардж, — предложил дядя.

— Не говори ерунды, Вернон. Мардж ненавидит мальчишку.

Дурсли часто говорили о Гарри так, словно его здесь не было или словно он был настолько туп, что всё равно не мог понять, что речь идёт именно о нём.

— А как насчёт твоей подруги? Забыл, как её зовут… Ах, да, Ивонн.

— Она отдыхает на Майорке, — отрезала тётя Петунья.

— Вы можете оставить меня одного, — вставил Гарри, надеясь, что его предложение всем понравится и он наконец посмотрит по телевизору именно те передачи, которые ему интересны, а

может быть, ему даже удастся поиграть на новом компьютере Дадли.

Вид у тёти Петуньи был такой, словно она проглотила лимон.

— И чтобы мы вернулись и обнаружили, что от дома остались одни руины? — прорычала она.

— Но я ведь не собираюсь взрывать дом, — возразил Гарри, но его уже никто не слушал.

— Может быть… — медленно начала тётя Петунья. — Может быть, мы могли бы взять его с собой… и оставить в машине у зоопарка…

— Я не позволю ему сидеть одному в моей новой машине! — возмутился дядя Вернон.

Дадли громко разрыдался. То есть на самом деле он вовсе не плакал, последний раз настоящие слёзы лились из него много лет назад, но он знал, что стоит ему состроить жалобную физиономию и завыть, как мать сделает для него всё, что он пожелает.

— Дадли, мой маленький, мой крошка, пожалуйста, не плачь, мамочка не позволит ему испортить твой день рождения! — вскричала миссис Дурсль, крепко обнимая сына.

— Я… Я не хочу… Не хоч-ч-чу, чтобы он ехал с нами! — выдавил из себя Дадли в перерывах между громкими всхлипываниями, кстати, аб-

солютно фальшивыми. — Он… Он всегда всё по-по-портит!

Миссис Дурсль обняла Дадли, а тот высунулся из-за спины матери и, повернувшись к Гарри, состроил отвратительную гримасу.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— О господи, это они! — В голосе тёти Петуньи звучало отчаяние.

Через минуту в кухню вошёл лучший друг Дадли, Пирс Полкисс, вместе со своей матерью. Пирс был костлявым мальчишкой, очень похожим на крысу. Именно он чаще всего держал жертв Дадли, чтобы они не вырывались, когда Дадли будет их лупить. Увидев друга, Дадли сразу прекратил свой притворный плач.

Полчаса спустя Гарри, не смевший поверить в своё счастье, сидел на заднем сиденье машины Дурслей вместе с Пирсом и Дадли и впервые в своей жизни ехал в зоопарк. Тётя с дядей так и не придумали, на кого его можно оставить. Но прежде чем Гарри сел в машину, дядя Вернон отвёл его в сторону.

— Я предупреждаю тебя! — угрожающе произнёс он, склонившись к Гарри, и лицо его побагровело. — Я предупреждаю тебя, мальчишка, если ты что-то выкинешь, что угодно, ты просидишь в

своём чулане взаперти до самого Рождества!

— Я буду хорошо себя вести! — пообещал Гарри. — Честное слово…

Но дядя Вернон не поверил ему. Ему никто никогда не верил.

Проблема заключалась в том, что с Гарри часто приключались довольно странные вещи, и было бесполезно объяснять Дурслям, что он тут ни при чём.

Однажды тётя Петунья заявила, что ей надоело, что Гарри возвращается из парикмахерской в таком виде, словно вовсе там не был. Взяв кухонные ножницы, она обкорнала его почти налысо, оставив лишь маленький хохолок на лбу, чтобы, как она выразилась, «спрятать этот ужасный шрам». Дадли весь вечер изводил Гарри глупыми насмешками, и Гарри не спал всю ночь, представляя себе, каким посмешищем он станет в школе, где над ним и так издевались из-за мешковатой одежды и заклеенных скотчем очков.

Однако на следующее утро он обнаружил, что его волосы снова успели отрасти и выглядит он точно так же, как выглядел до того, как тётя Петунья решила его подстричь. За это ему запретили целую неделю выходить из чулана, хотя он пытался заверить Дурслей, что понятия не имеет,

почему волосы отросли так быстро.

В другой раз тётя Петунья пыталась заставить его надеть старый джемпер Дадли — ужасный, просто отвратительный джемпер, коричневый с оранжевыми кругами. Чем больше усилий она прикладывала, чтобы натянуть джемпер на Гарри, тем меньше он становился, и, в конце концов, съёжился настолько, что с трудом налез бы на куклу, но уж никак не на Гарри. К счастью, тётя Петунья решила, что джемпер сел после стирки, и Гарри избежал наказания.

Был ещё случай, когда Гарри натерпелся неприятностей из-за того, что его заметили на крыше школьной столовой. В тот день Дадли и его компания, как обычно, гонялись за Гарри, который пытался от них ускользнуть, и в какой-то момент он, к собственному удивлению — и к удивлению всех остальных, — оказался на трубе. Классная руководительница Гарри послала Дурслям гневное письмо, в котором написала, что он лазает по крыше школы.

Гарри пытался объяснить дяде Вернону что он всего лишь хотел перепрыгнуть через мусорные баки, стоявшие за столовой, и сам не понял, как оказался на крыше, но тот молча запер его в кладовке и ушёл. Самому себе Гарри объяснил, что,

когда он прыгал через баки, его подхватил порыв ветра — потому так всё и получилось.

Но сегодня всё должно было пойти просто отлично. Гарри даже не жалел о том, что находится в компании Дадли и Пирса, — ведь ему посчастливилось провести день не в школе, не в чулане и не в пропахшей кабачками гостиной миссис Фигг. А за такую возможность Гарри готов был дорого заплатить.

Всю дорогу дядя Вернон жаловался тёте Петунье на окружающий мир. Он вообще очень любил жаловаться: на людей, с которыми работал, на Гарри, на совет директоров банка, с которым была связана его фирма, и снова на Гарри. Банк и Гарри были его любимыми — то есть нелюбимыми — предметами. Однако сегодня главным объектом претензий дяди Вернона стали мопеды.

— Носятся как сумасшедшие, вот мерзкое хулиганьё! — проворчал он, когда их обогнал мопед.

— А мне на днях приснился мопед, — неожиданно для всех, включая себя самого, произнёс Гарри, вдруг вспомнив свой сон. — Он летел по небу.

Дядя Вернон чуть не въехал в идущую впереди машину. К счастью, он успел затормозить, а потом рывком повернулся к Гарри — его лицо напоминало гигантскую свёклу с усами.

— МОПЕДЫ НЕ ЛЕТАЮТ! — проорал он.

Дадли и Пирс дружно захихикали.

— Да, я знаю, — быстро сказал Гарри. — Это был просто сон.

Он уже пожалел, что открыл рот. Дурсли терпеть не могли, когда он задавал вопросы, но ещё больше они ненавидели, когда он говорил о чём-то странном, и не имело значения, был ли это сон или он увидел что-то такое в мультфильме. Дурсли сразу начинали сходить с ума, словно им казалось, что это его собственные идеи. Совершенно лишние и очень опасные идеи.

Воскресенье выдалось солнечным, и в зоопарке было полно людей. На входе Дурсли купили Дадли и Пирсу по большому шоколадному мороженому, а Гарри достался фруктовый лёд с лимонным вкусом — и то только потому, что они не успели увести его от прилавка, прежде чем улыбающаяся мороженщица, обслужив Дадли и Пирса, спросила, чего хочет третий мальчик. Но Гарри и этому был рад, он с удовольствием лизал фруктовый лёд, наблюдая за чешущей голову гориллой, — горилла была вылитый Дадли, только с тёмными волосами.

У Гарри давно не было такого прекрасного утра. Правда, он был настороже и старался держаться

чуть в стороне от Дурслей, потому что к полудню заметил, что Дадли и Пирсу уже надоело смотреть на животных, а значит, они могут решить заняться своим любимым делом — попытаться избить его. Но пока всё обходилось.

Они пообедали в ресторанчике, находившемся на территории зоопарка. А когда Дадли закатил истерику по поводу слишком маленького куска торта, дядя Вернон заказал ему кусок побольше, а остатки маленького достались Гарри.

Впоследствии Гарри говорил себе, что начало дня было чересчур хорошим для того, чтобы таким же оказался и его конец.

После обеда они пошли в террариум. Там было прохладно и темно, а за освещёнными окошками прятались рептилии. Там, за стёклами, ползали и скользили по камням и корягам самые разнообразные черепахи и змеи. Гарри было интересно абсолютно всё, но Дадли и Пирс настаивали на том, чтобы побыстрее пойти туда, где живут ядовитые кобры и толстенные питоны, способные задушить человека в своих объятиях.

Дадли быстро нашёл самую большую в мире змею. Она была настолько длинной, что могла дважды обмотаться вокруг автомобиля дяди Вернона, и такой сильной, что могла раздавить

его в лепёшку, но в тот момент она явно была не в настроении демонстрировать свои силы. А если точнее, она просто спала, свернувшись кольцами.

Дадли прижался носом к стеклу и стал смотреть на блестящие коричневые кольца.

— Пусть она проснётся, — произнёс он плаксивым тоном, обращаясь к отцу.

Дядя Вернон постучал по стеклу, но змея продолжала спать.

— Давай ещё! — скомандовал Дадли.

Дядя Вернон забарабанил по стеклу костяшками кулака, но змея не пошевелилась.

— Мне скучно! — завыл Дадли и поплёлся прочь, громко шаркая ногами.

Гарри встал на освободившееся место перед окошком и уставился на змею. Он бы не удивился, если бы оказалось, что та умерла от скуки, ведь змея была абсолютно одна, и её окружали лишь глупые люди, целый день стучавшие по стеклу, чтобы заставить её двигаться. Это было даже хуже, чем жить в чулане, единственным посетителем которого была тётя Петунья, барабанящая в дверь, чтобы тебя разбудить. По крайней мере, Гарри мог выходить из чулана и бродить по всему дому.

Внезапно змея приоткрыла свои глаза-бусинки. А потом очень, очень медленно подняла голову так, что та оказалась вровень с головой Гарри.

Змея ему подмигнула.

Гарри смотрел на неё, выпучив глаза. Потом быстро оглянулся, чтобы убедиться, что никто не замечает происходящего, — к счастью, вокруг никого не было. Он снова повернулся к змее и тоже подмигнул ей.

Змея указала головой в сторону дяди Вернона и Дадли и подняла глаза к потолку. А потом посмотрела на Гарри, словно говоря: «И так каждый день».

— Я понимаю, — пробормотал Гарри, хотя и не был уверен, что змея слышит его через толстое стекло. — Наверное, это ужасно надоедает.

Змея энергично закивала головой.

— Кстати, откуда вы родом? — поинтересовался Гарри.

Змея ткнула хвостом в висевшую рядом со стеклом табличку, и Гарри тут же перевёл взгляд на неё. «Боа констриктор, Бразилия», — прочитал он.

— Наверное, там было куда лучше, чем здесь?

Боа констриктор снова махнул хвостом в сторону таблички, и Гарри прочитал:

«Данная змея родилась и выросла в зоопарке».

— А понимаю, значит, вы никогда не были в Бразилии?

Змея замотала головой. В этот самый миг за спиной Гарри раздался истошный крик Пирса, Гарри и змея подпрыгнули от неожиданности.

— ДАДЛИ! МИСТЕР ДУРСЛЬ! СКОРЕЕ СЮДА, ПОСМОТРИТЕ НА ЗМЕЮ! ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ЧТО ОНА ВЫТВОРЯЕТ!

Через мгновение, пыхтя и отдуваясь, к окошку приковылял Дадли.

— Пошёл отсюда, ты, — пробурчал он, толкнув Гарри в ребро.

Гарри, не ожидавший удара, упал на бетонный пол. Последовавшие за этим события развивались так быстро, что никто не понял, как это случилось: в первое мгновение Дадли и Пирс стояли, прижавшись к стеклу, а уже через секунду они отпрянули от него с криками ужаса.

Гарри сел и открыл от удивления рот — стекло, за которым сидел удав, исчезло. Огромная змея поспешно разворачивала свои кольца, выползая из темницы, а люди с жуткими криками выбегали из террариума.

Гарри готов был поклясться, что, стремительно проползая мимо него, змея отчётливо прошипела:

— Бразилия — вот куда я отправлюсь… С-с-спасибо, амиго…

Владелец террариума был в шоке.

— Но тут ведь было стекло, — непрестанно повторял он. — Куда исчезло стекло?

Директор зоопарка лично поднёс тёте Петунье чашку крепкого сладкого чая и без устали рассыпался в извинениях. Пирс и Дадли были так напуганы, что несли жуткую чушь. Гарри видел, как змея, проползая мимо них, просто притворилась, что хочет схватить их за ноги, но когда они уже сидели в машине дяди Вернона, Дадли рассказывал, как она чуть не откусила ему ногу, а Пирс клялся, что она пыталась его задушить. Но самым худшим для Гарри было то, что Пирс наконец успокоился и вдруг произнёс:

— А Гарри разговаривал с ней — ведь так, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока за Пирсом придёт его мать, и только потом повернулся к Гарри, которого до этого старался не замечать. Он был так разъярён, что даже говорил с трудом.

— Иди… в чулан… сиди там… никакой еды. —

Это всё, что ему удалось произнести, прежде чем он упал в кресло и прибежавшая тётя Петунья дала ему большую порцию бренди.

Много позже, лёжа в тёмном чулане, Гарри пожалел, что у него нет часов. Он не знал, сколько сейчас времени, и не был уверен в том, что Дурсли уже уснули. Он готов был рискнуть и выбраться из чулана на кухню в поисках какой-нибудь еды, но только если они уже легли.

Гарри думал о том, что прожил у Дурслей почти десять лет, полных лишений и обид. Он жил у них почти всю свою жизнь, с самого раннего детства, с тех самых пор, когда его родители погибли в автокатастрофе. Он не помнил ни самой катастрофы, ни того, что он тоже был в той машине. Иногда, часами лёжа в тёмном чулане, он пытался хоть что-то извлечь из памяти, и перед его глазами вставало странное видение: ослепительная вспышка зелёного света и обжигающая боль во лбу. Видимо, это случилось именно во время аварии, хотя он и не мог объяснить, откуда там взялся зелёный свет.

И своих родителей он тоже не мог вспомнить. Тётя и дядя никогда о них не рассказывали, и, разумеется, ему было запрещено задавать вопросы. Фотографии его родителей в доме Дурслей

отсутствовали.

Когда Гарри был младше, он часто мечтал о том, как в доме Дурслей появится какой-нибудь его родственник, далёкий и неизвестный, и заберёт его отсюда. Но этого так и не произошло — его единственными родственниками были Дурсли, — и Гарри перестал мечтать об этом. Но иногда ему казалось — или ему просто хотелось в это верить, — что совершенно незнакомые люди ведут себя так, словно хорошо его знают.

Надо признать, это были очень странные незнакомцы. Однажды, когда они вместе с тётей Петуньей и Дадли зашли в магазин, ему поклонился крошечный человечек в высоком фиолетовом цилиндре. Тётя Петунья тут же рассвирепела, злобно спросила Гарри, знает ли он этого коротышку, а потом схватила его и Дадли и выбежала из магазина, так ничего и не купив. А как-то раз в автобусе ему весело помахала рукой безумная с виду женщина, одетая во всё зелёное. А недавно на улице к нему подошёл лысый человек в длинной пурпурной мантии, пожал ему руку и ушёл, не сказав ни слова. И что самое загадочное, эти люди исчезали в тот момент, когда Гарри пытался повнимательнее их рассмотреть.

Так что, если не считать этих загадочных незна-

комцев, у Гарри не было никого — и друзей у него тоже не было. В школе все знали, что Дадли и его компания ненавидят этого странного Гарри Поттера, вечно одетого в мешковатое старьё и разгуливающего в сломанных очках, а с Дадли предпочитали не ссориться.

В общем, Гарри был одинок на этом свете, и, похоже, ему предстояло оставаться таким же одиноким ещё долгие годы. Много-много лет…

Глава 3
Письма невесть от кого

Гарри никогда ещё так не наказывали, как за историю с бразильским удавом. Когда ему наконец разрешили выходить из чулана, уже начались летние каникулы, а Дадли уже успел сломать новую видеокамеру, разбил самолёт с дистанционным управлением и, в первый раз сев на новый гоночный велосипед, умудрился врезаться в миссис Фигг, переходившую Тисовую улицу на костылях, и сбить её с ног, так что она потеряла сознание.

Гарри был рад, что занятия в школе закончились, но зато теперь ему негде было скрыться от Дадли и его дружков, которые каждый день приходили к нему домой. И Пирс, и Деннис, и Малкольм, и Гордон — все они были здоровыми и безмозглыми, но Дадли был самым здоровым и самым безмозглым, и потому именно он считался их предводителем и решал, что будет делать вся компания. И вся компания соглашалась с тем, что следует заняться любимым спортом Дадли — охотой на Гарри.

По этой причине Гарри проводил как можно больше времени вне дома, шатаясь неподалёку и думая о том, что не так уж много времени осталось до конца каникул, откуда ему светил крошечный лучик надежды. В сентябре он должен был пойти в среднюю школу и наконец-то расстаться с Дадли. Дадли перевели в частную школу, где когда-то учился дядя Вернон, — в «Вонингс». Кстати, туда же устроили и Пирса Полкисса. А Гарри отдали в самую обычную общеобразовательную школу, в «Хай Камеронс». Дадли это показалось невероятно смешным.

— В этой школе старшекурсники в первый же день засовывают новичков головой в унитаз, — сразу же начал издеваться Дадли. — Хочешь подняться наверх и попробовать?

— Нет, спасибо, — ответил Гарри. — В многострадальный унитаз никогда не засовывали ничего страшнее твоей головы — его, бедняжку, может и стошнить.

Гарри убежал раньше, чем Дадли понял смысл сказанного.

Как-то в июле тётя Петунья повезла Дадли в Лондон, чтобы купить ему фирменную форму школы «Вонингс», а Гарри отвела к миссис Фигг. Как ни странно, теперь у миссис Фигг стало куда

приятнее, чем раньше. Выяснилось, что она сломала ногу, наступив на одну из своих кошек, и с тех пор уже не пылает к ним такой страстной любовью, как прежде. Так что она не показывала Гарри фотографии кошек, и даже разрешила ему посмотреть телевизор, но зато угостила шоколадным кексом, который, судя по вкусу, пролежал у неё в шкафу по крайней мере десяток лет.

В тот вечер Дадли гордо маршировал по гостиной в новой школьной форме. Ученики «Вонингса» носили тёмно-бордовые фраки, оранжевые бриджи и плоские соломенные шляпы, которые называются канотье. Ещё они носили узловатые палки, которыми колотили друг друга за спинами учителей. Считалось, что это хорошая подготовка к той взрослой жизни, которая начнётся после школы.

Глядя на Дадли, гордо вышагивающего в своей новой форме, дядя Вернон ужасно растрогался и ворчливым голосом — ворчал он притворно, пряча свои эмоции, — заметил, что это самый прекрасный момент в его жизни. Что же касается тёти Петуньи, то она не стала скрывать своих чувств и разрыдалась, а потом воскликнула, что никак не может поверить в то, что этот взрослый красавец — её крошка сыночек, её миленькая

лапочка. А Гарри даже боялся открыть рот. Он изо всех сил сдерживал смех, но тот так распирал его, что мальчику казалось, что у него вот-вот треснут рёбра и хохот вырвется наружу.

Когда на следующее утро Гарри зашёл на кухню позавтракать, там стоял ужасный запах. Как оказалось, он исходил из огромного металлического бака, стоявшего в мойке. Гарри подошёл поближе. Бак был наполнен серой водой, в которой плавало нечто похожее на грязные тряпки.

— Что это? — спросил он тётю Петунью.

Тётя поджала губы — она всегда так делала, когда Гарри осмеливался задать ей вопрос.

— Твоя новая школьная форма.

Гарри снова заглянул в бак.

— Ну да, конечно, — произнёс он. — Я просто не догадался, что её обязательно нужно намочить.

— Не строй из себя дурака, — отрезала тётя Петунья. — Я специально крашу старую форму Дадли в серый цвет. Когда я закончу, она будет выглядеть как новенькая.

Гарри никак не мог в это поверить, но решил, что лучше не спорить. Он сел за стол, стараясь не думать о том, как будет выглядеть в свой первый день в «Хай Камероне» — наверное, так, словно вырядился в обрывки полусгнившей шкуры

мамонта.

В кухню вошли Дадли и дядя Вернон, и оба сразу сморщили носы — запах новой школьной формы Гарри им явно не понравился. Дядя Вернон, как обычно, погрузился в чтение газеты, а Дадли принялся стучать по столу форменной узловатой палкой, которую он теперь повсюду таскал с собой.

Из коридора донеслись знакомые звуки — почтальон просунул почту в специально сделанную в двери щель, и она упала на лежавший в коридоре коврик.

— Принеси почту, Дадли, — буркнул дядя Вернон из-за газеты.

— Пошли за ней Гарри.

— Гарри, принеси почту.

— Пошлите за ней Дадли, — ответил Гарри.

— Ткни его своей палкой, Дадли, — посоветовал дядя Вернон.

Гарри увернулся от палки и пошёл в коридор. На коврике лежали открытка от сестры дяди Вернона по имени Мардж, отдыхавшей на острове Уайт, коричневый конверт, в котором, судя по всему, лежал счёт, и письмо для Гарри.

Гарри поднял его и начал внимательно рассматривать, чувствуя, как у него внутри всё

напряглось и задрожало, как натянутая тетива лука. Никто ни разу никогда в жизни не писал ему писем. Да и кто мог ему написать? У него не было друзей, у него не было других родственников, он даже не был записан в библиотеку, из которой ему могло бы прийти по почте грубое послание с требованием немедленно вернуть книги. Однако сейчас он держал в руках письмо, и на нём стояло не только его имя, но и адрес. Так что сомнений, что письмо адресовано именно ему, не было.

«Мистеру Г. Поттеру, графство Суррей, город Литтл Уингинг, улица Тисовая, дом четыре, чулан под лестницей» — вот что было написано на конверте.

Конверт, тяжёлый и толстый, был сделан из желтоватого пергамента, а адрес был написан изумрудно-зелёными чернилами. Марка на конверте отсутствовала.

Дрожащей рукой Гарри перевернул конверт и увидел, что он запечатан пурпурной восковой печатью, украшенной гербом, на гербе были изображены лев, орёл, барсук и змея, а в середине — большая буква «Х».

— Давай поживее, мальчишка! — крикнул из кухни дядя Вернон. — Что ты там копаешься? Проверяешь, нет ли в письмах взрывчатки?

Дядя Вернон расхохотался собственной шутке.

Гарри вернулся в кухню, всё ещё разглядывая письмо. Он протянул дяде Вернону счёт и открытку, сел на своё место и начал медленно вскрывать жёлтый конверт.

Дядя Вернон одним движением разорвал свой конверт, вытащил из него счёт, недовольно засопел и начал изучать открытку.

— Мардж заболела, — проинформировал он тётю Петунью. — Съела какое-то экзотическое местное блюдо и…

— Пап! — внезапно крикнул Дадли. — Пап, Гарри тоже что-то получил!

Гарри уже собирался развернуть письмо, написанное на том же пергаменте, из которого был сделан конверт, когда дядя Вернон вырвал бумагу из его рук.

— Это моё! — возмутился Гарри, пытаясь завладеть бумагой.

— И кто, интересно, будет тебе писать? — презрительно фыркнул дядя Вернон, разворачивая письмо и бросая на него взгляд. Его красное лицо вдруг стало зелёным, причём быстрее, чем меняются цвета на светофоре. Но на этом дело не кончилось. Через несколько секунд лицо его стало серовато-белым, как засохшая овсяная каша.

— П-П-Петунья! — заикаясь, выдохнул он.

Дадли попытался вырвать у него письмо, но дядя Вернон поднял его над собой, чтобы Дадли не смог дотянуться. Подошедшая Петунья, большая любительница сплетен и слухов, взяла у мужа письмо и прочла первую строчку. На мгновение всем показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Тётя схватилась за горло и втянула воздух с таким звуком, словно задыхалась.

— Вернон! О боже, Вернон!

Тётя и дядя смотрели друг на друга, кажется, позабыв о том, что на кухне сидят Гарри и Дадли. Правда, абстрагироваться надолго им не удалось, потому что Дадли не выносил, когда на него не обращали внимания. Он сильно стукнул отца по голове своей узловатой палкой.

— Я хочу прочитать письмо! — громко заявил Дадли.

— Это я хочу прочитать письмо, — возмущённо возразил Гарри. — Это моё письмо.

— Пошли прочь, вы оба, — прокаркал дядя Вернон, запихивая письмо обратно в конверт.

Гарри не двинулся с места.

— ОТДАЙТЕ МНЕ МОЁ ПИСЬМО! — прокричал он.

— Дайте мне его посмотреть! — заорал Дадли.

— ВОН! — взревел дядя Вернон и, схватив за шиворот сначала Дадли, а потом Гарри, выволок их в коридор и захлопнул за ними дверь кухни.

Гарри и Дадли тут же устроили яростную, но молчаливую драку за место у замочной скважины — выиграл Дадли, и Гарри, не замечая, что очки повисли на одной дужке, улёгся на пол, прикладывая ухо к узенькой полоске свободного пространства между полом и дверью.

— Вернон, — произнесла тётя Петунья дрожащим голосом. — Вернон, посмотри на адрес, как они могли узнать, где он спит? Ты не думаешь, что они следят за домом?

— Следят… даже шпионят… а может быть, даже ходят за нами по пятам, — пробормотал дядя Вернон, который, кажется, был на грани помешательства.

— Что нам делать, Вернон? Может быть, следует им ответить? Написать, что мы не хотим…

Гарри видел, как блестящие туфли дяди Вернона ходят по кухне взад и вперёд.

— Нет, — наконец ответил дядя Вернон. — Нет, мы просто проигнорируем это письмо. Если они не получат ответ… Да, это лучший выход из положения… Мы просто ничего не будем предпринимать…

— Но…

— Мне не нужны в доме такие типы, как они, ты поняла, Петунья?! Когда мы взяли его, разве мы не поклялись, что искореним всю эту опасную чепуху?!

В тот вечер, вернувшись с работы, дядя Вернон совершил нечто такое, чего раньше никогда не делал, — он пришёл к Гарри в чулан.

— Где моё письмо? — спросил Гарри, как только дядя Вернон протиснулся в дверь. — Кто мне его написал?

— Никто. Оно было адресовано тебе по ошибке, — коротко пояснил дядя Вернон. — Я его сжёг.

— Не было никаких ошибок, — горячо возразил Гарри. — Там даже было написано, что я живу в чулане.

— ТИХО ТЫ! — проревел дядя Вернон, и от его крика с потолка упало несколько пауков. Дядя Вернон сделал несколько глубоких вдохов, а затем попытался улыбнуться, однако это далось ему с трудом, и улыбка получилась достаточно болезненной. — Э-э-э… кстати, Гарри, насчёт этого чулана. Твоя тётя и я тут подумали… Ты слишком вырос, чтобы и дальше жить здесь… Мы подумали, будет лучше, если ты переберёшься во вторую спальню Дадли.

— Зачем? — спросил Гарри.

— Не задавай вопросов! — рявкнул дядя Вернон. — Собирай своё барахло и тащи его наверх, немедленно!

В доме Дурслей было четыре спальни — одна для дяди Вернона и тёти Петуньи, одна для гостей (обычно в роли гостьи выступала сестра дяди Вернона Мардж), одна, где спал Дадли, и ещё одна, в которой Дадли хранил те игрушки и вещи, которые не помещались в его первой спальне. Гарри же хватило всего одного похода наверх, чтобы перенести все свои вещи из чулана. И теперь он сидел на кровати и осматривался.

Почти всё в этой комнате было поломано. Подаренная Дадли всего месяц назад, но уже неработающая видеокамера лежала на маленьком заводном танке, пострадавшем от столкновения с соседской собакой, на которую его направил Дадли. В углу стоял первый телевизор Дадли, который тот разбил ударом ноги, когда отменили показ его любимой передачи. В другом углу стояла огромная клетка, в которой когда-то жил попугай и которого Дадли обменял на духовое ружьё — а ружьё лежало рядом, и дуло его было безнадёжно погнуто, потому что Дадли как-то раз на него сел. Единственное, что в этой комнате

выглядело новым, так это стоявшие на полках книги, — создавалось впечатление, что до них никогда не дотрагивались.

Снизу доносились вопли Дадли.

— Я не хочу, чтобы он там спал!.. Мне нужна эта комната!.. Пусть он убирается оттуда!..

Гарри вздохнул и лёг на кровать. Вчера он отдал бы всё на свете за то, чтобы оказаться здесь. Сегодня он предпочёл бы оказаться в чулане со своим письмом, чем здесь, но без письма.

На другое утро за завтраком все сидели какие-то очень притихшие. А Дадли вообще пребывал в состоянии шока. Накануне он орал во всё горло, колотил отца новой дубинкой, давился, пинал мать и подкидывал вверх свою черепаху, разбив ею стеклянную крышу оранжереи, но ему так и не вернули его вторую комнату. Что касается Гарри, то он вспоминал вчерашнее утро и жалел о том, что не распечатал своё письмо, пока был в коридоре. Дядя Вернон и тётя Петунья обменивались мрачными взглядами.

Когда за дверью послышались шаги почтальона, дядя Вернон, всё утро пытавшийся быть очень внимательным и вежливым по отношению к Гарри, потребовал, чтобы за почтой сходил Дадли. Из кухни было слышно, как тот идёт к

двери, стуча своей палкой по стенам и вообще по всему, что попадалось ему на пути. А затем донёсся его крик:

— Тут ещё одно! «Мистеру Г. Поттеру, дом четыре по улице Тисовая, самая маленькая спальня».

Дядя Вернон со сдавленным криком вскочил и метнулся в коридор. Гарри рванул за ним. Дяде Вернону пришлось повалить Дадли на землю, чтобы вырвать у него из рук письмо, а это оказалось непросто, потому что Гарри сзади обхватил дядю Вернона за шею. После непродолжительной, но жаркой схватки, в которой каждый получил по нескольку ударов узловатой палкой, дядя Вернон распрямился, тяжело дыша, но зато сжимая в руке письмо, адресованное Гарри.

— Иди в свой чулан… я хотел сказать, в свою спальню, — прохрипел он, обращаясь к Гарри. — И ты, Дадли… уйди отсюда, просто уйди.

Гарри долго мерил шагами спальню. Кто-то знал, что он переехал сюда из чулана. И ещё этот кто-то знал, что он не получил первое письмо. И всё это означало, что этот кто-то попробует передать ему ещё одно письмо. И на этот раз Гарри собирался его получить. Потому что у него родился план.

* * *

Дышащий на ладан будильник, благодаря Дадли неоднократно побывавший в мастерской, зазвонил ровно в шесть часов. Гарри поспешно выключил его и быстро оделся, стараясь не шуметь, чтобы ни в коем случае не разбудить семейство Дурслей. Он бесшумно вышел из своей комнаты и, крадучись, пошёл вниз в полной темноте — включать свет было опасно.

План его заключался в том, чтобы выйти из дома, встать на углу Тисовой улицы и дождаться появления почтальона, чтобы первым забрать письма. А сейчас он крался по тёмному коридору, его сердце отчаянно прыгало в груди, и…

— А-А-А-А!

Гарри буквально взлетел в воздух, потому что наступил на что-то большое и мягкое, лежавшее на коврике у входной двери. На что-то… живое!

Наверху зажёгся свет, и Гарри с ужасом увидел, что этим большим и мягким было лицо дяди Вернона. Мистер Дурсль лежал у входной двери в спальном мешке. Не оставалось сомнений, что он сделал так именно для того, чтобы не дать Гарри осуществить задуманное. И, что тоже было несомненно, он вовсе не рассчитывал, что на

него наступят.

После получасовых воплей дядя Вернон велел Гарри сделать ему чашку чая. Гарри грустно поплёлся на кухню, а когда вернулся с чаем, почту уже принесли, и теперь она лежала за пазухой у дяди Вернона. Гарри отчётливо видел три конверта с надписями, сделанными изумрудно-зелёными чернилами.

— Я хочу… — начал было он, но дядя Вернон достал письма и разорвал их на мелкие кусочки прямо у него на глазах.

В тот день дядя Вернон не пошёл на работу. Он остался дома и намертво заколотил щель для писем.

— Видишь ли, — объяснял он тёте Петунье сквозь зажатые в зубах гвозди, — если они не смогут доставлять свои письма, они просто сдадутся.

— Я не уверена, что это поможет, Вернон.

— О, у этих людей странная логика, Петунья. Они не такие, как мы с тобой, — ответил дядя Вернон, пытаясь забить гвоздь куском фруктового кекса, только что принесённого ему тётей Петуньей.

* * *

В пятницу для Гарри принесли не меньше дюжины писем. Так как они не пролезали в заколоченную щель для писем, их просунули под входную дверь, а несколько штук протолкнули сквозь маленькое окошко в туалете на первом этаже.

Дядя Вернон снова остался дома. Он сжёг все письма, а потом достал молоток и гвозди и заколотил парадную и заднюю двери, чтобы никто не смог выйти из дома. Работая, он что-то напевал себе под нос и испуганно вздрагивал от любых посторонних звуков.

* * *

В субботу ситуация начала выходить из-под контроля. Несмотря на усилия дяди Вернона, в дом попали целых двадцать четыре письма для Гарри — кто-то свернул их и засунул в две дюжины яиц, которые молочник передал тёте Петунье через окно гостиной. Молочник не подозревал о содержимом яиц, но был крайне удивлён, что в доме заколочены двери. Пока дядя Вернон судорожно звонил на почту и в молочный магазин и

искал того, кому можно пожаловаться на случившееся, тётя Петунья засунула письма в кухонный комбайн и перемолола их на мелкие кусочки.

— Интересно, кому это так сильно понадобилось пообщаться с тобой? — изумлённо спросил Дадли, обращаясь к Гарри.

* * *

В воскресенье утром дядя Вернон выглядел утомлённым и немного больным, но зато счастливым.

— По воскресеньям — никакой почты, — громко заявил он с довольной улыбкой, намазывая джемом свою газету. — Сегодня — никаких чёртовых писем…

Он не успел договорить, как что-то засвистело в дымоходе и ударило дядю Вернона по затылку. В следующую секунду из камина со скоростью пули вылетели тридцать или даже сорок писем. Дурсли инстинктивно пригнулись, и письма просвистели у них над головами, а Гарри подпрыгнул, пытаясь ухватить хотя бы одно из них.

— Вон! ВОН! — Дядя Вернон поймал Гарри в воздухе, потащил к двери и вышвырнул в коридор. Затем из комнаты выбежали тётя Петунья и Дадли, закрывая руками лица, за ними выскочил

дядя Вернон, захлопнув за собой дверь. Слышно было, как в комнату продолжают падать письма, они стучали по полу и стенам, отлетая от них рикошетом.

— Ну всё, — значимо и весомо произнёс дядя Вернон. Он старался говорить спокойно, хотя на самом деле нервно выщипывал из усов целые пучки волос. — Через пять минут я жду вас здесь — готовыми к отъезду. Мы уезжаем, так что быстро соберите необходимые вещи — и никаких возражений!

Он выглядел таким разъярённым и опасным, особенно после того, как выдрал себе пол-уса, что возражать никто не осмелился. Десять минут спустя дядя Вернон, взломав забитую досками дверь, вывел всех к машине, и автомобиль рванул в сторону скоростного шоссе. На заднем сиденье обиженно сопел Дадли — отец отвесил ему затрещину за то, что он слишком долго возился. А Дадли всего лишь пытался втиснуть в свою спортивную сумку телевизор, видеомагнитофон и компьютер.

Они ехали. Ехали всё дальше и дальше. Даже тётя Петунья не решалась спросить, куда они направляются. Несколько раз дядя Вернон делал крутой вираж, и какое-то время машина двига-

лась в обратном направлении. А потом снова следовал резкий разворот.

— Сбить их со следа… сбить их со следа, — всякий раз бормотал дядя Вернон.

Они ехали целый день, не сделав ни единой остановки для того, чтобы хоть что-нибудь перекусить. Когда стемнело, Дадли начал скулить. У него в жизни не было такого плохого дня. Он был голоден, он пропустил пять телевизионных программ, которые собирался посмотреть, и он никогда ещё не делал таких долгих перерывов между компьютерными сражениями с пришельцами и чудовищами.

Наконец дядя Вернон притормозил у мрачной гостиницы на окраине большого города. Дадли и Гарри выделили одну комнату на двоих — в ней были две двуспальные кровати, застеленные влажными, пахнущими плесенью простынями. Дадли тут же захрапел, а Гарри сидел на подоконнике, глядя вниз на огни проезжающих мимо машин и думая, гадая, мечтая…

* * *

На завтрак им подали заплесневелые кукурузные хлопья и кусочки поджаренного хлеба с кислыми консервированными помидорами. Но

не успели они съесть этот нехитрый завтрак, как к столу подошла хозяйка гостиницы.

— Я извиняюсь, но нет ли среди вас мистера Г. Поттера? Тут для него письма принесли, целую сотню. Они там у меня, у стойки портье.

Она протянула им конверт, на котором зелёными чернилами было написано:

> «Мистеру Г. Поттеру, город Коукворт, гостиница „У железной дороги“, комната 17».

Гарри попытался схватить письмо, но дядя Вернон ударил его по руке. Хозяйка гостиницы застыла, ничего не понимая.

— Я их заберу, — сказал дядя Вернон, быстро вставая из-за стола и удаляясь вслед за хозяйкой.

* * *

— Дорогой, не лучше ли нам будет вернуться? — робко поинтересовалась тётя Петунья спустя несколько часов, но дядя Вернон, похоже, её не слышал.

Никто не знал, куда именно они едут. Дядя Вернон завёз их в чащу леса, вылез из машины, огляделся, потряс головой, сел обратно, и они

снова двинулись в путь. То же самое случилось посреди распаханного поля, на подвесном мосту и на верхнем этаже многоярусной автомобильной парковки.

— Папа сошёл с ума, да, мам? — грустно спросил Дадли после того, как днём дядя Вернон оставил автомобиль на побережье, запер их в машине, а сам куда-то исчез.

Начался дождь. Огромные капли стучали по крыше машины. Дадли шмыгнул носом.

— Сегодня понедельник, — запричитал он. — Сегодня вечером показывают шоу великого Умберто. Я хочу, чтобы мы остановились где-нибудь, где есть телевизор.

«Значит, сегодня понедельник», — подумал про себя Гарри, вспоминая кое о чём. Если *сегодня* был понедельник — а в этом Дадли можно было доверять, он всегда знал, какой сегодня день, благодаря телевизионной программе, — значит, завтра, во вторник, Гарри исполнится одиннадцать лет. Конечно, нельзя сказать, что у него были весёлые дни рождения, — например, в прошлом году Дурсли подарили ему вешалку для куртки и пару старых носков дяди Вернона. Так что и в этом году от дня рождения ничего особенного ждать не стоило. Но всё же не каждую

неделю тебе исполняется одиннадцать.

Дядя Вернон вернулся к машине, по лицу его блуждала непонятная улыбка. В руках он держал длинный свёрток, и когда тётя Петунья спросила, что это он там купил, он ничего не ответил.

— Я нашёл превосходное место! — объявил дядя Вернон. — Пошли! Все вон из машины!

На улице было очень холодно. Дядя Вернон указал пальцем на огромную скалу посреди моря. На вершине скалы приютилась самая убогая хижина, какую только можно было представить. Понятно, что ни о каком телевизоре не могло быть и речи.

— Сегодня вечером обещают шторм! — радостно сообщил дядя Вернон, хлопнув в ладоши. — А этот джентльмен любезно согласился одолжить нам свою лодку.

Дядя Вернон кивнул на семенящего к ним беззубого старика, который злорадно ухмылялся, показывая на старую лодку, прыгающую на серых, отливающих сталью волнах.

— Я уже запасся кое-какой провизией, — произнёс дядя Вернон. — Так что теперь — все на борт!

В лодке было ещё холоднее, чем на берегу. Ледяные брызги и капли дождя забирались за шиворот, а арктический ветер хлестал в лицо.

Казалось, что прошло несколько часов, прежде чем они доплыли до скалы, а там дядя Вернон, поскальзываясь на камнях и с трудом удерживая равновесие, повёл их к покосившемуся домику.

Внутри был настоящий кошмар — сильно пахло морскими водорослями, сквозь дыры в деревянных стенах внутрь с воем врывался ветер, а камин был отсыревшим и пустым. Вдобавок ко всему в домике было лишь две комнаты.

Приобретённая дядей Верноном провизия поразила всех — четыре пакетика чипсов и четыре банана. После еды — если это можно было назвать едой — дядя Вернон попытался разжечь огонь с помощью пакетиков из-под чипсов, но те не желали загораться и просто съёжились, заполнив комнату едким дымом.

— Надо было забрать из гостиницы все эти письма — вот бы они сейчас пригодились, — весело заметил дядя Вернон.

Дядя пребывал в очень хорошем настроении. Очевидно, он решил, что из-за шторма до них никто не доберётся, так что писем больше не будет. Гарри в глубине души был с ним согласен, хотя его эта мысль совершенно не радовала.

Как только стемнело, начался обещанный шторм. Брызги высоких волн стучали в стены до-

мика, а усиливающийся ветер неистово ломился в грязные окна. Тётя Петунья нашла в углу одной из комнат покрытые плесенью одеяла и устроила Дадли постель на изъеденной молью софе. Они с дядей Верноном ушли во вторую комнату, где стояла огромная продавленная кровать, а Гарри пришлось улечься на пол, накрывшись самым тонким и самым рваным одеялом.

Ураган крепчал и становился всё яростнее, а Гарри не мог заснуть. Он поёживался от холода и переворачивался с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее, а в животе у него урчало от голода. Дадли захрапел, но его храп заглушали низкие раскаты грома: началась гроза.

У Дадли были часы со светящимся циферблатом, и когда его жирная рука выскользнула из-под одеяла и повисла над полом, Гарри увидел, что через десять минут ему исполнится одиннадцать лет. Он лежал и смотрел, как бегает по кругу секундная стрелка, приближая его день рождения, и спрашивал себя, вспомнят ли Дурсли об этой дате. Но ещё больше его интересовало, где сейчас был тот, кто посылал ему письма.

До начала следующего дня оставалось пять минут. Гарри отчётливо услышал, как снаружи что-то заскрипело. Ему хотелось верить, что кры-

ша домика выдержит атаку дождя и ветра и не провалится внутрь, хотя, возможно, так стало бы теплее — всё равно хуже, чем сейчас, быть уже не могло.

Часы Дадли показывали без четырёх двенадцать. Гарри подумал, что, когда они вернутся на Тисовую улицу, вполне возможно, в доме будет столько писем, что ему удастся стащить хотя бы одно.

Без трёх двенадцать. Снаружи раздался непонятный звук, словно море громко хлестнуло по скале. А ещё через минуту до Гарри донёсся громкий треск — наверное, это упал в море большой камень.

Ещё одна минута, и наступит день его рождения. Тридцать секунд… двадцать… десять… девять… Может, имеет смысл разбудить Дадли, просто для того чтобы его позлить? Три секунды… две… одна…

БУМ!

Хижина задрожала, Гарри резко сел на полу, глядя на дверь. За ней кто-то стоял и громко стучал, требуя, чтобы его впустили. Но кто?

Глава 4
Хранитель ключей

БУМ! — снова раздался грохот.

Дадли вздрогнул и проснулся.

— Где пушка? — с глупым видом спросил он.

Позади них громко хлопнула дверь, отделявшая одну комнату от другой, и появился тяжело дышавший дядя Вернон. В руках у него было ружьё — так что теперь стало ясно, что лежало в том длинном пакете, о содержимом которого он никому не рассказал.

— Кто там? — крикнул дядя Вернон. — Предупреждаю, я вооружён!

За дверью всё стихло. И вдруг…

ТРАХ!

В дверь ударили с такой силой, что она слетела с петель и с оглушительным треском приземлилась посреди комнаты.

В дверном проёме стоял великан. Его лицо скрывалось за длинными спутанными прядями волос и огромной клочковатой бородой, но зато были видны его глаза, маленькие и блестящие, как чёрные жуки. Великан протиснулся в хижи-

ну и пригнулся, но голова его всё равно касалась потолка — уж слишком он был велик. Он наклонился, поднял дверь и легко поставил её на место. Грохот урагана, доносившийся снаружи, сразу стал потише. Великан повернулся и внимательно оглядел всех, кто был в хижине.

— Ну чего, может, чайку сделаете, а? Непросто до вас добраться, да… устал я…

Великан шагнул к софе, на которой сидел застывший от страха Дадли.

— Ну-ка подвинься, пузырь, — приказал незнакомец.

Дадли взвизгнул и, соскочив с софы, рванулся к вышедшей из второй комнаты матери и спрятался за неё. Тётя Петунья в свою очередь шагнула за спину дяди Вернона и пугливо пригнулась, словно надеялась, что за мужем её не будет видно.

— А вот и наш Гарри! — удовлетворённо произнёс великан.

Гарри всмотрелся в свирепое, страшное лицо, скрытое волосами, и увидел, что глаза-жуки сузились в улыбке.

— Когда я видел тебя в последний раз, ты совсем маленьким был, — сообщил великан. — А сейчас вон как вырос — и вылитый отец, ну один в один просто. А глаза материны.

Дядя Вернон издал какой-то странный звук, похожий на скрип, и шагнул вперёд.

— Я требую, чтобы вы немедленно покинули этот дом, сэр! — заявил он. — Вы взломали дверь и вторглись в чужие владения!

— Да заткнись ты, Дурсль!

Великан протянул руку и, выдернув ружьё из рук дяди Вернона, с лёгкостью завязал его в узел, словно оно было резиновое, а потом швырнул его в угол.

Дядя Вернон пискнул, как мышь, которой наступили на хвост.

— Да… Гарри, — произнёс великан, поворачиваясь спиной к Дурслям. — С днём рождения тебя, вот. Я тут тебе принёс кой-чего… Может, там помялось слегка, я… э-э… сел на эту штуку по дороге… но вкус-то от этого не испортился, да?

Великан запустил руку во внутренний карман чёрной куртки и извлёк оттуда немного помятую коробку. Гарри взял её дрожащими от волнения руками и поспешно открыл, хотя пальцы плохо слушались его. Внутри был большой липкий шоколадный торт, на котором зелёным кремом было написано: «С днём рождения, Гарри!»

Гарри посмотрел на великана. Он хотел поблагодарить его за подарок, но слова благодарности

потерялись по пути ко рту, и вместо этого он сказал совсем другое:

— Вы кто?

Великан хохотнул.

— А ведь точно, я и забыл представиться. Рубеус Хагрид, смотритель и хранитель ключей Хогвартса.

Он протянул огромную ладонь и, обхватив руку Гарри, энергично потряс её.

— Ну так чего там с чаем? — спросил он, потирая руки. — Я… э-э… и от чего-нибудь покрепче не отказался бы, если… э-э… у вас есть.

Взгляд великана упал на пустой камин, в котором тоскливо лежали сморщенные пакетики из-под чипсов. Великан презрительно фыркнул и нагнулся над камином — никто не видел, что он там делает, но когда через секунду великан отодвинулся, в камине полыхал яркий огонь. Мерцающий свет залил сырую хижину, и Гарри сразу почувствовал себя так, словно залез в горячую ванну.

Гигант сел обратно на софу, прогнувшуюся под его весом, и начал опорожнять карманы, которых в его куртке было великое множество. На софе появились медный чайник, мятая упаковка сосисок, чайник для заварки, кочерга, несколько кружек

с выщербленными краями и бутылка с какой-то янтарной жидкостью, к которой он приложился, прежде чем приступить к работе. Вскоре хижина наполнилась запахом жарящихся сосисок, весело шипящих на огне. Никто не двинулся с места и не сказал ни слова, пока великан готовил еду, но как только он снял с кочерги шесть нанизанных на неё сосисок — жирных, сочных, чуть подгоревших сосисок, — Дадли беспокойно завертелся.

— Что бы он ни предложил, Дадли, я запрещаю тебе это брать, — резко произнёс дядя Вернон.

Великан мрачно усмехнулся.

— Да ты чего разволновался-то, Дурсль? — насмешливо спросил он. — Да мне б и в голову не пришло его кормить — вон он у тебя жирный-то какой.

Он протянул сосиски Гарри, который был так голоден, что проглотил их в мгновение ока, думая о том, что в жизни не ел ничего вкуснее. Но даже наслаждаясь сосисками, он не сводил глаз с великана. И наконец решился задать вопрос, который, кроме него, кажется, никто задавать не собирался.

— Извините, но я до сих пор не знаю, кто вы такой, — вежливо произнёс Гарри.

Великан сделал глоток чая и вытер рукой бле-

стевшие от жира губы.

— Зови меня Хагрид, — просто ответил он. — Меня так все зовут. А вообще я ж тебе уже вроде всё про себя рассказал — я хранитель ключей в Хогвартсе. Ты, конечно, знаешь, что это за штука такая, Хогвартс?

— Э-э-э… Вообще-то нет, — робко выдавил из себя Гарри.

У Хагрида был такой вид, словно его обдали холодной водой.

— Извините, — быстро сказал Гарри.

— Извините?! — рявкнул Хагрид и повернулся к Дурслям, которые спрятались в тень. — Это им надо извиняться! Я… э-э… знал, что ты наших писем не получил, но чтобы ты вообще про Хогвартс не слышал? Не любопытный ты, выходит, коль ни разу не спросил, где родители твои всему научились…

— Научились чему? — непонимающе переспросил Гарри.

— ЧЕМУ?! — прогрохотал Хагрид, вскакивая на ноги. — Ну-ка погоди, разберёмся сейчас!

Казалось, разъярённый великан стал ещё больше и заполнил собой всю хижину. Дурсли съёжились от страха у дальней стены.

— Вы мне тут чего хотите сказать? — прорычал

он, обращаясь к Дурслям. — Что этот мальчик — этот мальчик! — ничегошеньки и не знает о том, что… Ничего не знает ВООБЩЕ?

Гарри решил, что великан зашёл слишком далеко. В конце концов он ходил в школу и не так уж плохо учился.

— Кое-что я знаю, — заявил он. — Математику, например, и всякие другие вещи.

Но Хагрид просто отмахнулся от него.

— Я ж не об этом… а о том, что ты о нашем мире ничего не знаешь. О твоём мире. О моём мире. О мире твоих родителей.

— Каком мире? — непонимающе переспросил Гарри.

У Хагрида был такой вид, словно он вот-вот взорвётся.

— ДУРСЛЬ! — прогремел он.

Дядя Вернон, побледневший от ужаса, что-то неразборчиво прошептал. Хагрид отвернулся от него и посмотрел на Гарри полубезумным взглядом.

— Но ты же знаешь про своих родителей… ну, кто они были? — с надеждой спросил он. — Да точно знаешь, не можешь ты не знать… к тому же они не абы кто были, а люди известные. И ты… э-э… знаменитость.

— Что? — Гарри не верил своим ушам. — Разве мои мама и папа… разве они были известными людьми?

— Значит, ты не знаешь… Ничегошеньки не знаешь… — Хагрид дёргал себя за бороду, глядя на Гарри изумлённым взором.

— Ты чего, не знаешь даже, кто ты такой есть? — наконец спросил он.

Дядя Вернон внезапно обрёл дар речи.

— Прекратите! — скомандовал он. — Прекратите немедленно, сэр! Я запрещаю вам что-либо рассказывать мальчику!

Хагрид посмотрел на него с такой яростью, что даже куда более храбрый человек, чем дядя Вернон, сжался бы под этим взглядом. А когда Хагрид заговорил, то казалось, что он делает ударение на каждом слоге.

— Вы что, никогда ему ничего не говорили, да? Никогда не говорили, что в том письме было, которое Дамблдор написал? Я ж сам там был, у дома вашего, этими вот глазами видел, как Дамблдор письмо в одеяло положил! А вы, выходит, за столько лет ему так и не рассказали ничего, прятали всё от него, да?

— Прятали от меня что? — поспешно поинтересовался Гарри.

— ПРЕКРАТИТЕ! Я ВАМ ЗАПРЕЩАЮ! — нервно заверещал дядя Вернон.

Тётя Петунья глубоко вдохнула воздух с таким видом, словно ужасно боялась того, что последует за этими словами.

— Эй, вы, пустые головы, сходите вон проветритесь, может, полегчает, — посоветовал им Хагрид, поворачиваясь к Гарри. — Короче так, Гарри, ты волшебник, понял?

В доме воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь отдалённым шумом моря и приглушённым свистом ветра.

— Я кто? — Гарри почувствовал, что у него отвисла нижняя челюсть.

— Ну, ясное дело кто — волшебник ты. — Хагрид сел обратно на софу, которая протяжно застонала и просела ещё ниже. — И ещё какой! А будешь ещё лучше… когда немного… э-э… подучишься, да. Кем ты ещё мог быть, с такими-то родителями? И вообще пора тебе письмо своё прочитать.

Гарри протянул руку и наконец-то, после стольких ожиданий, в ней оказался желтоватый конверт, на котором изумрудными чернилами было написано, что данное письмо адресовано мистеру Поттеру, который живёт в хижине, расположенной на скале посреди моря, и спит на

полу. Гарри вскрыл конверт, вытащил письмо и прочитал:

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА «ХОГВАРТС»

Директор: Альбус Дамблдор

(Кавалер ордена Мерлина I степени, Великий волш., Верх. чародей, Президент Международной конфед. магов)

Дорогой мистер Поттер!

Мы рады проинформировать Вас, что Вам предоставлено место в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Пожалуйста, ознакомьтесь с приложенным к данному письму списком необходимых книг и предметов.

Занятия начинаются 1 сентября. Ждём вашу сову не позднее 31 июля.

Искренне Ваша,
Минерва МакГонагалл,
заместитель директора

Гарри показалось, что у него в голове устроили фейерверк. Вопросы, один ярче и жарче другого, взлетали в воздух и падали вниз, а Гарри всё никак не мог решить, какой задать первым. Прошло

несколько минут, прежде чем он неуверенно выдавил из себя:

— Что это значит: они ждут мою сову?

— Клянусь Горгоной, ты мне напомнил кое о чём, — произнёс Хагрид, хлопнув себя по лбу так сильно, что этим ударом вполне мог бы сбить с ног лошадь. А затем запустил руку в карман куртки и вытащил оттуда сову — настоящую, живую и немного взъерошенную, — а также длинное перо и свиток пергамента. Хагрид начал писать, высунув язык, а Гарри внимательно читал написанное:

> Дорогой мистер Дамблдор!
>
> Передал Гарри его письмо. Завтра еду с ним, чтобы купить всё необходимое. Погода ужасная. Надеюсь, с Вами всё в порядке.
>
> ***Хагрид***

Хагрид скатал свиток, сунул его сове в клюв, подошёл к двери и вышвырнул птицу туда, где бушевал ураган. Затем вернулся и сел обратно на софу. При этом вид у него был такой, словно сделал он что-то совершенно обычное, например поговорил по телефону.

Гарри вдруг понял, что сидит с открытым ртом,

и быстро захлопнул его.

— Так на чём мы с тобой остановились? — спросил Хагрид.

В этот момент из тени вышел дядя Вернон. Лицо его всё ещё было пепельно-серым от страха, но на нём отчётливо читалась злость.

— Он никуда не поедет, — сказал дядя Вернон.

Хагрид хмыкнул.

— Знаешь, хотел бы я посмотреть, как такой храбрый магл, как ты, его остановит…

— Кто? — с интересом переспросил Гарри.

— Магл, — пояснил Хагрид. — Так мы называем всех неволшебников — маглы. Да, не повезло тебе… ну, в том плане, что хуже маглов, чем эти, я в жизни не видал.

— Когда мы взяли его в свой дом, мы поклялись, что положим конец всей этой ерунде, — упрямо продолжил дядя Вернон, — что мы вытравим и выбьем из него всю эту чушь! Тоже мне волшебник!

— Так вы знали? — недоверчиво спросил Гарри. — Вы знали, что я… что я волшебник?

— Знали ли мы?! — внезапно взвизгнула тётя Петунья. — Знали ли мы? Да, конечно, знали! Как мы могли не знать, когда мы знали, кем была моя чёртова сестрица! О, она в своё время тоже

получила такое письмо и исчезла, уехала в эту школу и каждое лето на каникулы приезжала домой, и её карманы были полны лягушачьей икры, а сама она всё время превращала чайные чашки в крыс. Я была единственной, кто знал ей цену, — она была чудовищем, настоящим чудовищем! Но не для наших родителей, они-то с ней сюсюкались — Лили то, Лили это! Они гордились, что в их семье есть своя ведьма!

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, и после глубокого вдоха разразилась не менее длинной и гневной тирадой. Казалось, что эти слова копились в ней много лет, и все эти годы она хотела их выкрикнуть, но сдерживалась, и только теперь позволила себе выплеснуть их наружу.

— А потом в школе она встретила этого Поттера, и они уехали вместе и поженились, и у них родился ты. И конечно же я знала, что ты будешь такой же, такой же странный, такой же… ненормальный! А потом она, видите ли, взорвалась, а тебя подсунули нам!

Гарри побледнел как полотно. Какое-то время он не мог произнести ни слова, но потом дар речи снова вернулся.

— Взорвалась? — спросил он. — Вы же говори-

ли, что мои родители погибли в автокатастрофе!

— АВТОКАТАСТРОФА?! — прогремел Хагрид и так яростно вскочил с софы, что Дурсли попятились обратно в угол. — Да как могла автокатастрофа погубить Лили и Джеймса Поттеров? Ну и ну, вот дела-то! Вот это да! Да быть такого не может, чтоб Гарри Поттер ничего про себя не знал! Да у нас его историю любой ребёнок с пелёнок знает! И родителей твоих тоже!

— Но почему? — В голосе Гарри появилась настойчивость. — И что с ними случилось, с мамой и папой?

Ярость сошла с лица Хагрида. На смену ей вдруг пришла озабоченность.

— Да, не ждал я такого, — произнёс он низким, взволнованным голосом. — Дамблдор меня предупреждал, конечно, что непросто будет… ну… забрать тебя у этих… Но я и подумать не мог, что ты вообще ничего не знаешь. Не я, Гарри, должен бы рассказать тебе обо всём… э-э… но кто-то ж должен, так? Ну не можешь ты ехать в Хогвартс, не зная, кто ты такой.

Он мрачно посмотрел на Дурслей.

— Что ж, думаю, что будет лучше, если я тебе расскажу, н-ну… то, что могу, конечно, а могу не всё, потому как, э-э… загадок много осталось,

непонятного всякого…

Он снова сел и уставился на огонь.

— Наверное, начну я… с человека одного, — произнёс Хагрид через несколько секунд. — Нет, поверить не могу, что ты про него не знаешь, — его в нашем мире все знают…

— А кто он такой? — спросил Гарри, не дав Хагриду замолчать и уйти в себя.

— Ну… Я вообще-то не люблю его имя произносить. Никто из наших не любит.

— Но почему?

— Клянусь драконом, Гарри, люди всё ещё боятся, вот почему. А, чтоб меня, нелегко всё это… Короче, был там один волшебник, который… который стал плохим. Таким плохим, каким только можно стать. Даже хуже. Даже ещё хуже, чем просто хуже. Звали его…

Хагрид задохнулся от волнения и замолк.

— Может быть, вы лучше напишете это имя? — предложил Гарри.

— Нет… не знаю я, как оно пишется. Ну ладно… э-э… Волан-де-Морт, — выдавил наконец Хагрид, передёрнувшись. — И больше не проси меня, ни за что не повторю. В общем, этот волшебник лет так… э-э… двадцать назад начал себе приспешников искать. И нашёл ведь. Одни пошли за ним,

потому что испугались, другие подумали, что он властью с ними поделится. А власть у него была ого-го, и чем дальше, тем больше её становилось. Тёмные были дни, да. Никому нельзя было верить. Жуткие вещи творились. Побеждал он, понимаешь. Нет, с ним, конечно, боролись, а он противников убивал. Ужасной смертью они умирали. Даже мест безопасных почти не осталось… разве что Хогвартс, да! Я так думаю, что Дамблдор был единственный, кого Ты-Знаешь-Кто боялся. Потому и на школу напасть не решился… э-э… тогда, по крайней мере. А твои мама и папа — они были лучшими волшебниками, которых я в своей жизни знал. Лучшими учениками школы были, первыми в выпуске. Не пойму, правда, чего Ты-Знаешь-Кто их раньше не попытался на свою сторону перетянуть… Знал, наверное, что они близки с Дамблдором, потому на Тёмную сторону не пойдут. А потом подумал: может, что их убедит… А может, хотел их… э-э… с дороги убрать, чтоб не мешали. В общем, никто не знает. Знают только, что десять лет назад, в Хэллоуин, он появился в том городке, где вы жили. Тебе всего год был, а он пришёл в ваш дом и… и…

Хагрид внезапно вытащил откуда-то грязный, покрытый пятнами носовой платок и высмор-

кался громко, как завывшая сирена.

— Ты меня извини… плохой я рассказчик, Гарри, — виновато произнёс Хагрид. — Но так грустно это… я ж твоих маму с папой знал, такие люди хорошие, лучше не найти, а тут… В общем, Ты-Знаешь-Кто их убил. А потом — вот этого вообще никто понять не может — он и тебя попытался убить. Хотел, чтобы следов не осталось, а может, ему просто нравилось людей убивать. Вот и тебя хотел, а не вышло, да! Ты не спрашивал никогда, откуда у тебя этот шрам на лбу? Это не порез никакой. Такое бывает, когда злой и очень сильный волшебник на тебя проклятие насылает. Так вот, родителей твоих он убил, даже дом разрушил, а тебя убить не смог. Поэтому ты и знаменит, Гарри. Он если кого хотел убить, так тот уже не жилец был, да! А с тобой вот не получилось. Он таких сильных волшебников убил — МакКиннонов, Боунзов, Прюиттов, а ты ребёнком был, а выжил.

Хагрид замолчал, а Гарри вдруг ощутил резкую головную боль. Перед его глазами отчётливо возникла знакомая картина из прошлого, только теперь ослепительная вспышка зелёного света была гораздо ярче. И заодно он вспомнил кое-что ещё, то, что никогда раньше не всплывало в его памяти, — громкий, ледяной, беспощадный смех.

Хагрид с грустью наблюдал за ним.

— Я тебя вот этими руками из развалин вынес, Дамблдор меня туда послал. А потом я привёз тебя этим…

— Вздор и ерунда! — донёсся из угла голос дяди Вернона.

Гарри аж подпрыгнул от неожиданности — он совсем забыл про Дурслей. Но Дурсли про него не забыли. Особенно дядя Вернон, к которому, кажется, вернулась смелость — он сжимал кулаки и яростно смотрел на Хагрида.

— Послушай меня, мальчик, — прорычал дядя Вернон. — Я допускаю, что ты немного странный, хотя, возможно, хорошая порка вылечила бы тебя раз и навсегда. Твои родители действительно были колдунами, но, как мне кажется, без них мир стал спокойнее. Они сами напросились на то, что получили, только и общались что с этими волшебниками, этого следовало ожидать, я знал, что они плохо кончат…

Не успел он договорить, как Хагрид спрыгнул с софы, вытащил из кармана потрёпанный розовый зонтик и наставил на дядю Вернона, словно шпагу.

— Я тебя предупреждаю, Дурсль, я тебя в последний раз предупреждаю: ещё раз рот откроешь…

Видимо, дядя Вернон представил себе, как этот великан с лёгкостью нанизывает его на свой зонтик, и его смелость сразу испарилась — он прижался к стене и замолчал.

— Так-то лучше. — Хагрид тяжело вздохнул и сел обратно на софу, которая на этот раз прогнулась до самого пола.

На языке у Гарри вертелись самые разные вопросы. Сотни вопросов.

— А что случилось с Волан… извините, с тем Вы-Знаете-Кем?

— Хороший вопрос, Гарри. Исчез он. Растворился. В ту самую ночь, когда тебя пытался убить. Потому ты и стал ещё знаменитее. Я тебе скажу, это самая что ни на есть настоящая загадка… Он всё сильнее и сильнее становился и вдруг исчез, и… эта… непонятно почему. Кой-кто говорит, что умер он. А я считаю, чушь всё это, да! Думаю, в нём ничего человеческого не осталось уже… а ведь только человек может умереть. А кто-то говорит, что он всё ещё тут где-то, поблизости, просто прячется… э-э… своего часа ждёт, но я так не думаю. Те, кто с ним был, — они на нашу сторону перешли. Раньше ведь они… эта… как заколдованные были, а тут проснулись. Вряд ли бы так вышло, будь он где-то рядом, да! Хотя большинство людей

думают: он где-то тут, только силу свою потерял. Слишком слабый стал, чтоб дальше бороться и всё завоевать. В тебе было что-то, Гарри, что его… э-э… сломало. Чтой-то приключилось той ночью, чего он не ждал, не знаю что, да и никто не знает… но сломал ты его, это точно.

Во взгляде Хагрида светились тепло и уважение. Но Гарри, вместо того чтобы почувствовать себя польщённым и возгордиться, с ужасом осознавал, что всё это ужасная ошибка. Волшебник? Он, Гарри Поттер, волшебник? Всю жизнь его шпынял Дадли и притесняли дядя Вернон и тётя Петунья, а если он волшебник, то почему они не превращались в бородавчатых черепах всякий раз, как запирали его в чулане? Если когда-то он смог победить величайшего мага в мире, почему Дадли всегда пинал его и гонял по школе и по всему дому, как футбольный мяч?

— Хагрид, — тихо произнёс Гарри. — Боюсь, что вы ошибаетесь. Я не думаю, что я волшебник… что я смогу стать волшебником.

К его удивлению, Хагрид рассмеялся.

— Значит, не волшебник? И никогда с тобой ничего такого не было, когда ты злился или огорчался?

Гарри уставился в огонь. Хагрид натолкнул его

на важную мысль. Ведь если подумать… Все те странные вещи, происходившие с ним и неизменно приводившие в ярость тётю Петунью и дядю Вернона, все они случались, когда он был огорчён или разозлён. Например, когда за ним гналась банда Дадли, а он смог ускользнуть от них, оказавшись на крыше школьной столовой… Или когда тётя Петунья остригла его почти наголо, и он с ужасом думал о том, как завтра появится в школе, — разве ему не удалось заставить волосы отрасти за одну ночь?… А взять самый последний случай, когда Дадли ударил его в террариуме, а он, сам того не подозревая, напустил на Дадли бразильского удава…

Гарри улыбнулся, посмотрел на Хагрида и заметил, что лицо великана просияло.

— Ну что, убедил я тебя теперь, да? А говоришь, что Гарри Поттер не волшебник. Погоди, ты скоро в Хогвартсе самым знаменитым учеником станешь.

И тут снова подал голос дядя Вернон — видимо, испуг прошёл, и он решил, что не сдастся без боя.

— Разве я не сказал вам, что он никуда не поедет? — прошипел дядя Вернон. — Он пойдёт в школу «Хай Камеронс», и он должен быть благодарен нам за то, что мы его туда определили. Я

читал эти ваши письма — про то, что ему нужна целая куча всякой ерунды, вроде книг заклинаний и волшебных палочек…

— Если он захочет там учиться, то даже такому здоровенному маглу, как ты, его не остановить, понял? — прорычал Хагрид. — Помешать сыну Лили и Джеймса Поттеров учиться в Хогвартсе — да ты свихнулся, что ли?! Он родился только, а его тут же записали в ученики, да! Лучшей школы чародейства и волшебства на свете нет… и он в неё поступит, а через семь лет сам себя не узнает. И жить он там будет рядом с такими же, как он, а это уж куда лучше, чем с вами. А директором у него будет самый великий директор, какого только можно представить, сам Альбус Да…

— Я НЕ БУДУ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-ТО ОПОЛОУМЕВШИЙ СТАРЫЙ ДУРАК УЧИЛ ЕГО ВСЯКИМ ФОКУСАМ! — прокричал дядя Вернон.

Тут он зашёл слишком далеко. Хагрид схватил свой зонтик, завертел им над головой, а его голос загремел словно гром.

— НИКОГДА… НЕ ОСКОРБЛЯЙ… ПРИ МНЕ… АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА!

Зонтик со свистом опустился и своим остриём указал на Дадли. Потом вспыхнул фиолетовый свет, и раздался такой звук, словно взорвалась

петарда, затем послышался пронзительный визг, а в следующую секунду Дадли, обхватив обеими руками свой жирный зад, затанцевал на месте, вереща от боли. Когда он повернулся к Гарри спиной, тот заметил, что на штанах Дадли появилась дырка, а сквозь неё торчит поросячий хвостик.

Дядя Вернон, с ужасом посмотрев на Хагрида, громко закричал, схватил тётю Петунью и Дадли, втолкнул их во вторую комнату и тут же с силой захлопнул за собой дверь.

Хагрид посмотрел на свой зонтик и почесал бороду.

— Зря я так… совсем уж из себя вышел, — сокрушённо произнёс он. — И ведь не получилось всё равно. Хотел его в свинью превратить, а он, похоже, и так уже почти свинья, вот и не вышло ничего… Хвост только вырос…

Он нахмурил кустистые брови и боязливо покосился на Гарри.

— Просьба у меня к тебе: чтоб никто в Хогвартсе об этом не узнал. Я… э-э… нельзя мне чудеса творить, если по правде. Только немного разрешили, чтобы за тобой мог съездить и письмо тебе передать. Мне ещё и поэтому такая работа по душе пришлась… ну и из-за тебя, конечно.

— А почему вам нельзя творить чудеса? — по-

интересовался Гарри.

— Ну… Я же сам когда-то в школе учился, и меня… э-э… если по правде, выгнали. На третьем курсе я был. Волшебную палочку мою… эта… пополам сломали, и всё такое. А Дамблдор мне разрешил остаться и работу в школе дал. Великий он человек, Дамблдор.

— А почему вас исключили?

— Поздно уже, а у нас делов завтра куча, — уклончиво ответил Хагрид. — В город нам завтра надо, книги тебе купить, и всё такое. И эта… давай на «ты», нечего нам с тобой «выкать», мы ж друзья.

Он стащил с себя толстую чёрную куртку и бросил её к ногам Гарри.

— Под ней теплее будет. А если она… э-э… шевелиться начнёт, ты внимания не обращай — я там в одном кармане пару мышей забыл. А в каком — не помню…

Глава 5
Косой переулок

На следующее утро Гарри проснулся рано. Он знал, что уже рассвело, но не торопился открывать глаза.

«Это был сон, — твёрдо сказал он себе. — Мне приснилось, что ко мне приходил великан по имени Хагрид, чтобы сообщить мне, что я пойду учиться в школу волшебников. Когда я открою глаза, то окажусь дома в своём чулане».

Внезапно раздался громкий стук.

«А вот и тётя Петунья», — подумал Гарри с замиранием сердца. Но глаза его всё ещё были закрыты. Сон был слишком хорош, чтобы просыпаться.

Тук. Тук. Тук.

— Хорошо, — пробормотал Гарри. — Я встаю.

Он сел, и тяжёлая куртка Хагрида, под которой он спал, упала на пол. Хижина была залита светом, ураган кончился, Хагрид спал на сломанной софе, а на подоконнике сидела сова с зажатой в клюве газетой и стучала когтем в окно.

Гарри вскочил с постели. Счастье распирало

его изнутри, словно он проглотил воздушный шар. Гарри подошёл к окну и распахнул его. Сова влетела в комнату и уронила газету прямо на Хагрида, но тот не проснулся. Затем сова спикировала на пол и набросилась на куртку Хагрида.

— Прекрати!

Гарри замахал руками, чтобы прогнать сову, но она яростно щёлкнула клювом и продолжила терзать куртку.

— Хагрид! — громко позвал Гарри. — Тут сова…

— Заплати ей, — проворчал Хагрид, уткнувшись лицом в софу.

— Что?

— Она хочет, чтоб мы ей денег дали за то, что он газету притащила. Деньги в кармане.

Казалось, что куртка Хагрида состоит из одних карманов. Связки ключей, расплющенные дробинки, мотки верёвки, мятные леденцы, пакетики чая… Наконец Гарри вытащил пригоршню странного вида монет.

— Дай ей пять кнатов, — сонно произнёс Хагрид.

— Кнатов?

— Маленьких бронзовых монеток.

Гарри отсчитал пять бронзовых монеток, и сова вытянула лапу, к которой был привязан кожаный

мешочек. А затем вылетела в открытое окно.

Хагрид громко зевнул, сел и потянулся.

— Пора идти, Гарри. У нас с тобой делов куча, нам в Лондон надо смотаться да накупить тебе всяких штук, которые для школы нужны.

Гарри вертел в руках волшебные монетки, внимательно их разглядывая. Он только что подумал кое о чём, и ему показалось, что поселившийся внутри него шар счастья начал сдуваться.

— М-м-м… Хагрид?

— А? — Хагрид натягивал свои огромные башмаки.

— У меня нет денег, и вы…

Великан внимательно посмотрел на него, словно напоминая о вчерашнем уговоре. Гарри вдруг понял, что ему, всегда такому вежливому и обращающемуся на «вы» ко всем старшим, будет легко называть Хагрида на «ты». Потому что Хагрид относился к нему с большей теплотой, чем кто бы то ни было, и вёл себя как друг.

— Ты слышал, что сказал вчера вечером дядя Вернон. Он не будет платить за то, чтобы я учился волшебству.

— А ты не беспокойся. — Хагрид встал и почесал голову. — Ты, что ли, думаешь, что твои родители о тебе не позаботились?

— Но если от их дома ничего не осталось…

— Да ты чо, они ж золото своё не в доме хранили! — отмахнулся Хагрид. — Короче, мы первым делом в «Гринготтс» заглянем, в наш банк. Ты съешь сосиску, они и холодные очень ничего. А я, если по правде, не откажусь от кусочка твоего вчерашнего именинного торта.

— У волшебников есть свои банки?

— Только один. «Гринготтс». Там гоблины всем заправляют.

Гарри уронил кусок сосиски, который он держал в руке.

— Гоблины?

— Да, и поэтому я тебе так скажу: только сумасшедший может решиться ограбить этот банк. С гоблинами, Гарри, связываться опасно, да, запомни это. Поэтому если захочешь… э-э… что-то спрятать, то надёжнее «Гринготтса» места нет… Разве что Хогвартс. Да сам увидишь сегодня, когда за деньгами твоими придём — заодно и я там дела свои сделаю. Дамблдор мне поручил кой-чего, да! — Хагрид горделиво выпрямился. — Он мне всегда всякие серьёзные вещи поручает. Тебя вот забрать, из «Гринготтса» кое-что взять — он знает, что мне доверять можно, понял? Ну ладно, пошли.

Гарри вышел на скалу вслед за Хагридом. Небо было чистым, и море поблёскивало в лучах солнца. Лодка, которую арендовал дядя Вернон, всё ещё была здесь, но после урагана она была залита водой.

— А как ты сюда попал? — Гарри огляделся, но другой лодки так и не увидел.

— Прилетел, — ответил Хагрид.

— Прилетел?

— Да… не будем об этом. Теперь, когда ты со мной, мне… э-э… нельзя чудеса творить.

Они уселись в лодку, а Гарри продолжал внимательно разглядывать Хагрида, пытаясь представить его летящим.

— Хотя… да… если по правде, глупо было б грести самому. — Хагрид покосился на Гарри. — Если я… э-э… Если я сделаю так, чтоб мы побыстрее поплыли, ты ведь никому в Хогвартсе не расскажешь?

— Конечно нет! — выпалил Гарри, которому не терпелось увидеть что-нибудь магическое.

Хагрид вытащил свой розовый зонт, дважды стукнул им о борт лодки, и та помчалась.

— А почему только сумасшедший может попытаться ограбить «Гринготтс»? — поинтересовался Гарри.

— Заклинания, колдовство, — ответил Хагрид, разворачивая газету. — Говорят, что там у них самые секретные сейфы драконы охраняют. К тому же оттуда ещё выбраться надо… «Гринготтс» глубоко под землёй находится… сотни миль под Лондоном — чуешь? Глубже, чем метро. Даже если повезёт грабителю и получится у него украсть что-нибудь, он с голоду помрёт, пока оттуда выберется, да!

Гарри сидел и думал об услышанном. Хагрид читал газету, которая называлась «Ежедневный пророк». Гарри помнил, как дядя Вернон твердил, что, когда человек читает газету, он не любит, чтобы ему мешали. Но сейчас оставить Хагрида в покое было нелегко, потому что никогда в жизни Гарри не хотелось задать столько вопросов.

— Ну вот, Министерство магии опять дров наломало, — пробормотал Хагрид, переворачивая страницу.

— А есть такое Министерство? — спросил Гарри, позабыв, что мешать читающему газету не следует.

— Есть-есть, — ответил Хагрид. — Сначала хотели, чтоб Дамблдор министром стал, но он никогда Хогвартс не оставит, во как! Так что в министры старый Корнелиус Фадж пошёл. А хуже его не

найдёшь. Он теперь каждое утро к Дамблдору сов посылает за советами.

— А чем занимается Министерство магии?

— Ну, их главная работа, чтоб люди не догадались, что в стране на каждом углу волшебники живут.

— Почему?

— Почему? Да ты чо, Гарри? Все ж сразу захотят волшебством свои проблемы решить, эт точно! Не, лучше, чтоб о нас не знали.

В этот момент лодка мягко стукнулась о стену причала. Хагрид сложил газету, и они поднялись по каменным ступеням и оказались на улице.

Пока они шли к станции, жители маленького городка во все глаза смотрели на Хагрида. Гарри их прекрасно понимал. Дело даже не в том, что Хагрид был вдвое выше обычного человека, он ещё и всю дорогу тыкал пальцем в самые простые, на взгляд Гарри, предметы, вроде парковочных счётчиков, и громко восклицал:

— Ну дела, Гарри! И чего эти маглы только не придумают!

— Хагрид! — произнёс Гарри, немного запыхавшись, потому что ему было нелегко поспевать за Хагридом. — Ты сказал, что в «Гринготтсе» есть драконы?

— Ну, так говорят, — ответил Хагрид. — Э-э-э, хотел бы я иметь дракона.

— Ты хотел бы иметь дракона?

— Всегда хотел… ещё когда маленьким совсем был. Всё, пришли мы.

Они были на станции. Поезд на Лондон отходил через пять минут. Хагрид заявил, что ничего не понимает в деньгах маглов, и сунул Гарри несколько купюр, чтобы тот купил билеты.

В поезде на них глазели ещё больше, чем на улице. Хагрид занял сразу два сиденья и начал вязать нечто похожее на шатёр канареечного цвета, вроде тех, где устраивают представления циркачи.

— А письмо-то у тебя с собой, Гарри? — спросил он, считая петли.

Гарри вытащил из кармана пергаментный конверт.

— Отлично, — сказал Хагрид. — Там есть список всего того, что для школы нужно.

Гарри развернул второй листок бумаги, который не заметил вчера, и начал читать.

Школа чародейства и волшебства «Хогвартс»

Форма

Студентам-первокурсникам требуется:

Три простых рабочих мантии (чёрных).

Одна простая остроконечная шляпа (чёрная) на каждый день.

Одна пара защитных перчаток (из кожи дракона или аналогичного по свойствам материала).

Один зимний плащ (чёрный, застёжки серебряные).

Пожалуйста, не забудьте, что на одежду должны быть нашиты бирки с именем и фамилией студента.

Книги

Каждому студенту полагается иметь следующие книги:

«Курсическая книга заговоров и заклинаний» (первый курс). Миранда Гуссокл

«История магии». Батильда Бэгшот

«Теория магии». Адальберт Уоффлинг

«Пособие по трансфигурации для начинающих». Эмерик Свитч

«Тысяча магических растений и грибов». Филлида Спора

«Магические отвары и зелья». Жиг Мышьякофф

«Фантастические звери: места обитания». Ньют Саламандер

«Тёмные силы: пособие по самозащите». Квентин Тримбл

Также полагается иметь:

1 волшебную палочку,
1 котёл (оловянный, стандартный размер № 2),
1 комплект стеклянных или хрустальных флаконов,
1 телескоп,
1 медные весы.

Студенты также могут привезти с собой сову, или кошку, или жабу.

НАПОМИНАЕМ РОДИТЕЛЯМ, ЧТО ПЕРВОКУРСНИКАМ НЕ ПОЛОЖЕНО ИМЕТЬ СОБСТВЕННЫЕ МЁТЛЫ.

— И это всё можно купить в Лондоне? — ахнул Гарри.

— Если знаешь, где искать, — ответил Хагрид.

* * *

Гарри никогда раньше не гулял по Лондону. А Хагрид, хотя и знал, куда им надо, но обычным способом туда никогда не добирался. Для начала он застрял в турникете метро, а после громко жаловался, что сиденья в вагонах слишком маленькие, а поезда слишком медленные.

— Не представляю, как маглы без магии обходятся, — сказал он, когда они поднялись вверх по сломанному эскалатору и оказались на улице, полной магазинов.

Хагрид был так велик, что без труда прокладывал себе дорогу сквозь толпу, от Гарри требовалось лишь не отставать. Они проходили мимо книжных и музыкальных магазинов, закусочных и кинотеатров, но ни одно из этих мест не было похоже на то, где можно купить волшебную палочку. Это была обычная улица, забитая обычными людьми.

Гарри на мгновение показалось, что это сон. Ну разве может находиться под землёй волшебный банк, набитый золотом? Разве существуют магазины, которые продают книги заклинаний и мётлы? А может, всё это ужасная шутка, которую придумали Дурсли? Если бы Гарри не знал, что у

Дурслей нет чувства юмора, он бы так и подумал, но он почему-то верил Хагриду, хотя всё, что тот говорил, было невероятно.

— Пришли, — произнёс Хагрид, остановившись. — «Дырявый котёл». Известное местечко.

Это был крошечный невзрачный бар. Если бы Хагрид не указал на него, Гарри бы его даже не заметил. Проходящие мимо люди на бар не смотрели. Их взгляды скользили с большого книжного магазина на магазин компакт-дисков, а бар, находившийся между этими магазинами, они, похоже, вовсе не замечали. У Гарри даже возникло странное чувство, что только они с Хагридом видят его. Но прежде чем он успел спросить об этом, Хагрид завёл его внутрь.

Для известного местечка бар был слишком тёмным и обшарпанным. В углу сидели несколько пожилых женщин и пили вино из маленьких стаканчиков, одна из них курила длинную трубку. Маленький человечек в цилиндре разговаривал со старым лысым барменом, похожим на нахмурившийся грецкий орех. Когда они вошли, все разговоры сразу смолкли. Очевидно, Хагрида здесь все знали — ему улыбались и махали руками, а бармен потянулся за стаканом со словами:

— Тебе как обычно, Хагрид?

— Не могу, Том, я здесь по делам Хогвартса, — ответил Хагрид и хлопнул Гарри по плечу своей здоровенной ручищей, так что у того подогнулись колени.

— Боже милостивый, — произнёс бармен, пристально глядя на Гарри. — Это… Неужели это…

В «Дырявом котле» воцарилась тишина.

— Благослови мою душу, — прошептал старый бармен. — Гарри Поттер… какая честь!

Он поспешно вышел из-за стойки, подбежал к Гарри и схватил его за руку. В глазах бармена стояли слёзы.

— Добро пожаловать домой, мистер Поттер. Добро пожаловать домой.

Гарри не знал, что сказать. Все смотрели на него. Старуха сосала свою трубку, не замечая, что та погасла. Хагрид сиял.

Вдруг разом заскрипели отодвигаемые стулья, и следующий момент Гарри уже обменивался рукопожатиями со всеми посетителями «Дырявого котла».

— Дорис Крокфорд, мистер Поттер. Не могу поверить, что наконец встретилась с вами.

— Большая честь, мистер Поттер, большая честь.

— Всегда хотела пожать вашу руку… Я вся

дрожу.

— Я счастлив, мистер Поттер, даже не могу передать, насколько я счастлив. Меня зовут Дингл, Дедалус Дингл.

— А я вас уже видел! — воскликнул Гарри, и Дедалус Дингл так разволновался, что его цилиндр слетел с головы и упал на пол. — Вы однажды поклонились мне в магазине.

— Он помнит! — вскричал Дедалус Дингл, оглядываясь на остальных. — Вы слышали? Он меня помнит!

Гарри продолжал пожимать руки. Дорис Крокфорд подошла к нему во второй раз, а потом и в третий.

Вперёд выступил бледный молодой человек, он очень нервничал, у него даже дёргалось одно веко.

— Профессор Квиррелл! — представил его Хагрид. — Гарри, профессор Квиррелл — один из твоих будущих преподавателей.

— П-п-поттер! — произнёс, заикаясь, профессор Квиррелл и схватил Гарри за руку. — Н-не могу п-пе-редать, насколько я п-польщён встречей с вами.

— Какой раздел магии вы преподаёте, профессор Квиррелл?

— Защита от Т-т-тёмных искусств, — пробормотал Квиррелл с таким видом, словно ему не нравилось то, что он сказал. — Н-не то чтобы вам это было н-нужно, верно, П-п-поттер? — Профессор нервно рассмеялся. — Как я п-понимаю, вы решили п-при-обрести всё н-необходимое для школы? А мне н-нуж-на новая к-книга о вампирах.

Вид у него был такой, будто его пугала сама мысль о вампирах.

Но остальные не желали мириться с тем, что Квиррелл безраздельно завладел вниманием Гарри. Прошло ещё минут десять, прежде чем зычный голос Хагрида перекрыл другие голоса.

— Пора идти… нам надо ещё кучу всего купить. Пошли, Гарри.

Дорис Крокфорд напоследок опять пожала Гарри руку. Хагрид вывел его из бара в маленький двор, со всех сторон окружённый стенами. Здесь не было ничего, кроме мусорной урны и нескольких сорняков.

— Ну, что я тебе говорил? — Хагрид ухмыльнулся. — Я ж тебе сказал, что ты знаменитость. Даже профессор Квиррелл затрясся, когда тебя увидел… хотя, если по правде, он всегда трясётся.

— Он всегда такой нервный?

— Да. Бедный парень. А ведь талантливый такой, да! Он пока науки по книгам изучал, в полном порядке был, а потом взял… э-э… отпуск, чтоб кой-какой опыт получить… Говорят, он в Чёрном лесу вампиров встретил, и ещё там одна… э-э… история у него произошла с ведьмой… с тех пор он всё, другим совсем стал. Учеников боится, предмета своего боится… Так, куда это мой зонт подевался?

Вампиры? Ведьмы? У Гарри кружилась голова. А Хагрид тем временем считал кирпичи в стене над мусорной урной.

— Три вверх… два в сторону, — бормотал он. — Так, а теперь отойди, Гарри.

Он трижды коснулся стены зонтом.

Кирпич, до которого он дотронулся, задрожал, потом задёргался, в середине у него появилась маленькая дырка, которая быстро начала расти. Через секунду перед ними была арка, достаточно большая, чтобы сквозь неё мог пройти Хагрид. За аркой начиналась мощённая булыжником извилистая улица.

— Добро пожаловать в Косой переулок, — произнёс Хагрид.

Он усмехнулся, заметив изумление на лице Гарри. Они прошли сквозь арку, и Гарри, оглянув-

шись, увидел, как она тут же снова превратилась в глухую стену.

Ярко светило солнце, отражаясь в котлах, выставленных перед ближайшим к ним магазином. «Котлы. Все размеры. Медь, бронза, олово, серебро. Самопомешивающиеся и разборные» — гласила висевшая над ними табличка.

— Ага, такой тебе тоже нужен будет, — сказал Хагрид. — Но сначала надо твои денежки забрать.

Гарри пожалел, что у него не десять глаз. Пока они шли вверх по улице, он вертел головой, пытаясь увидеть всё сразу: магазины, выставленные перед ними товары, людей, делающих покупки. Полная женщина, стоявшая перед аптекой, мимо которой они проходили, качала головой.

— Печень дракона по семнадцать сиклей за унцию — да они с ума сошли…

Из мрачного на вид магазина доносилось тихое уханье. «Торговый центр „Совы“. Неясыти обыкновенные, сипухи, ушастые и полярные совы» — прочитал Гарри. Несколько мальчишек примерно его возраста прижались носами к другой витрине, разглядывая выставленные в ней мётлы.

— Смотри, — донеслось до Гарри, — новая мо-

дель «Нимбус-2000», самая быстрая.

Здесь были магазины, которые торговали мантиями, телескопами и странными серебряными инструментами, каких Гарри никогда не видел. Витрины по всей улице были забиты бочками с селезёнками летучих мышей и глазами угрей, покачивающимися пирамидами из книг с заклинаниями, птичьими перьями и свитками пергамента, бутылками с волшебными зельями и глобусами Луны…

— «Гринготтс», — объявил Хагрид.

Они находились перед белоснежным зданием, возвышавшимся над маленькими магазинчиками. А у отполированных до блеска бронзовых дверей в алой с золотом униформе стоял…

— Да, это гоблин, — спокойно сказал Хагрид, когда они поднимались по белым каменным ступеням.

Гоблин был на голову ниже Гарри. У него было смуглое умное лицо, острая бородка и, как заметил Гарри, очень длинные пальцы и ступни. Он поклонился, когда они входили внутрь. Теперь они стояли перед вторыми дверями, на этот раз серебряными. На них были выгравированы строчки:

Входи, незнакомец, но не забудь,

Что у жадности грешная суть,

Кто не любит работать, но любит брать,

Дорого платит — и это надо знать.

Если пришёл за чужим ты сюда,

Отсюда тебе не уйти никогда.

— Я ж тебе говорил: надо быть сумасшедшим, чтобы попытаться ограбить этот банк, — сказал Хагрид.

Два гоблина с поклонами встретили их, когда они прошли сквозь серебряные двери и оказались в огромном мраморном холле. На высоких стульях за длинной стойкой сидела ещё сотня гоблинов — они делали записи в больших гроссбухах, взвешивали монеты на медных весах, с помощью луп изучали драгоценные камни. Из холла вело больше дверей, чем Гарри мог сосчитать, — другие гоблины впускали и выпускали через них людей. Хагрид и Гарри подошли к стойке.

— Доброе утро, — обратился Хагрид к свободному гоблину. — Мы тут пришли, чтоб немного денег взять… э-э… из сейфа мистера Гарри Поттера.

— У вас есть его ключ, сэр?

— Где-то был, — ответил Хагрид и начал выкладывать на стойку содержимое своих карманов.

Пригоршня заплесневелых собачьих бисквитов посыпалась на бухгалтерскую книгу гоблина. Гоблин сморщил нос. Гарри наблюдал за гоблином, сидевшим справа и взвешивавшим груду рубинов, огромных, как пылающие угли.

— Нашёл, — наконец сказал Хагрид, протягивая крошечный золотой ключик.

Гоблин изучающе посмотрел на него.

— Кажется, всё в порядке.

— И у меня тут ещё письмо имеется… э-э… от профессора Дамблдора, — с важным видом произнёс Хагрид, выпячивая грудь. — Это насчёт Вы-Знаете-Чего в сейфе семьсот тринадцать.

Гоблин внимательно прочитал письмо.

— Прекрасно, — сказал он, возвращая письмо Хагриду. — Сейчас вас отведут вниз к вашим сейфам. Крюкохват!

Крюкохват тоже был гоблином. Когда Хагрид распихал все собачьи бисквиты по карманам, они с Гарри последовали за Крюкохватом к одной из дверей.

— А что такое это Вы-Знаете-Что в сейфе семьсот тринадцать? — спросил Гарри.

— Не могу я тебе сказать, — таинственно от-

ветил Хагрид. — Очень секретно. Это школы «Хогвартс» касается. Дамблдор мне доверяет. А я своей работой слишком дорожу, чтобы секреты тебе раскрывать.

Крюкохват открыл перед ними дверь. Гарри, ожидавший увидеть вокруг мрамор, был удивлён. Они стояли в узком каменном коридоре, освещённом горящими факелами. Дорога круто уходила вниз, на полу были тоненькие рельсы. Крюкохват свистнул, и к ним с лязгом подкатила маленькая тележка. Они забрались внутрь — Хагриду это удалось с трудом — и поехали.

Сначала они неслись сквозь лабиринт петляющих коридоров. Гарри пытался запомнить дорогу — налево, направо, направо, налево, на развилке прямо, опять направо, опять налево, — но вскоре оставил это бесполезное занятие. Казалось, дребезжащая тележка сама знает дорогу, потому что Крюкохват ею не управлял.

Гарри обдало ледяным воздухом, глаза защипало, но он держал их широко открытыми. В какой-то момент ему почудилось, что он заметил вспышку огня в конце коридора, и он быстро обернулся, чтобы увидеть, не дракон ли это, но опоздал — тележка резко ушла вниз. Сейчас она проезжала мимо подземного озера, на потолке и

стенах росли сталагмиты и сталактиты.

— Знаешь, Хагрид, — громко произнёс Гарри, пытаясь заглушить шум тележки. — Я никогда не знал, в чём разница между сталактитом и сталагмитом.

— В слове сталагмит есть буква «м», — ответил Хагрид. — И больше не спрашивай меня ничего… меня, похоже, сейчас наизнанку вывернет.

Хагрид был весь зелёный. Когда тележка наконец остановилась перед маленькой дверью в стене, он выбрался из неё, прислонился к стене и подождал, пока у него перестанут дрожать колени.

Крюкохват отпер дверь. Изнутри вырвалось облако зелёного дыма, а когда оно рассеялось, Гарри ахнул. Внутри были кучи золотых монет. Колонны серебряных. Горы маленьких бронзовых кнатов.

— Это всё твоё, — улыбнулся Хагрид.

«Всё твоё» — это было невероятно. Дурсли наверняка не знали об этих деньгах, иначе они отняли бы их у него, не успел бы он и глазом моргнуть. Сколько раз они жаловались, что Гарри им дорого обходится? А всё это время глубоко под Лондоном хранилось принадлежащее ему сокровище.

Хагрид помогал Гарри бросать монеты в сумку.

— Золотые — это галлеоны, — пояснил он. — Один галлеон — это семнадцать серебряных сиклей, а один сикль — двадцать девять кнатов, это просто, да? Ладно, тебе этого на пару семестров хватит, а остальное пусть тут лежит. — Он повернулся к Крюкохвату. — А теперь нам нужен сейф семьсот тринадцать… и… э-э… пожалуйста, нельзя ли помедленнее?

— У тележки только одна скорость, — ответил Крюкохват.

Теперь они спускались ещё ниже, а тележка ехала почему-то ещё быстрее, чем раньше. Воздух становился холоднее. Когда они проезжали над подземным ущельем, Гарри перегнулся, чтобы разглядеть, что скрывается в его тёмных глубинах, но Хагрид со стоном схватил его за шиворот и втащил обратно.

В сейфе номер семьсот тринадцать не было замочной скважины.

— Отойдите, — важно сказал Крюкохват. Он мягко коснулся двери одним из своих длинных пальцев, и она просто растаяла.

— Если это попробует сделать кто-то, кроме работающих в банке гоблинов, его засосёт внутрь, и он окажется в ловушке, — произнёс Крюкохват.

— А как часто вы проверяете, нет ли там кого внутри? — поинтересовался Гарри.

— Примерно раз в десять лет, — ответил Крюкохват с довольно неприятной улыбкой.

Гарри был уверен, что в этом сверхсекретном сейфе лежит что-то ужасно важное, как минимум, драгоценные камни невероятных размеров, и он поспешно шагнул вперёд, чтобы увидеть, что там. Сначала ему показалось, что там вообще пусто. Затем он заметил на полу маленький невзрачный свёрток из коричневой бумаги. Хагрид нагнулся, подобрал его и засунул во внутренний карман куртки. Гарри хотелось узнать, что там, но он понимал, что спрашивать не стоит.

— Пошли обратно к этой адовой тележке, и не разговаривай со мной по дороге. Лучше будет, если я буду держать рот закрытым, — сказал Хагрид.

* * *

Ещё одна бешеная гонка на тележке — и вот они уже стоят на улице у банка, щурясь от солнечного света. Сейчас, когда у него в руках была сумка, полная денег, Гарри не знал, что с ними делать, и с трудом подавлял в себе желание начать покупать всё подряд. Ему даже не было интересно,

каков курс галлеона по отношению к фунту, — важно было, что сейчас у него денег больше, чем за всю его жизнь. Даже больше, чем когда-либо было у Дадли. О том, что это волшебные деньги и их можно тратить только в волшебном мире, он как-то забыл.

— Ну что, надо бы купить тебе форму, — заметил Хагрид, кивнув в сторону магазина с вывеской «Мадам Малкин. Одежда на все случаи жизни». — Слушай, Гарри, ты… э-э… не против, если я заскочу в «Дырявый котёл» и пропущу стаканчик? Ненавижу я эти тележки в «Гринготтсе»… мутит меня после них.

Хагрид на самом деле был всё ещё бледным, поэтому Гарри кивнул. Хотя он немного нервничал, входя в магазин мадам Малкин в полном одиночестве.

Мадам Малкин оказалась приземистой улыбающейся волшебницей, одетой в розовато-лиловые одежды.

— Едем учиться в Хогвартс? — спросила она прежде, чем Гарри успел объяснить ей цель своего визита. — Ты пришёл по адресу: у меня тут как раз ещё один клиент тоже к школе готовится.

В глубине магазина на высокой скамеечке стоял бледный мальчик с тонкими чертами лица,

а вторая волшебница крутилась вокруг него, подгоняя по росту длинные чёрные одежды. Мадам Малкин поставила Гарри на соседнюю скамеечку.

— Привет! — сказал мальчик. — Тоже в Хогвартс?

— Да, — ответил Гарри.

— Мой отец сейчас покупает мне учебники, а мать смотрит волшебные палочки, — сообщил мальчик. Он говорил как-то очень устало, специально растягивая слова. — А потом потащу их посмотреть гоночные мётлы. Не могу понять, почему первокурсникам нельзя их иметь. Думаю, мне удастся убедить отца, чтобы он купил мне такую… а потом как-нибудь тайком пронесу её в школу.

Мальчик сильно напомнил Гарри его кузена.

— А у тебя есть своя собственная метла? — продолжал тот.

— Нет. — Гарри отрицательно кивнул головой.

— А в квиддич играешь?

— Нет, — повторил Гарри, спрашивая себя, что же это такое — квиддич.

— А я играю. Отец говорит, что будет преступлением, если меня не возьмут в сборную факультета, и я тебе скажу: я с ним согласен. Ты

уже знаешь, на каком будешь факультете?

— Нет, — в третий раз произнёс Гарри, с каждой минутой чувствуя себя всё большим дураком.

— Ну, вообще-то никто заранее не знает, это уже там решат, но я знаю, что я буду в Слизерине, вся моя семья там была. А представь, если определят в Пуффендуй, тогда я сразу уйду из школы, а ты?

— М-м-м, — неопределённо промычал Гарри, жалея, что не может сказать что-нибудь более содержательное.

— Ну и ну, ты только посмотри на этого! — внезапно воскликнул мальчик, кивком показывая на окно. За окном стоял Хагрид, улыбаясь Гарри и показывая на два огромных мороженых, словно объясняя, почему он не может войти внутрь.

— Это Хагрид, — радостно пояснил Гарри. Ему было приятно, что он знает что-то, чего не знает этот мальчик. — Он работает в Хогвартсе.

— А-а-а, — протянул тот. — Я о нём слышал. Он там что-то вроде прислуги, да?

— Он лесник, — сухо ответил Гарри. С каждой секундой этот мальчик нравился ему всё меньше и меньше.

— Да, точно. Я слышал, он настоящий дикарь. Живёт в хижине на территории школы и время от времени напивается и пытается творить

чудеса, а всё кончается тем, что вспыхивает его собственная постель!

— Лично мне он очень нравится, — холодно парировал Гарри.

— Вот как? — На лице мальчика появилась презрительная усмешка. — А почему он с тобой? Где твои родители?

— Они умерли, — коротко ответил Гарри. Ему не хотелось разговаривать с мальчиком на эту тему.

— О, мне очень жаль, — произнёс тот, хотя по его голосу нельзя было сказать, что он о чём-либо сожалеет. — Но они были из наших или нет?

— Они были волшебники, если ты об этом.

— Если честно, я не понимаю, почему в школу принимают не только таких, как мы, но и детей не из наших семей. Они ведь другие. Они по-другому росли и ничего о нас не знают. Представь, некоторые даже никогда не слышали о Хогвартсе до того дня, как получили письмо. Я думаю, что в Хогвартсе должны учиться только дети волшебников. Кстати, а как твоя фамилия?

Но прежде чем Гарри успел ответить, в разговор вмешалась мадам Малкин.

— Всё готово, — произнесла она.

Нельзя сказать, чтобы Гарри был огорчён тем,

что у него появился повод закончить разговор, и он поспешно спрыгнул со скамеечки.

— Что ж, встретимся в школе, — бросил ему вслед мальчик.

Гарри молча ел купленное Хагридом мороженое — ванильно-шоколадное с колотыми орешками. Мороженое было настолько вкусным, что есть и одновременно разговаривать было бы слишком. Но Хагрид заметил, что Гарри какой-то притихший и грустный.

— Чой-то случилось? — спросил он.

— Всё в порядке, — соврал Гарри.

Они зашли в магазинчик, чтобы купить пергамент и перья. Гарри немного развеселился, купив флакончик чернил, которые меняли цвет в процессе письма.

— Хагрид, а что такое квиддич? — спросил он, когда они вышли из магазина.

— Чёрт меня подери, Гарри, разве можно не знать, что такое квиддич?! Извини… э-э… всё время забываю, что ты почти ничего не знаешь.

— Перестань. Мне и так плохо, — мрачно сказал Гарри. И рассказал Хагриду о том, что произошло в магазине одежды. — И ещё он сказал, что детей из семей маглов не следует принимать в школу, и…

— Но ты же не из маглов, — горячо возразил Хагрид. — Знай этот мальчишка, кто ты есть… Он твоё имя с детства знает, если он из наших… Ты ж видел, как тебя встречали в «Дырявом котле». И вообще ничего он в этом не понимает, да! Ты мне поверь, среди лучших магов такие есть, которые от маглов родились и с ними жили. Да вот хоть маму твою возьми и сестру её…

— Ты мне так и не ответил: что такое квиддич?

— Это наш спорт. Спорт волшебников. Что-то вроде… э-э… футбола у маглов. Все играют в квиддич, и болельщиков куча. В него в воздухе играют, на мётлах, и там четыре мяча… ну… сложно это, в общем, тебе всё объяснять, правила и всё такое…

— А что такое Слизерин и Пуффендуй?

— Школьные факультеты. Их четыре всего. Про Пуффендуй говорят, что там самые тупицы учатся, но…

— Готов спорить, что я попаду в Пуффендуй, — мрачно заметил Гарри.

— Лучше в Пуффендуй, чем в Слизерин, — ещё более мрачно ответил Хагрид. — Все те, кто потом плохими стали, они все из Слизерина были. Ты-Знаешь-Кто тоже оттуда.

— Волан… извини… Ты-Знаешь-Кто учился в Хогвартсе?

— Много-много лет назад, — ответил Хагрид.

После этого они зашли за учебниками в магазин под названием «Флориш и Блоттс», где было столько книг, сколько Гарри ни разу в жизни не видел, — они стояли на полках, занимая всё пространство магазина от пола до потолка. Там были гигантские фолианты в кожаных переплётах, каждый весом с огромный булыжник; там были книги размером с почтовую марку и книги в шёлковых обложках; там были книги, испещрённые непонятными символами, и книги, в которых были только пустые страницы. Эти книги не оставили бы равнодушным даже Дадли, который никогда ничего не читал. Хагриду пришлось буквально силой оттаскивать Гарри от учебника профессора Виндиктуса Виридиана «Как наслать проклятие и защититься, если проклятие наслали на вас» («Очаруйте ваших друзей и одурманьте ваших врагов. Самые современные способы взять реванш» — гласил подзаголовок книги. — «Выпадение волос. Ватные ноги. Немота и многое-многое другое»).

— Я пытался узнать, как наслать проклятие на Дадли, — объяснил Гарри.

— Не скажу, что идея плоха, но ты пойми, нельзя… э-э… пользоваться магией в мире маглов.

Хотя, если по правде, иногда можно… н-ну… от ситуации зависит. — Хагрид покивал, показывая, что с пониманием относится к тому, что сказал Гарри, — ведь это именно из-за Хагрида у Дадли вырос поросячий хвостик. — Но ты ж всё равно так не сможешь пока — этому не сразу учат. Тебе сначала многое другое надо будет узнать.

Хагрид не позволил Гарри купить котёл из чистого золота.

— В списке сказано, что тебе оловянный нужен, значит, оловянный и купим. — Тут великан был неумолим.

Зато они купили очень красивые и точные весы, а ещё приобрели складной медный телескоп. Затем они посетили аптеку, в которой всё было так волшебно, что Гарри даже не обратил внимания на ужасный запах — там пахло тухлыми яйцами и гнилыми кабачками. На полу стояли бочки с какой-то слизью, вдоль стен выстроились стеклянные банки с засушенными растениями, толчёными корнями и разноцветными порошками, а с потолка свисали связки перьев, клыков и загнутых когтей. Пока Хагрид разговаривал с аптекарем — им нужно было купить всякие ингредиенты для приготовления волшебных снадобий, — Гарри изучал серебряные рога еди-

норога стоимостью в двадцать один галлеон каждый и крошечные глаза жуков, блестящие и чёрные (пять кнатов за ковшик).

Выйдя из аптеки, Хагрид попросил Гарри показать ему письмо и ещё раз внимательно его изучил.

— Не, ещё не всё… ещё одна вещь осталась, — сказал он. — Я тебе до сих пор… э-э… подарок не купил, а у тебя ж день рождения сегодня.

Гарри почувствовал, что краснеет.

— Но вы совсем не обязаны…

— Да знаю я, что не обязан, — отмахнулся от него Хагрид. — Вот чего… куплю-ка я тебе животное. Может, жабу… хотя нет, жабы сто лет как из моды вышли, тебя в школе на смех подымут. И кошек я не люблю, мне от них… э-э… чихать охота. Во — купим тебе сову. О совах все дети мечтают, да и к тому же полезные они, почту твою носят, и всё такое.

Двадцать минут спустя они вышли из магазина под названием «Торговый центр „Совы“», и Гарри зажмурился от яркого солнца, потому что в магазине царила полная шорохов, шелеста и шуршания перьев тьма, освещаемая лишь мерцанием ярких, как драгоценные камни, глаз. В руке Гарри держал огромную клетку, в которой

сидела красивая полярная сова. Сова спала, засунув голову под крыло. Гарри распирало чувство признательности, и он никак не мог остановиться, в сотый раз говоря Хагриду большое спасибо и начиная заикаться, как профессор Квиррелл.

— Ну хватит тебе, — ворчливо заметил Хагрид, пытаясь скрыть смущение — он явно был очень польщён. — Я ж так понял, что Дурсли эти тебя… ну, не особо подарками баловали. А ты не с ними теперь, а с нами, тут… э-э… по-другому всё будет. Ладно, нам только волшебная палочка осталась. В «Олливандер» пойдём, лучшее место для этого. Там тебе такую палочку подберут, закачаешься, да!

Гарри затаил дыхание: получить волшебную палочку ему хотелось больше, чем всё остальное, что было в списке.

Магазин находился в маленьком обшарпанном здании. С некогда золотых букв «Семейство Олливандер — производители волшебных палочек с 382-го года до нашей эры» давно уже облетела позолота. В пыльной витрине на выцветшей фиолетовой подушке лежала одна-единственная палочка.

Когда они вошли внутрь, где-то в глубине магазина зазвенел колокольчик. Помещение было

крошечным и абсолютно пустым, если не считать одного длинного тонконогого стула, на который уселся Хагрид в ожидании хозяина. Гарри чувствовал себя очень странно — словно он попал в библиотеку, в которой были очень строгие правила. У него возникла куча новых вопросов, которые он собирался задать Хагриду, но здесь не решался. Вместо этого он рассматривал тысячи узеньких коробочек, выстроившихся вдоль стен от пола до потолка. Гарри почувствовал, как по коже побежали мурашки. Здешние пыль и тишина были полны волшебных секретов и, казалось, издавали почти неслышный звон.

— Добрый день, — послышался тихий голос.

Гарри подскочил от неожиданности. Хагрид, по-видимому, тоже подскочил, потому что раздался громкий треск, и великан быстро отошёл от покосившегося стула.

Перед ними стоял пожилой человек, от его больших, почти бесцветных глаз исходило странное, прямо-таки лунное свечение, прорезавшее магазинный мрак.

— Здравствуйте, — выдавил из себя Гарри.

— О, да. — Старичок покивал головой. — Да, да. Я так и думал, что скоро увижу вас, Гарри Поттер. — Это был не вопрос, а утверждение. — У

вас глаза, как у вашей матери. Кажется, только вчера она была у меня, покупала свою первую палочку. Десять дюймов с четвертью, элегантная, гибкая, сделанная из ивы. Прекрасная палочка для волшебницы.

Мистер Олливандер приблизился к Гарри почти вплотную. Гарри ужасно захотелось отвернуться или просто моргнуть. От взгляда этих серебристых глаз ему стало не по себе.

— А вот твой отец предпочёл палочку из красного дерева. Одиннадцать дюймов. Тоже очень гибкая. Чуть более мощная, чем у твоей матери, и великолепно подходящая для превращений. Да, я сказал, что твой отец предпочёл эту палочку, но это не совсем так. Разумеется, не волшебник выбирает палочку, а палочка волшебника.

Мистер Олливандер стоял так близко к Гарри, что их носы почти соприкасались. Гарри даже видел своё отражение в затуманенных глазах старика.

— А, вот куда…

Мистер Олливандер вытянул длинный белый палец и коснулся шрама на лбу Гарри.

— Мне неприятно об этом говорить, но именно я продал палочку, которая это сделала, — мягко произнёс он. — Тринадцать с половиной дюймов.

Тис. Это была мощная палочка, очень мощная, и в плохих руках… Что ж, если бы я знал, что натворит эта палочка, я бы…

Он потряс головой, и вдруг, к облегчению Гарри, который больше не мог выдерживать этот взгляд, заметил Хагрида.

— Рубеус! Рубеус Хагрид! Рад видеть вас снова… Дуб, шестнадцать дюймов, очень подвижная, не так ли?

— Так и было, да, сэр, — ответил Хагрид.

— Хорошая была палочка. Но, как я понимаю, её переломили надвое, когда вас отчислили? — Мистер Олливандер внезапно посуровел.

— Э-э-э… Да, так и было, сэр, — согласился Хагрид, изучая свои ноги и зачем-то вытирая их об пол. И вдруг просиял. — Но зато у меня остались обломки.

— Надеюсь, вы их не используете? — строго спросил мистер Олливандер.

— О, конечно нет, сэр, — быстро ответил Хагрид.

Гарри заметил, что Хагрид очень крепко сжал свой розовый зонтик.

— Гм-м-м, — задумчиво протянул мистер Олливандер, не сводя с Хагрида испытующего взгляда. — Ладно, а теперь вы, мистер Поттер.

Дайте мне подумать. — Он вытащил из кармана длинную линейку с серебряными делениями. — Какой рукой вы держите палочку?

— Я?.. — замялся Гарри, наконец спохватившись. — А, я правша!

— Вытяните руку. Вот так.

Старичок начал измерять правую руку Гарри. Сначала расстояние от плеча до пальцев, затем расстояние от запястья до локтя, затем от плеча до пола, от колена до подмышки, и ещё зачем-то измерил окружность головы.

— Внутри каждой палочки находится мощная магическая субстанция, мистер Поттер, — пояснял старичок, проводя свои измерения. — Это может быть шерсть единорога, перо из хвоста феникса или высушенное сердце дракона. Каждая палочка фирмы «Олливандер» индивидуальна, двух похожих не бывает, как не бывает двух абсолютно похожих единорогов, драконов или фениксов. И конечно, вы никогда не достигнете хороших результатов, если будете пользоваться чужой палочкой.

Гарри внезапно осознал, что линейка сама его измеряет, а мистер Олливандер давно отошёл к полкам и снимает с них одну коробочку за другой.

— Достаточно, — сказал он, и линейка упала на пол. — Что ж, мистер Поттер, для начала попробуем эту. Бук и сердце дракона. Девять дюймов. Очень красивая и удобная. Возьмите её и взмахните.

Гарри взял палочку в правую руку и, чувствуя себя полным дураком, немного помахал ей перед своим носом, но мистер Олливандер практически тут же вырвал её из его руки.

— Эта не подходит, возьмём следующую. Клён и перо феникса. Семь дюймов. Очень хлёсткая. Пробуйте.

Гарри попробовал — хотя едва он успел поднять палочку, как она оказалась в руках мистера Олливандера.

— Нет, нет, берите эту — эбонит и шерсть единорога, восемь с половиной дюймов, очень пружинистая. Давайте, давайте, попробуйте её.

Гарри пробовал. И снова пробовал. И ещё раз попробовал. Он никак не мог понять, чего ждёт мистер Олливандер. Гора опробованных палочек, складываемых мистером Олливандером на стул, становилась всё выше и выше. Но мистера Олливандера это почему-то вовсе не утомляло, а, наоборот, ужасно радовало. Чем больше коробочек он снимал с полок, тем счастливее выглядел.

— А вы необычный клиент, мистер Поттер, не так ли? Не волнуйтесь, где-то здесь у меня лежит то, что вам нужно… а кстати… действительно, почему бы и нет? Конечно, сочетание очень необычное — остролист и перо феникса, одиннадцать дюймов, очень гибкая, прекрасная палочка.

Гарри взял палочку, которую протягивал ему мистер Олливандер. И внезапно пальцы его потеплели. Он поднял палочку над головой, со свистом опустил её вниз, разрезая пыльный воздух, и из палочки вырвались красные и золотые искры, яркие, как фейерверк, и их отсветы заплясали на стенах.

— О, браво! Да, это действительно то, что надо, это просто прекрасно. Так, так, так… очень любопытно… чрезвычайно любопытно…

Мистер Олливандер уложил палочку обратно в коробку и начал упаковывать её в коричневую бумагу, продолжая бормотать:

— Любопытно… очень любопытно…

— Извините, — спросил Гарри, — что именно кажется вам любопытным?

Мистер Олливандер уставился на Гарри своими выцветшими глазами.

— Видите ли, мистер Поттер, я помню каждую

палочку, которую продал. Все до единой. Внутри вашей палочки — перо феникса, я вам уже сказал. Так вот, обычно феникс отдаёт только одно перо из своего хвоста, но в вашем случае он отдал два. Поэтому мне представляется весьма любопытным, что эта палочка выбрала вас, потому что её сестра, которой досталось второе перо того феникса… Что ж, зачем от вас скрывать — её сестра оставила на вашем лбу этот шрам.

Гарри судорожно вздохнул.

— Да, тринадцать с половиной дюймов, тис. Странная вещь — судьба. Я ведь вам говорил, что палочка выбирает волшебника, а не наоборот? Так что думаю, что мы должны ждать от вас больших свершений, мистер Поттер. Тот-Чьё-Имя-Нельзя-Называть сотворил много великих дел — да, ужасных, но всё же великих.

Гарри поёжился. Он не был уверен, что ему нравится мистер Олливандер. Он заплатил за палочку семь золотых галлеонов, и мистер Олливандер с поклонами проводил их с Хагридом до двери.

* * *

Была уже вторая половина дня, и солнце опускалось всё ниже, когда они с Хагридом прошли

обратно сквозь Косой переулок, потом сквозь стену и вошли в «Дырявый котёл», в котором уже не было ни единого посетителя. Выйдя оттуда, они оказались в другом мире, но Гарри шёл молча и словно не замечал этого. Он даже не обратил внимания на то, как смотрели на них люди, когда они с Хагридом ехали в метро, нагруженные разнообразными свёртками причудливой формы и вдобавок ко всему со спящей совой. Они поднялись по эскалатору и оказались на Пэддингтонском вокзале. А Гарри, мысленно всё ещё пребывающий в Косом переулке, осознал, где они находятся, лишь когда Хагрид потрепал его по плечу.

— Надо б немного перекусить… как раз до твоего поезда успеем, — произнёс Хагрид.

Он купил себе и Гарри по гамбургеру, и они уселись на пластиковые стулья. Гарри, очнувшись от своих мыслей, озирался по сторонам. Мир, к которому он привык, в котором прожил одиннадцать лет, теперь казался ему каким-то странным.

— С тобой всё нормально, Гарри? — спросил Хагрид. — Что-то ты очень тихий.

Гарри не был уверен, что сможет объяснить своё состояние, и жевал гамбургер, пытаясь по-

добрать нужные слова. Да, сегодня у него был лучший день рождения за всю его жизнь, но всё же, всё же, всё же…

— Все думают, что я особенный, — наконец произнёс он. — Все эти люди в «Дырявом котле», и профессор Квиррелл, и мистер Олливандер… Но я же ничего не знаю о магии. Как они могут ожидать от меня чего-то великого? Да, я знаменит… но я даже не могу вспомнить, как произошло то, из-за чего я стал знаменитостью. Я ведь совсем не знаю, что случилось, когда Волан… извини, я хотел сказать Ты-Знаешь-Кто… В общем, я не знаю, что случилось в ту ночь, когда умерли мои родители…

Хагрид перегнулся через стол. Трудно было поверить в то, что этот ужасающего вида великан с заросшим бородой лицом и кустистыми бровями может так тепло улыбаться.

— Да ты не волнуйся, Гарри, — посоветовал он. — Ты всему быстро научишься. В Хогвартсе все начинают с самого начала, так что ты будешь в полном порядке. Просто будь собой — и все дела. Я понимаю, тебя выделили из всех остальных, ты знаменитость. Таким, как ты, всегда непросто. Но поверь мне, тебе будет очень здорово в Хогвартсе… как мне было здорово, да и до сих пор

здорово, если по правде.

Когда подошёл поезд, на котором Гарри должен был возвращаться к Дурслям, Хагрид втащил в купе все его вещи и на прощанье протянул конверт.

— Это твой билет на поезд до Хогвартса, — пояснил он. — Первое сентября, вокзал «Кингс Кросс» — там всё написано, в билете этом. Если с Дурслями… э-э… какие проблемы, ты мне… ну… письмо пошли с совой, она знает, где меня найти… Ну, скоро свидимся, Гарри.

Поезд тронулся. Гарри пытался получше рассмотреть Хагрида, пока тот не исчез из виду, — он встал с сиденья и прижался носом к окну. Но стоило ему моргнуть, и Хагрид растворился в воздухе.

Глава 6
Путешествие с платформы номер девять и три четверти

Тот август, что Гарри прожил у Дурслей перед тем, как уехать в Хогвартс, нельзя было назвать особенно весёлым.

Нет, конечно же после знакомства Дурслей с Хагридом их поведение изменилось. Дадли теперь так боялся Гарри, что опасался находиться с ним в одной комнате. А тётя Петунья и дядя Вернон больше не осмеливались запирать Гарри в чулане, принуждать его к чему-нибудь или кричать на него. Если честно, они вообще с ним не разговаривали. Они были ужасно напуганы и одновременно злы на Гарри и вели себя так, словно его не замечали. Конечно, это было значительно лучше, чем раньше, но Гарри радовался таким переменам только поначалу, а потом стал тосковать.

Гарри почти не выходил из своей комнаты, тем более что теперь ему было с кем поговорить — у него была сова. Гарри решил назвать её Букля, это имя он нашёл в «Истории магии». Этот учебник,

как и все другие, оказался жутко интересным. Целыми днями Гарри лежал на кровати и читал до поздней ночи, а Букля развлекалась, время от времени вылетая на охоту. К счастью, тётя Петунья перестала заходить к нему в комнату — ей бы не понравилось, что Букля приносит с охоты дохлых мышей. Каждую ночь перед тем, как лечь спать, Гарри рисовал ещё одну палочку на специальном листке, который он приклеил к стене. Так было легче считать, сколько дней осталось до первого сентября.

В последний день августа Гарри подумал, что ему следует поговорить с тётей и дядей по поводу того, что завтра ему надо быть в Лондоне на вокзале, и он спустился в гостиную, где Дурсли смотрели телевикторину. Гарри прокашлялся, чтобы они обратили на него внимание. Заметивший его Дадли тут же с криком выбежал из комнаты.

— Э-э-э… Дядя Вернон, — робко произнёс Гарри.

Дядя Вернон промычал что-то, показывая, что он слушает.

— Э-э-э… Завтра мне надо быть на вокзале «Кингс Кросс», чтобы… чтобы ехать в Хогвартс.

Дядя Вернон снова промычал — по-видимому, это означало, что Гарри может говорить дальше.

— Вы не могли бы меня отвезти?

В ответ раздалось мычание — Гарри предположил, что это знак согласия.

— Спасибо, — поблагодарил Гарри и уже выходил из гостиной, когда дядя Вернон подал голос.

— Путешествие на поезде — странный способ добираться до школы волшебников. А что, все волшебные ковры-самолёты съедены молью?

Гарри предпочёл промолчать.

— А где, кстати, находится эта школа?

— Не знаю, — честно ответил Гарри, впервые задумавшись над тем, что и вправду не знает адреса Хогвартса. Он вытащил из кармана билет, который купил ему Хагрид. — Мне просто надо сесть на поезд, который отходит в одиннадцать часов утра от платформы номер девять и три четверти, — произнёс он, оторвав глаза от билета.

Тётя и дядя посмотрели на него как на ненормального.

— Какой платформы?

— Девять и три четверти.

— Не говори ерунды, — резко оборвал его дядя Вернон. — Платформы с таким номером нет и быть не может.

— Но так написано на моём билете, — возразил Гарри.

— Психи, — покачал головой дядя Вернон. — Самые настоящие психи. Все они. Подожди, сам это увидишь. А насчёт вокзала — ладно, мы тебя отвезём. Тебе просто повезло, что нам всё равно надо в Лондон, иначе бы тебе пришлось добираться туда самому.

— А зачем вам в Лондон? — поинтересовался Гарри, хотя ему было всё равно, зачем Дурсли едут в город. Он просто хотел, чтобы разговор закончился мирно.

— Отвезём Дадли в больницу, — прорычал дядя Вернон. — Ему придётся удалить этот проклятый хвост, прежде чем он отправится в школу.

* * *

На следующее утро Гарри проснулся в пять часов и уже не смог заснуть, он был слишком взволнован. Он встал и влез в джинсы — наверное, не стоило ехать на вокзал в мантии волшебника, проще было переодеться в поезде. Он тщательно изучил присланный ему список необходимых книг и вещей, чтобы убедиться, что ничего не забыл, запер Буклю в клетку и начал ходить взад-вперёд по комнате, дожидаясь, пока проснутся Дурсли. Два часа спустя дядя Вернон запихнул огромный чемодан Гарри в багажник

своей машины, тётя Петунья с трудом уговорила Дадли сесть на заднее сиденье рядом с Гарри, и они поехали.

На вокзале «Кингс Кросс» они были ровно в десять тридцать. Дядя Вернон перетащил чемодан Гарри на тележку и сам отвёз её на перрон. Гарри шёл следом, думая о том, что дядя Вернон необычно добр к нему. Но всё стало ясно, когда дядя Вернон наконец остановился и огляделся по сторонам, издевательски усмехаясь.

— Ну что ж, мальчик, вот ты и на месте. Вот платформа девять, а вот платформа десять. Твоя платформа, по идее, должна быть где-то посередине. Но, судя по всему, её ещё не успели построить.

Разумеется, он был абсолютно прав. Над одной платформой висела большая пластиковая табличка с цифрой девять, а над другой — такая же табличка с цифрой десять. Посередине ничего не было.

— Ну что ж, счастливой учёбы. — Улыбка на лице дяди Вернона стала ещё злораднее. Дядя повернулся и ушёл, не говоря ни слова. Гарри обернулся и увидел, как машина Дурслей отъезжает от вокзала, а дядя Вернон, тётя Петунья и Дадли смотрят на него и смеются.

У Гарри пересохло во рту. Он совершенно не представлял, что делать. Его волнение усиливалось с каждой минутой, потому что стоявшие на платформе люди начали бросать на него странные взгляды — наверное, всё дело было в Букле. Всё, что Гарри мог придумать — это спросить у кого-то, где находится нужная ему платформа. Но у кого?

Гарри помахал рукой проходившему мимо полицейскому, дежурившему на вокзале, но когда тот остановился, так и не решился упомянуть платформу номер девять и три четверти, опасаясь, что полицейский примет его за сумасшедшего. Выяснилось, что полицейский никогда не слышал о школе Хогвартс, а Гарри даже не мог объяснить ему, в какой части страны находится школа, потому что сам этого не знал. В конце концов полицейский начал раздражаться. Наверное, ему показалось, что Гарри просто дурачится. Уже отчаявшись, Гарри спросил, какой поезд уходит в одиннадцать часов, и услышал в ответ, что такого поезда не существует.

Полицейский ушёл, бормоча что-то про бездельников, отнимающих у людей время, а Гарри прикладывал все силы к тому, чтобы не запаниковать. Если верить большим вокзальным часам,

у него оставалось десять минут на то, чтобы сесть на поезд и отправиться в Хогвартс, а он не представлял, как ему это сделать. Он стоял посреди платформы с огромным чемоданом, который с трудом мог оторвать от земли, с карманами, полными волшебных денег, и с клеткой, где сидела большая сова.

Наверное, Хагрид забыл сказать ему, что надо будет сделать, когда он окажется на вокзале, — что-нибудь вроде того, что Хагрид проделал, чтобы попасть в Косой переулок, постучав по третьему кирпичу слева. Гарри уже подумывал о том, чтобы вытащить из чемодана волшебную палочку и начать постукивать ею по билетной кассе между платформами девять и десять.

В этот момент мимо него прошла группа людей, и до Гарри донеслись обрывки разговора.

— Я так и думала, что тут будет целая толпа маглов…

Гарри резко повернулся. Эти слова произнесла пухлая женщина, разговаривавшая с четырьмя огненно-рыжими мальчиками. Каждый вёз на тележке чемодан тех же размеров, что и у Гарри, и у них была сова.

Гарри почувствовал, как сильно забилось его сердце, и изо всех сил толкнул вперёд свою тележ-

ку, стараясь не упустить их из виду. К счастью, они вскоре остановились, и он тоже остановился, оказавшись достаточно близко для того, чтобы услышать, о чём они говорят.

— Так, какой у вас номер платформы? — поинтересовалась женщина.

— Девять и три четверти, — пропищала маленькая рыжеволосая девочка, дёргая мать за руку. — Мам, а можно, я тоже поеду…

— Ты ещё слишком мала, Джинни, так что успокойся. Ну что, Перси, ты иди первым.

Один из мальчиков, на вид самый старший, пошёл в сторону платформ девять и десять. Гарри внимательно следил за ним, стараясь не моргать, чтобы ничего не пропустить. Но тут рыжеволосого мальчика загородили от него туристы, а когда они наконец прошли, Перси уже исчез.

— Фред, ты следующий, — скомандовала пухлая женщина.

— Я не Фред, я Джордж, — ответил мальчик, к которому она обращалась. — Скажи мне честно, женщина, как ты можешь называть себя нашей матерью? Разве ты не видишь, что я — Джордж?

— Джордж, дорогой, прости меня, — виновато произнесла женщина.

— Я пошутил, на самом деле я Фред, — сказал

мальчик и двинулся вперёд.

Его брат-близнец крикнул ему вслед, чтобы он поторапливался. И через мгновение Фред исчез из виду, а Гарри никак не мог понять, как ему это удалось?

Теперь пришла очередь третьего брата. Он тоже пошёл вперёд и исчез так же внезапно, как и первые двое.

Ситуация снова оказалась безвыходной. Гарри собрался с силами и подошёл к пухлой женщине.

— Извините меня, — робко произнёс он.

— Привет, дорогуша. — Женщина улыбнулась ему. — Первый раз едешь в Хогвартс? Рон, мой младший, тоже новичок.

Она показала на последнего из четырёх мальчиков. Он был длинный, тощий и нескладный, с большими руками и ступнями, а лицо его было усыпано веснушками.

— Да, — подтвердил Гарри. — Но дело в том… дело в том, что я не знаю, как…

— …как попасть на платформу, — понимающе закончила за него пухлая женщина, и Гарри кивнул. — Не беспокойся. — Женщина весело подмигнула ему. — Всё, что тебе надо сделать, — это пойти прямо через разделительный барьер

между платформами девять и десять. Самое главное — тебе нельзя останавливаться и нельзя бояться, что ты врежешься в барьер. Если ты нервничаешь, лучше идти быстрым шагом или бежать. Знаешь, тебе лучше пойти прямо сейчас, перед Роном.

— Э-э-э… ладно, — согласился Гарри, хотя на душе у него скребли кошки.

Он толкнул вперёд свою тележку и посмотрел на барьер. Барьер показался ему очень и очень прочным.

Гарри двинулся по направлению к барьеру. Двигаться быстро было нелегко — его постоянно толкали снующие мимо люди, к тому же тележка была очень тяжёлой. Но страх не попасть в Хогвартс оказался сильнее, и Гарри ускорил шаг. Он был уверен, что сейчас врежется прямо в билетную кассу и на этом всё закончится, но, вспомнив слова пухлой женщины, налёг на поручень тележки и тяжело побежал.

Барьер всё приближался, и Гарри понимал, что остановиться уже не сможет, потому что ему не удастся удержать разогнавшуюся тележку. Оставалось каких-то два шага. Гарри прикрыл глаза, готовясь к удару…

Удара не произошло, и он, не замедляя бега,

открыл глаза.

Гарри находился на забитой людьми платформе, у которой стоял паровоз алого цвета. Надпись на табло гласила: «Хогвартс-экспресс. 11.00». Гарри оглянулся назад и увидел, что билетная касса исчезла, а на её месте находится арка с коваными железными воротами и табличкой: «Платформа номер девять и три четверти». Значит, он смог, значит, у него всё получилось.

Над головами собравшихся на платформе людей плыли извергаемые паровозом клубы дыма, а под ногами шмыгали разноцветные кошки. До Гарри доносились голоса, скрип тяжёлых чемоданов и недовольное уханье переговаривавшихся друг с другом сов.

Первые несколько вагонов уже были битком набиты школьниками. Они высовывались из окон, чтобы поговорить напоследок с родителями, или сражались за свободные места. Гарри двинулся дальше, заглядывая в окна вагонов в поисках местечка.

— Бабушка, я снова потерял жабу, — растерянно говорил круглолицый мальчик, мимо которого проходил Гарри.

— О, Невилл, — тяжело вздохнула пожилая женщина.

Через несколько метров дорогу Гарри преградила толпа, сгрудившаяся вокруг кудрявого мальчика.

— Ну покажи, Ли, — громко просили несколько голосов. — Ну давай, чего ты…

Кудрявый приподнял крышку коробки, которую держал в руках, и все стоявшие вокруг него отпрянули с криками ужаса. Гарри успел заметить, что из коробки высунулась длинная волосатая лапа.

Гарри продолжал протискиваться сквозь толпу и наконец нашёл пустое купе в вагоне, находившемся почти в самом хвосте состава. Сначала он занёс в вагон клетку с Буклей, а потом попытался загрузить туда свой чемодан. Однако ему никак не удавалось поднять его на нужную высоту, и дважды чемодан падал и больно бил его по ноге.

— Помощь нужна? — обратился к нему рыжеволосый мальчик. Это был один из тех близнецов, чья мать подсказала Гарри, что нужно делать.

— О, спасибо. — Гарри тяжело перевёл дыхание.

— Эй, Фред! Иди сюда и помоги мне!

Близнецы затащили чемодан в купе и поставили его в угол.

— Спасибо, — улыбаясь, произнёс Гарри, отбра-

сывая назад мокрые от пота волосы.

— Что это у тебя? — внезапно спросил один из близнецов, заинтересовавшись шрамом на лбу Гарри.

— Будь я проклят! — выдохнул второй. — А ты, случайно, не…

— Это он, — уверенно заявил первый близнец. — Это ведь ты?

— Кто — я? — не понял Гарри.

— Гарри Поттер — это ты? — хором спросили близнецы.

— А, вот вы про что, — уклончиво произнёс Гарри, немного стесняясь. — Ну, в смысле, да, это я.

Близнецы смотрели на него, выпучив глаза и раскрыв рты. Гарри покраснел. Но тут, к его облегчению, откуда-то донёсся женский голос.

— Фред? Джордж? Вы здесь?

— Мы идём, мам.

И, с трудом оторвав взгляд от Гарри, близнецы вылезли из вагона.

Гарри сел к окну и, надеясь, что его не видно с улицы, наблюдал за рыжеволосым семейством. Пухлая женщина внезапно вытащила из кармана носовой платок.

— Рон, у тебя что-то на носу.

Самый младший из мальчиков попытался

увернуться, но она схватила его и начала тереть платком кончик его носа.

— Мам, отстань! — запротестовал мальчик, но высвободиться ему удалось, только когда мать сама его отпустила.

— Ой-ой-ой, у маленького Ронни грязненький носик, — насмешливо пропел один из близнецов.

— Заткнись, — бросил в ответ Рон.

— А где Перси? — спросила мать.

— Вон он идёт.

Старший мальчик, о котором шла речь, подошёл к остальным. Он уже переоделся, и на нём была чёрная школьная форма, а на его груди Гарри заметил блестящий серебряный значок с буквой «С».

— Я всего на секунду, мам, — произнёс он. — Я там, в самом начале поезда, — там выделили вагон для старост…

— Так ты теперь староста, Перси? — жутко удивился один из близнецов. — А что же ты не сказал, мы ведь и не знали.

— Перестань, он, кажется, что-то нам говорил, — встрял в разговор второй близнец. — Как-то раз…

— Или два, — подхватил первый.

— Или три, — продолжил второй.

— Или всё лето…

— Да заткнитесь вы. — Перси махнул рукой.

— А почему это, собственно, у Перси новая форма, а у нас старая? — спохватился один из близнецов.

— Потому что он теперь староста. — По голосу матери чувствовалось, что она гордится сыном. — Ну, иди, дорогой, желаю тебе хорошей учёбы, и пришли мне сову, когда доберётесь до места.

Она поцеловала Перси в щёку, и он ушёл. А женщина повернулась к близнецам.

— Так, теперь вы двое. В этом году вы должны вести себя хорошо. Если я ещё раз получу сову с известием о том, что вы что-то натворили — взорвали туалет или…

— Взорвали туалет? — изумился один. — Мы никогда не взрывали туалетов.

— А может, попробуем? — хмыкнул второй. — Отличная идея, спасибо, мам.

— Это не смешно, — отрезала мать. — И приглядывайте за Роном.

— Не бойся, мы не дадим крошечку Ронни в обиду…

— Заткнитесь вы, — снова пробурчал Рон. Хотя он и был младше близнецов, но роста все трое были примерно одинакового. Кончик носа у Рона

заметно покраснел — видимо, мать, вытирая его платком, немного перестаралась.

— Да, мам, ты себе и представить не можешь, — начал один из близнецов. — Угадай, кого мы только что встретили в поезде?

Гарри быстро откинулся назад, чтобы его не заметили.

— Помнишь черноволосого мальчишку, который стоял рядом с нами на вокзале? — спросил женщину второй. — Знаешь, кто он?

— Кто же?

— Гарри Поттер!

До Гарри долетел тонкий голос девочки.

— Ой, мам, можно, я залезу в вагон и посмотрю на него? Мам, ну, пожалуйста…

— Ты его уже видела, Джинни. И вообще не надо пялиться на бедного мальчика, как на животное в зоопарке. Так это действительно он, Фред? Откуда ты это знаешь?

— Я его спросил, — пояснил Фред. — Увидел его шрам и спросил. А шрам на самом деле такой, как говорят, — похож на молнию.

— О, бедняжка, неудивительно, что он был один! — воскликнула женщина. — Я всё ещё думала: почему его никто не провожает? Он такой вежливый, такой воспитанный.

— Да ладно, не в этом дело, — перебил её один из близнецов. — Как ты думаешь, он помнит, как выглядит Ты-Знаешь-Кто?

Мать внезапно посуровела.

— Я запрещаю тебе спрашивать его об этом, Фред. Даже и не думай. Неужели ему нужно напоминать об этом именно сегодня?

— Да ладно, ладно, не буду.

Прозвучал громкий свисток.

— Давайте, поживее! — произнесла женщина, и трое рыжеволосых мальчишек влезли в вагон и, оставшись в тамбуре, посылали сестре и матери воздушные поцелуи. Девочка неожиданно расплакалась.

— Перестань, Джинни, мы завалим тебя совами, — утешил её один из близнецов.

— Мы пришлём тебе унитаз из школьного туалета, — пообещал второй.

— Джордж! — возмущённо воскликнула женщина.

— Да я шучу, мам.

Поезд двинулся с места. Гарри увидел, как женщина машет сыновьям рукой, а маленькая девочка, то ли смеясь, то ли плача, бежит за вагоном. Но вскоре она отстала, потому что поезд набирал скорость.

Поезд чуть вильнул вправо, и платформа пропала из вида. За окном замелькали дома. Гарри ощутил прилив возбуждения. Он ещё не знал, что ждёт его там, куда он едет, но он был уверен: это будет лучше, чем то, что он оставлял позади.

Дверь в купе приоткрылась и внутрь заглянул один из рыжих мальчиков.

— Здесь свободно? — спросил он Гарри, указывая на сиденье напротив. — В других вообще сесть некуда.

Гарри кивнул, и рыжий быстро уселся. Он украдкой покосился на Гарри, но тут же перевёл взгляд, делая вид, что его очень интересует пейзаж за окном. Гарри заметил на носу у мальчика чёрное пятно, которое матери так и не удалось стереть.

— Эй, Рон! — окликнули его заглянувшие в купе близнецы. — Мы пойдём. Там Ли Джордан едет в двух вагонах от нас, он с собой гигантского тарантула везёт.

— Ну идите, — промямлил Рон.

— Гарри, мы так тебе и не представились. — Близнецы улыбались. — Фред и Джордж Уизли. А это наш брат Рон. Ещё увидимся.

— До встречи, — почти одновременно произнесли Рон и Гарри. И близнецы ушли.

— Ты действительно Гарри Поттер? — выпалил вдруг Рон, и сразу стало понятно, что его распирало от желания задать этот вопрос. Он ради этого и подсел в купе Гарри, хотя в вагоне была куча свободных мест.

Гарри кивнул.

— О, а я уж подумал, что это очередная шутка Фреда и Джорджа, — выдохнул Рон. — А у тебя действительно есть… ну, ты знаешь…

Он вытянул палец, указывая на лоб Гарри. Гарри провёл рукой по волосам, открывая лоб. Рон, увидев шрам, не сводил с него глаз.

— Значит, это сюда Ты-Знаешь-Кто…

— Да, — подтвердил Гарри. — Но я этого не помню.

— Совсем ничего не помнишь? — судя по голосу, Рон надеялся на обратное. — Ну вообще ничего?

— Я помню лишь много зелёного света, и всё.

— Ух ты, — качнул головой Рон. Он сидел и смотрел на Гарри, не отводя глаз, как зачарованный, но потом спохватился и уставился в окно.

— У тебя в семье все волшебники? — спросил Гарри. Рон был ему интересен в той же степени, насколько он был интересен Рону.

— Э-э-э… да. Думаю, да, — после некоторого раздумья выдал Рон. — Кажется, у мамы есть

двоюродный брат, он из маглов, бухгалтер, но мы о нём никогда не говорим.

Вполне очевидно, что Уизли были из тех настоящих семей волшебников, о которых говорил бледный мальчик в магазине, где Гарри купил школьную форму.

— Я слышал, что ты жил у маглов. — В глазах Рона светилось жуткое любопытство. — Какие они вообще?

— Ужасные… хотя, наверное, не все. Но мои тётя, дядя и двоюродный брат — они ужасные. Я бы хотел, чтобы у меня было трое братьев-волшебников, как у тебя.

— У меня их пятеро. — Голос Рона почему-то был совсем невесёлым. — Я шестой. И мне теперь придётся сделать всё, чтобы оказаться лучше, чем они. Билл был лучшим учеником школы, Чарли играл в квиддич, носил капитанскую повязку. А Перси вот стал старостой. Фред и Джордж, конечно, занимаются всякой ерундой, но у них хорошие отметки, и их все любят. А теперь все ждут от меня, что я буду учиться не хуже братьев. Но даже если так и будет, это ничего не даст, ведь я самый младший. Значит, мне надо стать лучше, чем они, а я не думаю, что у меня это получится. К тому же когда у тебя пять братьев, тебе никогда

не достаётся ничего нового. Вот я и еду в школу со всем старым — форма мне досталась от Билла, волшебная палочка от Чарли, а крыса от Перси.

Рон запустил руку во внутренний карман куртки и вытащил оттуда жирную серую крысу, которая безмятежно спала.

— Её зовут Короста, и она абсолютно бесполезная — спит целыми днями. Отец подарил Перси сову, когда узнал, что тот будет старостой, и я тоже хотел, но у них нет де… я хотел сказать, что вместо этого получил крысу.

У Рона покраснели уши. Казалось, он решил, что сказал много лишнего, поэтому замолчал и стал смотреть в окно.

Гарри подумал, что не стоит стесняться того, что у твоих родителей нет денег, чтобы купить сову. В конце концов, у него никогда в жизни не было денег — до начала прошлого месяца, — и он рассказал об этом Рону. И о том, как донашивал за Дадли старую одежду и никогда не получал нормальных подарков на дни рождения. Рон немного приободрился.

— А пока Хагрид мне не рассказал, я даже не знал о том, что я волшебник, — продолжал Гарри. — И ничего не знал о своих родителях и о Волан-де-Морте…

Рон отпрянул от него, вцепившись в сиденье.

— Ты что? — удивился Гарри.

— Ты назвал по имени Ты-Знаешь-Кого! — В голосе Рона звучали испуг и уважение. — Я-то думал, что кто-кто, но ты…

— Я вовсе не пытался казаться храбрецом, — пояснил Гарри. — Просто я не знал, что это имя нельзя произносить. Теперь ты понял, о чём я говорил? Я ещё столько всего не знаю, мне ещё столько предстоит выучить… И боюсь… Боюсь, что я буду худшим учеником в школе…

Гарри выразил мысль, которая уже давно его тревожила.

— Не бойся, — обнадёжил его Рон. — В школе много учеников, которые выросли в семьях маглов, и они довольно быстро всему учатся.

Пока они болтали, поезд выехал из Лондона и сейчас нёсся мимо полей и лугов, на которых паслись коровы и овцы. Гарри и Рон примолкли, глядя в окно.

Примерно в половине первого из тамбура донёсся стук, а затем в купе заглянула улыбающаяся женщина с ямочкой на подбородке.

— Хотите чем-нибудь перекусить, ребята?

Гарри не ел со вчерашнего вечера и поспешно вскочил, услышав заманчивое предложение. У

Рона снова покраснели уши, и он пробормотал что-то насчёт того, что прихватил с собой сэндвичи. Так что в коридор Гарри вышел один.

Когда он жил с Дурслями, у него никогда не было в карманах денег, а следовательно, и возможности покупать себе сладости. Но сейчас его карманы были полны золотых и серебряных монет, и он был готов купить столько батончиков «Марс», сколько сможет унести. Но у женщины не было батончиков «Марс». На её лотке лежали пакетики с круглыми конфетками-драже «Берти Боттс», которые, если верить надписи на пакетиках, отличались самым разнообразным вкусом. Ещё у неё была «лучшая взрывающаяся жевательная резинка Друбблс», «шоколадные лягушки», тыквенное печенье, сдобные котелки, лакричные палочки и прочие сладости мира волшебников, которых Гарри никогда не видел и не пробовал. Чтобы ничего не упустить, он набрал всего понемногу и заплатил женщине одиннадцать серебряных сиклей и семь бронзовых кнатов.

Рон удивлённо смотрел, как Гарри возвращается на своё место с полными руками и сваливает покупки на свободное сиденье.

— Ты такой голодный?

— Я умираю с голоду, — ответил Гарри, разворачивая тыквенное печенье и откусывая сразу половину.

Рон вытащил откуда-то бумажный пакет и вынул из него четыре сэндвича.

— Она всегда забывает, что я не люблю копчёную говядину, — грустно произнёс он.

— Меняю на своё. — Гарри протянул ему печенье. — Давай присоединяйся…

— Да нет, тебе эти сэндвичи не понравятся — мясо сухое, и соуса никакого нет, — покачал головой Рон и вдруг напрягся. — Мама просто забыла — нас же у неё много…

— Давай ешь. — Гарри кивнул на свои сладости.

У него никогда не было того, чем можно было бы поделиться с другими. А если честно, делиться тоже было не с кем. Так что он испытывал очень приятное чувство, сидя напротив Рона и вместе с ним поедая купленные припасы. Про сэндвичи они так и забыли.

— А это что? — спросил Гарри, беря в руки упаковку «шоколадных лягушек». — Это ведь не настоящие лягушки, правда?

Следовало признать, что Гарри не удивился бы, если бы лягушки оказались настоящими.

Ему вообще казалось, что теперь его ничем не удивишь.

— Нет, не настоящие, они только сделаны в форме лягушек, а сами из шоколада, — улыбнулся Рон. — Будешь есть, вкладыш не выбрасывай — у меня Агриппы не хватает…

— Что? — не понял Гарри.

— А, ну конечно, ты не знаешь, — спохватился Рон. — Там внутри коллекционные карточки. Из серии «Знаменитые волшебницы и волшебники». Многие ребята их собирают. У меня их примерно пять сотен, только вот Агриппы нет и Птолемея, кажется, тоже.

Гарри развернул «лягушку» и вытащил карточку. На ней был изображён человек в затемнённых очках, с длинным крючковатым носом и вьющимися седыми волосами, седыми усами и седой бородой. «Альбус Дамблдор» гласила подпись под картинкой.

— Так вот какой он, этот Дамблдор! — воскликнул Гарри.

— Только не говори мне, что ты никогда не слышал о Дамблдоре! — запротестовал Рон. — Можно, я возьму одну «лягушку» — может быть, Агриппа попадётся…

Гарри перевернул карточку и прочитал:

Альбус Дамблдор, в настоящее время директор школы «Хогвартс». Считается величайшим волшебником нашего времени. Профессор знаменит своей победой над тёмным волшебником Грин-де-Вальдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона и своими трудами по алхимии в соавторстве с Николасом Фламелем. Хобби — камерная музыка и игра в кегли.

Гарри снова перевернул карточку и с удивлением заметил, что картинка куда-то делась.

— Он куда-то исчез! — завопил Гарри.

— Но ты же не ждал, что он будет торчать тут целый день, — заметил Рон. — Он вернётся. А вот мне опять попалась Моргана, а у меня таких уже шесть штук. Может, возьмёшь и начнёшь собирать коллекцию?

Рон как бы случайно окинул взглядом кучку «лягушек», которые дожидались, когда их развернут.

— Угощайся, — предложил Гарри, проследив направление его взгляда. — Кстати, ты знаешь, что у маглов, если человека фотографируют, то он никуда не исчезает с фотографии?

— Да ты что? — ужасно удивился Рон. — Что, они вообще не двигаются? Ну дела!

Гарри смотрел на карточку до тех пор, пока на ней снова не появилось изображение Дамблдора, который неожиданно улыбнулся ему. Рон этого не заметил, вопреки заверениям, его вообще куда больше интересовал процесс поглощения шоколада, чем разглядывание карточек. А Гарри глаз не мог от них отвести. Скоро, помимо Дамблдора и Морганы, в его коллекции появились Хенгист из Вудкрофта, Альберик Граннион, Цирцея, Парацельс и Мерлин. Прошло немало времени, прежде чем он отложил последнюю карточку, на которой неспешно почёсывала нос жрица друидов Клиодна.

— Ты поосторожнее, — посоветовал Рон, заметив, что Гарри взял в руки пакетик с драже. — Там написано, что у них самый разный вкус, так вот, это истинная правда. Нет, там есть вполне нормальные вкусы — апельсин, скажем, или шоколад, или мята, но иногда попадается шпинат, или почки, или требуха. Джордж уверяет, что ему как-то попалась конфета со вкусом соплей.

Рон выбрал зелёное драже, внимательно осмотрел его и откусил кусок.

— Фу! — поморщился он. — Брюссельская ка-

пуста!

Они неплохо повеселились, поедая эти драже. Гарри попробовал конфеты со вкусом жареного хлеба, кокоса, фасоли, клубники, карри, травы, кофе и сардин. И даже смело откусил кусочек от серой конфетки, к которой Рон побоялся прикоснуться, — оказалось, что она была со вкусом перца.

Местность за окном резко изменилась. На смену возделанным полям пришли леса, реки и зелёные холмы.

Кто-то постучал в дверь купе. На пороге появился круглолицый мальчик, мимо которого Гарри проходил, когда шёл по платформе. Выглядел он так, словно собирался вот-вот расплакаться.

— Извините, — сказал мальчик. — Вы тут не видели жабу?

Рон и Гарри дружно покачали головами, и мальчик начал причитать.

— Я потерял её! Она вечно от меня убегает!

— Она найдётся, — заверил его Гарри.

— Да, наверное, — грустно произнёс круглолицый. — Что ж, если вы её увидите…

И с этими словами он ушёл.

— Не пойму, чего он так волнуется. — Рон пожал плечами. — Если бы я вёз с собой жабу, я бы

потерял её ещё на платформе. Хотя моя крыса немногим лучше жабы, так что не мне об этом говорить.

Крыса всё ещё спала, уютно устроившись у Рона за пазухой.

— Может, она давно умерла, а может, и спит — разницы никакой. Выглядит одинаково, — с отвращением проговорил Рон. — Вчера я пытался её заколдовать, чтобы она стала жёлтого цвета — я подумал, что так она будет выглядеть поинтереснее, — но ничего не получилось. Я тебе сейчас покажу, смотри…

Рон порылся в своём чемодане и вытащил оттуда потрёпанного вида волшебную палочку. Она была выщерблена в нескольких местах, а на конце поблёскивало что-то белое.

— Шерсть единорога почти вылезла наружу, — смущённо заметил Рон. — Итак…

Не успел он поднять палочку, как дверь купе снова открылась. На пороге снова появился круглолицый мальчик, но на этот раз с ним была девочка с густыми каштановыми волосами, уже переодевшаяся в школьную форму. Её передние зубы были чуть крупнее, чем надо.

— Никто не видел жабу? Невилл её потерял, а я помогаю ему её отыскать. Так вы её видели или

нет? — спросила девочка прямо-таки начальственным тоном.

— Он здесь уже был, и мы ему сказали, что не видели, — ответил Рон, но девочка, кажется, его не слушала, её внимание было приковано к волшебной палочке в руках Рона.

— О, ты показываешь чудеса? Давай, мы тоже посмотрим.

Она опустилась на свободное сиденье, и Рон занервничал.

— Э-э-э… — нерешительно протянул он. — Ну ладно.

Он прокашлялся и снова поднял палочку:

— Жирная глупая крыса, перекрасься ты в жёлтый цвет и стань такой же, как масло, как яркий солнечный свет.

Он помахал палочкой, но ничего не произошло. Короста по-прежнему оставалась серой и всё так же безмятежно спала.

— Ты уверен, что это правильное заклинание? — поинтересовалась девочка. — Что-то оно не действует, ты не заметил? А я тут взяла из книг несколько простых заклинаний, чтобы немного попрактиковаться, — и всё получилось. В моей семье нет волшебников, я была так ужасно удивлена, когда получила письмо из Хогвартса, — я

имею в виду, приятно удивлена, ведь это лучшая школа волшебства в мире. И конечно, я уже выучила наизусть все наши учебники — надеюсь, что этого будет достаточно для того, чтобы учиться лучше всех. Да, кстати, меня зовут Гермиона Грэйнджер, а вас?

Она говорила очень быстро, и всё же Гарри уловил смысл сказанного и забеспокоился. Но, посмотрев на Рона, по его застывшему лицу убедился, что тот тоже не выучил учебники наизусть.

— Я — Рон Уизли, — пробормотал Рон.

— Гарри Поттер, — представился Гарри.

— Ты действительно Гарри Поттер? — Взгляд девочки стал очень внимательным. — Можешь не сомневаться, я всё о тебе знаю. Я купила несколько книг, которых не было в списке, просто для дополнительного чтения, и твоё имя упоминается в «Современной истории магии», и в «Развитии и упадке Тёмных искусств», и в «Величайших событиях волшебного мира в двадцатом веке».

— Да? — только и вымолвил Гарри. Он был слишком ошеломлён, чтобы сказать что-то более значительное.

— Господи, неужели ты не знал? — удивилась девочка. — Если бы я была на твоём месте, я бы

прочитала о себе всё, что можно найти в книгах. Да, вы не знаете, на какой факультет попадёте? Я уже кое-что разузнала, и хочется верить, что я буду в Гриффиндоре. Похоже, это лучший вариант. Я слышала, что сам Дамблдор когда-то учился на этом факультете. Кстати, думаю, что попасть в Когтевран тоже было бы неплохо… Ладно, мы пойдём искать жабу Невилла. А вы двое лучше переоденьтесь, я думаю, мы уже скоро приедем.

И она ушла, забрав с собой круглолицего.

— Не знаю, на каком я буду факультете, но надеюсь, мы с ней окажемся на разных, — прошептал Рон и засунул волшебную палочку обратно в чемодан. — Ничего у меня не вышло, и всё из-за этого глупого заклятия. Джордж меня уверял, что оно сработает, а теперь мне кажется, что он сам его придумал, чтобы надо мной подшутить.

— А на каком факультете учатся твои братья? — спросил Гарри.

— Гриффиндор, — кивнул Рон, снова погрустнев. — Мама и папа тоже там были. Не знаю, что будет, если я попаду на какой-нибудь другой. Неплохо было бы попасть в Когтевран, но не представляю, что будет, если меня определят в Слизерин.

— Это тот факультет, где учился Волан… Ты-

Знаешь-Кто?

— Ага, — кивнул Рон и замолчал. Вид у него был какой-то подавленный.

— Знаешь, мне кажется, что усы у Коросты посветлели, значит, заклинание хоть немного подействовало, — произнёс Гарри, чтобы отвлечь Рона от мрачных мыслей. — А твои старшие братья, которые уже кончили школу, они чем сейчас занимаются?

Гарри было любопытно, ведь он плохо представлял себе, что делают волшебники, закончив школу.

— Чарли в Румынии, изучает драконов, а Билл работает на банк «Гринготтс» и уехал в Африку по их делам, — пояснил Рон. — Ты слышал о «Гринготтсе»? А что там на днях случилось, слышал? «Пророк» об этом писал… хотя да, у маглов же другие газеты… В общем, кто-то пытался ограбить сверхсекретный сейф.

Гарри вытаращил глаза.

— На самом деле? И что случилось с грабителями?

— Ничего. Вот почему об этом так много писали. Их не поймали. Папа говорит, что наверняка это был сильный тёмный волшебник, иначе бы ему не удалось пробраться в «Гринготтс» и залезть

в сейф, а потом выйти оттуда целым и невредимым. Но самое странное, что грабители ничего не похитили. Конечно, все боятся, что за этим стоит Ты-Знаешь-Кто.

Гарри судорожно обдумывал услышанное. Теперь, когда кто-нибудь или даже он сам упоминал Вы-Знаете-Кого, ему становилось немного страшно. Наверное, так и должно быть, раз теперь он оказался в волшебном мире. Но лично ему было намного удобнее произносить имя Волан-де-Морт, потому что он не задумывался, произнося его, и оно совсем его не пугало.

— Ну, а про квиддич ты, конечно, слышал. — В голосе Рона была абсолютная уверенность. — Ты за какую команду болеешь?

— Э-э-э… Вообще-то я не знаю ни одной команды, — признался Гарри.

— Да ты что! — Рон выглядел потрясённым. — Это же лучшая игра в мире!

И Рон начал объяснять Гарри, что в квиддич играют четырьмя мячами, что в каждой команде по семь игроков и у каждого есть своё место на поле и свои функции. Потом он начал описывать самые знаменитые матчи, на которых ему удалось побывать со своими братьями. Потом рассказал, какую метлу он бы себе купил, если бы

у него были деньги. Рон объяснял Гарри тонкости правил игры, когда дверь купе снова открылась. Но это уже был не потерявший жабу Невилл в компании Гермионы Грэйнджер.

В купе вошли трое мальчишек, и Гарри сразу узнал того, кто был в центре, — тот бледный мальчик из магазина мадам Малкин, где Гарри покупал школьную форму. Сейчас он смотрел на Гарри с куда большим интересом, чем тогда в магазине.

— Это правда? — с порога спросил бледнолицый. — По всему поезду говорят, что в этом купе едет Гарри Поттер. Значит, это ты, верно?

— Верно, — кивнул Гарри.

Те двое, что пришли с бледнолицым, были крепкие ребята, и вид у них был довольно неприятный. Стоя по бокам бледнолицего, они напоминали его телохранителей.

— Это Крэбб, а это Гойл, — небрежно представил их бледнолицый, заметив, что Гарри рассматривает его спутников. — А я Малфой, Драко Малфой.

Рон прокашлялся. Гарри показалось, что он таким образом сдерживает смех.

Драко Малфой неодобрительно покосился на Рона.

— Моё имя тебе кажется смешным, не так ли? Даже не буду спрашивать, как тебя зовут. Мой отец рассказал мне, что если видишь рыжего и веснушчатого мальчишку, значит, он из семьи Уизли. Семьи, в которой больше детей, чем могут себе позволить их родители.

Выдав эту убийственную тираду, Малфой снова повернулся к Гарри:

— Ты скоро узнаешь, Поттер, что в нашем мире есть несколько династий волшебников, которые куда круче всех остальных. Тебе ни к чему дружить с теми, кто этого не достоин. Я помогу тебе во всём разобраться.

Он протянул руку для рукопожатия, но Гарри сделал вид, что этого не заметил.

— Спасибо, но я думаю, что сам могу понять, кто чего достоин, — холодно заметил он.

Драко Малфой не покраснел, но на его бледных щеках появились розовые пятна.

— На твоём месте я был бы поосторожнее, Поттер, — медленно произнёс он. — Если ты не будешь повежливее, то закончишь, как твои родители. Они, как и ты, не знали, что для них хорошо, а что плохо. Если ты будешь общаться с отребьем вроде Уизли и этого Хагрида, тебе же будет хуже.

Гарри и Рон одновременно поднялись со своих мест. Лицо Рона стало таким же медно-красным, как и его волосы.

— Повтори, что ты сказал, — потребовал Рон.

— О, вы собираетесь с нами драться, не так ли? — презрительно выдавил из себя Малфой.

— Да, если ты немедленно отсюда не уберёшься, — храбро заявил Гарри, хотя, если честно, голос его был куда смелее, чем он сам. Всё-таки Крэбб и Гойл были намного крупнее, чем они с Роном.

— О, мы вовсе не собираемся уходить, правда, ребята? — усмехнулся Малфой, поворачиваясь к своим спутникам. — А к тому же мы проголодались, а у вас тут куча еды.

Гойл потянулся к лежавшим на одном из сидений «шоколадным лягушкам». Рон прыгнул на него, но, прежде чем ему удалось коснуться Гойла, тот издал ужасающий крик.

На руке Гойла повисла Короста, впившаяся ему в палец маленькими, острыми зубами. Крэбб и Малфой попятились назад, а Гойл размахивал рукой, пытаясь стряхнуть крысу и завывая от боли. И как только Короста наконец разжала зубы и отлетела в сторону, ударившись о закрытое окно, все трое молниеносно испарились. Наверное,

они подумали, что в купе прячется ещё множество крыс, а может, они услышали шаги, потому что через секунду в купе заглянула Гермиона Грэйнджер.

— Что тут у вас происходит? — спросила она, глядя на разбросанные по полу сладости и Рона, державшего за хвост крысу.

— Думаю, что она потеряла сознание, — произнёс Рон, обращаясь к Гарри. А потом повнимательнее присмотрелся к Коросте. — Нет… не могу поверить! Представляешь, она снова уснула.

Короста на самом деле спала.

— Ты раньше встречался с Малфоем? — поинтересовался Рон.

Гарри рассказал об их встрече в Косом переулке.

— Я слышал о его семейке, — мрачным тоном начал Рон. — Они одни из первых перешли обратно на нашу сторону, когда Ты-Знаешь-Кто исчез. Они сказали, что он их околдовал. А мой отец в это не верит. Он сказал, что отцу Малфоя не нужно было даже повода для того, чтобы перейти на Тёмную сторону.

Гермиона всё ещё стояла на пороге купе, и Рон повернулся к ней:

— Мы можем тебе чем-нибудь помочь?

— Вы лучше поторопитесь, иначе не успеете переодеться. Я только что была в кабине машиниста и разговаривала с ним. Он сказал, что мы уже почти приехали. А вы тут что, дрались? Хороши, нечего сказать. Ещё не доехали до школы, а уж попали в неприятную историю!

— Это Короста дралась, а не мы. — Рон сердито посмотрел на девочку. — Может быть, ты выйдешь и дашь нам переодеться?

— Разумеется. Я вообще-то зашла к вам просто потому, что во всех вагонах жуткая суета, все ведут себя как маленькие дети и носятся по коридорам. — Гермиона презрительно хмыкнула, как бы говоря, что не одобряет такого поведения. — А у тебя, между прочим, грязь на носу, ты знаешь?

Рон проводил её свирепым взглядом, а Гарри уставился в окно. За окном, там, где высились горы и тянулись бесконечные леса, начало темнеть, а небо стало тёмно-фиолетовым. Поезд замедлил ход.

Гарри и Рон быстро сняли куртки и натянули длинные чёрные мантии. Мантия Рона была ему немного коротковата, из-под неё высовывались спортивные штаны.

«Мы подъезжаем к Хогвартсу через пять минут, — разнёсся по вагонам громкий голос

машиниста. — Пожалуйста, оставьте ваш багаж в поезде, его доставят в школу отдельно».

Гарри так разнервничался, что у него даже живот скрутило, а Рон сильно побледнел, и веснушки на его лице стали ещё ярче. Они рассовали остатки сладостей по карманам и вышли в коридор, где уже толпились остальные.

Поезд всё сбавлял и сбавлял скорость и, наконец, остановился. В коридоре возникла жуткая толчея, но через несколько минут Гарри всё-таки оказался на неосвещённой маленькой платформе. На улице было холодно, и он поёжился. Затем над головами стоявших на платформе ребят закачалась большая лампа, и Гарри услышал знакомый голос:

— Первокурсники! Первокурсники, все сюда! Эй, Гарри, у тебя всё в порядке?

Над морем голов возвышалось сияющее лицо Хагрида.

— Так, все собрались? Тогда за мной! И под ноги смотрите! Первокурсники, все за мной!

Поскальзываясь и спотыкаясь, они шли вслед за Хагридом по узкой дорожке, резко уходящей вниз. Их окружала такая плотная темнота, что Гарри показалось, будто они пробираются сквозь лесную чащу. Все разговоры стихли, и они шли

почти в полной тишине, только Невилл, тот мальчик, который всё время терял свою жабу, пару раз чихнул.

— Ещё несколько секунд, и вы увидите Хогвартс! — крикнул Хагрид, не оборачиваясь. — Так, осторожно! Все сюда!

— О-о-о! — вырвался дружный, восхищённый возглас.

Они стояли на берегу большого чёрного озера. А на другой его стороне, на вершине высокой скалы, стоял гигантский замок с башенками и бойницами, а его огромные окна отражали свет усыпавших небо звёзд.

— По четыре человека в одну лодку, не больше, — скомандовал Хагрид, указывая на целую флотилию маленьких лодочек, качающихся у берега.

Гарри и Рон оказались в одной лодке с Гермионой и Невиллом.

— Расселись? — прокричал Хагрид, у которого была личная лодка. — Тогда вперёд!

Флотилия двинулась, лодки заскользили по гладкому как стекло озеру. Все молчали, не сводя глаз с огромного замка. Чем ближе они подплывали к утёсу, на котором он стоял, тем больше он возвышался над ними.

— Пригнитесь! — зычно крикнул Хагрид, когда они подплыли к утёсу.

Все наклонили головы, и лодки оказались в зарослях плюща, который скрывал огромную расщелину. Миновав заросли, они попали в тёмный тоннель, который, судя по всему, заканчивался прямо под замком, и вскоре причалили к подземной пристани и высадились на камни.

— Эй, ты! — крикнул Хагрид, обращаясь к Невиллу. Хагрид осматривал пустые лодки и, видимо, что-то заметил. — Это твоя жаба?

— Ой, Тревор! — радостно завопил Невилл, протягивая руки и прижимая к себе свою жабу.

Хагрид повёл их наверх по каменной лестнице, освещая дорогу огромной лампой. Вскоре все оказались на влажной от росы лужайке у подножия замка.

Ещё один лестничный пролёт — и теперь они стояли перед огромной дубовой дверью.

— Все здесь? — поинтересовался Хагрид. — Эй, ты не потерял ещё жабу?

Убедившись, что всё в порядке, Хагрид поднял свой огромный кулак и трижды постучал в дверь замка.

Глава 7
Распределяющая шляпа

Дверь распахнулась. За ней стояла высокая черноволосая волшебница в изумрудно-зелёных одеждах. Лицо её было очень строгим, и Гарри сразу подумал, что с такой лучше не спорить и вообще от неё лучше держаться подальше.

— Профессор МакГонагалл, вот первокурсники, — сообщил ей Хагрид.

— Спасибо, Хагрид, — кивнула ему волшебница. — Я их забираю.

Она повернулась и пошла вперёд, приказав первокурсникам следовать за ней. Они оказались в огромном зале — таком огромном, что там легко поместился бы дом Дурслей. На каменных стенах — точно так же, как в «Гринготтс», — горели факелы, потолок терялся где-то вверху, а красивая мраморная лестница вела на верхние этажи.

Они шли вслед за профессором МакГонагалл по вымощенному булыжником полу. Проходя мимо закрытой двери справа, Гарри услышал шум сотен голосов — должно быть, там уже собралась вся школа. Но профессор МакГонагалл

вела их совсем не туда, а в маленький пустой зальчик. Толпе первокурсников тут было тесно, и они сгрудились, дыша друг другу в затылок и беспокойно оглядываясь.

— Добро пожаловать в Хогвартс, — наконец поприветствовала их профессор МакГонагалл. — Скоро начнётся банкет по случаю начала учебного года, но прежде чем вы сядете за столы, вас разделят на факультеты. Отбор — очень серьёзная процедура, потому что с сегодняшнего дня и до окончания школы ваш факультет станет для вас второй семьёй. Вы будете вместе учиться, спать в одной спальне и проводить свободное время в комнате, специально отведённой для вашего факультета.

Факультетов в школе четыре — Гриффиндор, Пуффендуй, Когтевран и Слизерин. У каждого из них есть своя древняя история, и из каждого выходили выдающиеся волшебники и волшебницы. Пока вы будете учиться в Хогвартсе, ваши успехи будут приносить вашему факультету призовые очки, а за каждое нарушение распорядка очки будут вычитаться. В конце года факультет, набравший больше очков, побеждает в соревновании между факультетами — это огромная честь. Надеюсь, каждый из вас будет достойным

членом своей семьи.

Церемония отбора начнётся через несколько минут в присутствии всей школы. А пока у вас есть немного времени, я советую вам собраться с мыслями.

Её глаза задержались на мантии Невилла, которая сбилась так, что застёжка оказалась под левым ухом, а потом на грязном носу Рона. Гарри дрожащей рукой попытался пригладить свои непослушные волосы.

— Я вернусь сюда, когда все будут готовы к встрече с вами, — сообщила профессор МакГонагалл и пошла к двери. Перед тем как выйти, она обернулась. — Пожалуйста, ведите себя тихо.

Гарри с шумом втянул воздух.

— А как будет проходить этот отбор? — спросил он Рона.

— Наверное, нам придётся пройти через какие-то испытания, — ответил тот. — Фред сказал, что это очень больно, но я думаю, что он, как всегда, шутил.

Гарри ощутил, как бешено заколотилось его сердце. Испытания? Перед всей школой? Но ведь он не знаком с магией. И что же он в таком случае будет делать? Если честно, он совершенно не рассчитывал, что сразу по приезде сюда его

ждёт нечто подобное. Он беспокойно огляделся и заметил, что и остальные тоже напуганы. Все молчали, кроме Гермионы Грэйнджер, которая стояла рядом с Гарри и шёпотом рассказывала всем вокруг о том, какие заклинания она уже выучила, и вслух гадала, какое из них ей понадобится на церемонии отбора.

Гарри старался её не слушать. Он ещё ни разу в жизни так не нервничал — даже когда Дурсли получили письмо из его школы. А в письме, между прочим, говорилось, что Гарри имеет самое прямое отношение к тому, что парик его учительницы каким-то образом поменял цвет и из чёрного превратился в голубой. Тогда ему пришлось плохо, но сейчас он чувствовал себя намного хуже. Гарри уставился в пол, пытаясь набраться мужества и настроиться на предстоящее испытание. Ведь профессор МакГонагалл могла вернуться в любую секунду и повести его на страшный суд.

Внезапно воздух прорезали истошные крики, и Гарри даже подпрыгнул от неожиданности.

— Что?.. — начал было он, но осёкся, увидев, в чём дело, и широко раскрыл рот. Как, впрочем, и все остальные.

Через противоположную от двери стену в

комнату просачивались призраки — их было, наверное, около двадцати. Жемчужно-белые, полупрозрачные, они скользили по комнате, переговариваясь между собой и, кажется, вовсе не замечая первокурсников или делая вид, что не замечают. Судя по всему, они спорили.

— А я вам говорю, что надо забыть о его прегрешениях и простить его, — произнёс один из них, похожий на маленького толстого монаха. — Я считаю, что мы просто обязаны дать ему ещё один шанс…

— Мой дорогой Проповедник, разве мы не предоставили Пивзу больше шансов, чем он того заслужил? Он позорит и оскорбляет нас, и, на мой взгляд, он, по сути, никогда и не был призраком…

Призрак в трико и круглом пышном воротнике замолчал и уставился на первокурсников, словно только что их заметил.

— Эй, а вы что здесь делаете?

Никто не ответил.

— Да это же новые ученики! — воскликнул Толстый Проповедник, улыбаясь собравшимся. — Ждёте отбора, я полагаю?

Несколько человек неуверенно кивнули.

— Надеюсь, вы попадёте в Пуффендуй! —

продолжал улыбаться Проповедник. — Мой любимый факультет, знаете ли, я сам там когда-то учился.

— Идите отсюда, — произнёс строгий голос. — Церемония отбора сейчас начнётся.

Это вернулась профессор МакГонагалл. Она строго посмотрела на привидения, и те поспешно начали просачиваться сквозь стену и исчезать одно за другим.

— Выстройтесь в шеренгу, — скомандовала профессор, обращаясь к первокурсникам, — и идите за мной!

У Гарри было ощущение, словно его ноги налились свинцом. Он встал за мальчиком со светлыми волосами, за ним встал Рон, и они вышли из маленького зала, пересекли зал, в котором уже побывали при входе в замок, и, пройдя через двойные двери, оказались в Большом зале.

Гарри даже представить себе не мог, что на свете существует такое красивое и такое странное место. Зал был освещён тысячами свечей, плавающих в воздухе над четырьмя длинными столами, за которыми сидели старшие ученики. Столы были заставлены сверкающими золотыми тарелками и кубками. На другом конце зала за таким же длинным столом сидели преподаватели.

Профессор МакГонагалл подвела первокурсников к этому столу и приказала им повернуться спиной к учителям и лицом к старшекурсникам.

Перед Гарри были сотни лиц, бледневших в полутьме, словно неяркие лампы. Среди старшекурсников то здесь, то там мелькали отливающие серебром расплывчатые силуэты привидений. Чтобы избежать направленных на него взглядов, Гарри посмотрел вверх и увидел над собой бархатный чёрный потолок, усыпанный звёздами.

— Его специально так заколдовали, чтобы он был похож на небо, — прошептала опять оказавшаяся рядом Гермиона. — Я вычитала это в «Истории Хогвартса».

Было сложно поверить в то, что это на самом деле потолок. Гарри казалось, что Большой зал находится под открытым небом.

Гарри услышал какой-то звук и, опустив устремлённый в потолок взгляд, увидел, что профессор МакГонагалл поставила перед шеренгой первокурсников самый обычный на вид табурет и положила на сиденье остроконечную Волшебную шляпу. Шляпа была вся в заплатках, потёртая и ужасно грязная. Тётя Петунья сразу бы выкинула такую на помойку.

«Интересно, зачем она здесь? — подумал Гарри.

В голове его сразу запрыгали сотни мыслей. — Может быть, надо попытаться достать из неё кролика, как это делают фокусники в цирке?»

Он огляделся, заметив, что все собравшиеся неотрывно смотрят на Шляпу, и тоже начал внимательно её разглядывать. На несколько секунд в зале воцарилась полная тишина. А затем Шляпа шевельнулась. В следующее мгновение в ней появилась дыра, напоминающая рот, и она запела:

Может быть, я некрасива на вид,
Но строго меня не судите.
Ведь шляпы умнее меня не найти,
Что вы там ни говорите.

Шапки, цилиндры и котелки
Красивей меня, спору нет.
Но будь они умнее меня,
Я бы съела себя на обед.

Все помыслы ваши я вижу насквозь,
Не скрыть от меня ничего.
Наденьте меня, и я вам сообщу,
С кем учиться вам суждено.

Быть может, вас ждёт Гриффиндор,

славный тем,
Что учатся там храбрецы.
Сердца их отваги и силы полны,
К тому ж благородны они.

А может быть, Пуффендуй ваша судьба,
Там, где никто не боится труда,
Где преданны все, и верны,
И терпенья с упорством полны.

А если с мозгами в порядке у вас,
Вас к знаниям тянет давно,
Есть юмор и силы гранит грызть наук,
То путь ваш — за стол Когтевран.

Быть может, что в Слизерине вам суждено
Найти своих лучших друзей.
Там хитрецы к своей цели идут,
Никаких не стесняясь путей.

Не бойтесь меня, надевайте смелей,
И вашу судьбу предскажу я верней,
Чем сделает это другой.

В надёжные руки попали вы,
Пусть и безрука я, увы,
Но я горжусь собой.

Как только песня закончилась, весь зал единодушно зааплодировал. Шляпа поклонилась всем четырём столам. Рот её исчез, она замолчала и замерла.

— Значит, каждому из нас нужно будет всего лишь её примерить? — прошептал Рон. — Я убью этого вруна Фреда, ведь он мне заливал, что нам придётся бороться с троллем.

Гарри с трудом выдавил из себя улыбку. Да, конечно, примерить Шляпу было куда проще, чем демонстрировать свои познания в магии, но его смущало, что на него будет смотреть такое количество людей. А к тому же Шляпа требовала от него слишком многого — сейчас Гарри не чувствовал себя ни сообразительным, ни остроумным, ни тем более храбрым. Если бы Шляпа сказала, что один из факультетов предназначен исключительно для тех, кого от волнения начинает тошнить, Гарри бы сразу понял, что это его факультет.

Профессор МакГонагалл шагнула вперёд, в руках она держала длинный свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, вы наденете Шляпу и сядете на табурет, — произнесла она. — Начнём. Аббот, Ханна!

Девочка с белыми косичками и порозовевшим то ли от смущения, то ли от испуга лицом, спотыкаясь, вышла из шеренги, подошла к табурету, взяла Шляпу и села. Шляпа, судя по всему, была большого размера, потому что, оказавшись на голове Ханны, закрыла не только лоб, но даже её глаза. А через мгновение…

— ПУФФЕНДУЙ! — громко крикнула Шляпа.

Те, кто сидел за крайним правым столом, разразились аплодисментами. Ханна встала, пошла к этому столу и уселась на свободное место. Гарри заметил, что крутившийся у стола Толстый Проповедник приветливо помахал ей рукой.

— Боунс, Сьюзен!

— ПУФФЕНДУЙ! — снова закричала Шляпа, и Сьюзен поспешно засеменила к своему столу, сев рядом с Ханной.

— Бут, Терри!

— КОГТЕВРАН!

Теперь зааплодировали за вторым столом слева, несколько старшекурсников встали со своих мест, чтобы пожать руку присоединившемуся к ним Терри.

Мэнди Броклхерст тоже отправилась за стол факультета Когтевран, а Лаванда Браун стала первым новым членом факультета Гриффиндор. Крайний слева стол взорвался приветственными криками, и Гарри увидел среди кричавших рыжих близнецов.

Миллисенту Булстроуд определили в Слизерин. Возможно, дело было в игре воображения, но после того, что Гарри услышал о Слизерине, все, кто попадал туда и кто сидел за их столом, казались ему неприятными личностями.

Гарри начал чувствовать себя по-настоящему плохо. Он вспомнил, как было в его старой школе на уроках физкультуры, когда учитель назначал капитанов команд для игры в футбол или баскетбол. А те сами выбирали себе игроков. Гарри всегда выбирали последним, и не потому, что он был физически неразвитым, а потому, что никто не хотел ссориться с Дадли.

— Финч-Флетчли, Джастин!

— ПУФФЕНДУЙ!

Гарри заметил, что иногда Шляпа, едва оказавшись на голове очередного первокурсника или первокурсницы, практически молниеносно называла факультет, а иногда она задумывалась. Так, Симус Финниган светловолосый мальчик,

стоявший в шеренге перед Гарри, просидел на табурете почти минуту, пока Шляпа не отправила его за стол Гриффиндора.

— Гермиона Грэйнджер!

Судя по всему, Гермиона, в отличие от Гарри, с нетерпением ждала своей очереди и не сомневалась в успехе. Услышав своё имя, она чуть ли не бегом рванулась к табурету и в мгновение ока надела на голову Шляпу.

— ГРИФФИНДОР! — выкрикнула Шляпа.

Рон застонал — видимо, несмотря на все свои сомнения, он верил, что попадёт туда же, где были его братья, а учиться вместе с настырной и всезнающей Гермионой ему явно не хотелось.

Мозг Гарри вдруг пронзила страшная мысль — одна из тех, которые всегда появляются, когда слишком нервничаешь.

«А что, если Шляпа решит, что я не подхожу ни для одного из факультетов?» — подумал он.

Гарри вдруг представил, как он сидит на табурете с шляпой на голове, как проходит минута, другая, а потом десять и двадцать, и кажется, что уже прошла вечность, а Шляпа всё молчит. Молчит до тех пор, пока профессор МакГонагалл не срывает её с головы Гарри и не сообщает ему, что, по всей видимости, произошла ошибка и ему

лучше сесть на обратный поезд до Лондона.

Правда, нервничал не только Гарри. Когда вызвали Невилла Долгопупса, того самого мальчика, который всё время терял свою жабу, тот умудрился споткнуться и упасть, даже не дойдя до табурета. Шляпа серьёзно задумалась, прежде чем выкрикнуть «ГРИФФИНДОР». Невилл, услышав свой вердикт, вскочил со стула и бросился к столу, за которым сидели ученики факультета, забыв снять Шляпу. Весь зал оглушительно захохотал, а спохватившийся Невилл развернулся и побежал обратно, чтобы вручить Шляпу Мораг МакДугал.

Когда вызвали Малфоя, он вышел из шеренги с ужасно важным видом, и его мечта осуществилась в мгновение ока — Шляпа, едва коснувшись его головы, тут же заорала:

— СЛИЗЕРИН!

Малфой присоединился к своим друзьям Крэббу и Гойлу, ранее отобранным на тот же факультет, и выглядел необычайно довольным собой.

Не прошедших отбор первокурсников оставалось всё меньше.

Мун, Нотт, Паркинсон, девочки-близнецы Патил, затем Салли-Энн Перкс и, наконец…

— Поттер, Гарри!

Гарри сделал шаг вперёд, и по всему залу вспыхнули огоньки удивления, сопровождаемые громким шёпотом.

— Она сказала Поттер?

— Тот самый Гарри Поттер?

Последнее, что увидел Гарри, прежде чем Шляпа упала ему на глаза, был огромный зал, заполненный людьми, каждый из которых подался вперёд, чтобы получше разглядеть его. А затем перед глазами встала чёрная стена.

— Гм-м-м, — задумчиво произнёс прямо ему в ухо тихий голос. — Непростой вопрос. Очень непростой. Много смелости, это я вижу. И ум весьма неплох. И таланта хватает — о да, мой бог, это так, — и имеется весьма похвальное желание проявить себя, это тоже любопытно… Так куда мне тебя определить?

Гарри крепко вцепился обеими руками в сиденье табурета.

«Только не в Слизерин, — подумал он. — Только не в Слизерин».

— Ага, значит, не в Слизерин? — переспросил тихий голос. — Ты уверен? Знаешь ли, ты можешь стать великим, у тебя есть все задатки, я это вижу, а Слизерин поможет тебе достичь величия, это несомненно… Так что — не хочешь? Ну

ладно, если ты так в этом уверен… Что ж, тогда… ГРИФФИНДОР!

Гарри показалось, что Шляпа выкрикнула этот вердикт куда громче, чем предыдущие. Он снял Шляпу и, ощущая дрожь в ногах, медленно пошёл к своему столу. Он испытывал такое сильное облегчение по поводу того, что его всё-таки выбрали и что он попал не в Слизерин, что даже не замечал, что ему аплодируют более бурно и продолжительно, чем другим. Рыжий староста Перси вскочил со своего стула, схватил руку Гарри и начал её трясти, а близнецы Фред и Джордж в это время вопили во весь голос:

— С нами Поттер! С нами Поттер!

Пожав руки всем желающим, Гарри плюхнулся на свободный стул, оказавшись как раз напротив призрака в трико, которого он видел перед началом церемонии. Призрак похлопал его по руке, и Гарри внезапно испытал очень неприятное, испугавшее его ощущение — ему показалось, что он сунул руку в ведро с ледяной водой.

Теперь он наконец получил возможность увидеть главный стол, за которым сидели учителя. В самом углу сидел Хагрид, который, поймав взгляд Гарри, показал ему большой палец, и Гарри улыбнулся в ответ. А в центре стола стоял большой

золотой стул, напоминавший трон, на котором восседал Альбус Дамблдор. Гарри сразу узнал его — он был таким же, как на карточке-вкладыше из «шоколадной лягушки». Серебряные волосы Дамблдора сияли ярче, чем привидения, ярче, чем что-либо в зале.

Ещё Гарри заметил профессора Квиррелла, нервного молодого человека, с которым он познакомился в «Дырявом котле». Сейчас на голове Квиррелла красовался большой фиолетовый тюрбан, так что профессор выглядел ещё более странным, чем раньше.

Церемония подходила к концу, оставалось всего трое первокурсников. Лайзу Турпин зачислили в Когтевран, и теперь пришла очередь Рона. Гарри видел, что тот даже позеленел от страха. Гарри скрестил под столом пальцы, и через секунду Шляпа громко завопила:

— ГРИФФИНДОР!

Гарри громко аплодировал вместе с другими до тех пор, пока Рон не плюхнулся рядом.

— Отлично, Рон, просто превосходно, — с важным видом похвалил его Перси Уизли, в то время как последний в списке Блез Забини уже направлялся к столу Слизерина. Профессор МакГонагалл скатала свой свиток и вынесла из зала Волшеб-

ную шляпу.

Гарри посмотрел на стоявшую перед ним пустую золотую тарелку. Он только сейчас понял, что безумно голоден. Казалось, что купленные в поезде сладости он съел не несколько часов, а несколько веков назад.

Альбус Дамблдор поднялся со своего трона и широко развёл руки. На его лице играла лучезарная улыбка. У него был такой вид, словно ничто в мире не может порадовать его больше, чем сидящие перед ним ученики его школы.

— Добро пожаловать! — произнёс он. — Добро пожаловать в Хогвартс! Прежде чем мы начнём наш банкет, я хотел бы сказать несколько слов. Вот эти слова: Олух! Пузырь! Остаток! Уловка! Всё, всем спасибо!

Дамблдор сел на своё место. Зал разразился радостными криками и аплодисментами. Гарри сидел и не знал, смеяться ему или нет.

— Он… он немного ненормальный? — неуверенно спросил Гарри, обращаясь к сидевшему слева от него Перси.

— Ненормальный? — рассеянно переспросил Перси, но тут же спохватился. — Он гений! Лучший волшебник в мире! Но, в общем, ты прав, он немного сумасшедший. Как насчёт жареной

картошки, Гарри?

Гарри посмотрел на стол и замер от изумления. Стоявшие на столе тарелки были доверху наполнены едой. Гарри никогда не видел на одном столе так много своих любимых блюд: ростбиф, жареный цыплёнок, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон и стейки, варёная картошка, жареная картошка, чипсы, йоркширский пудинг, горох, морковь, мясные подливки, кетчуп и непонятно как и зачем здесь оказавшиеся мятные леденцы.

Надо признать, что Дурсли никогда не морили Гарри голодом, но и никогда не давали ему съесть столько, сколько ему хотелось. А Дадли всегда съедал то, что особенно нравилось Гарри, даже если его самого от этого тошнило. Но сейчас Гарри был не в доме Дурслей. Он положил в свою тарелку всего понемногу — за исключением мятных леденцов — и накинулся на еду. Она была просто великолепной.

— Неплохо выглядит, — грустно заметил призрак в трико, наблюдая, как Гарри поедает стейк.

— Вы хотите… — начал было Гарри, но призрак покачал головой.

— Я не ем вот уже почти четыре сотни лет. У меня нет никакой необходимости в еде, но,

по правде говоря, мне её не хватает. Кстати, я, кажется, не представился. Сэр Николас де Мимси-Дельфингтон, к вашим услугам. Привидение, проживающее в башне Гриффиндора.

— Я знаю, кто ты! — внезапно выпалил Рон. — Мои братья рассказывали о тебе — ты Почти Безголовый Ник!

— Я бы предпочёл, чтобы вы называли меня сэр Николас де Мимси, — строгим тоном начал призрак, но его опередил Симус Финниган. Тот самый светловолосый мальчик, который стоял перед Гарри в шеренге.

— Почти безголовый? Как можно быть почти безголовым?

Сэр Николас выглядел немного недовольным, словно беседа зашла не туда, куда бы ему хотелось.

— А вот так, — раздражённо ответил он, дёргая себя за левое ухо.

Голова отделилась от шеи и упала на плечо, словно держалась на пружине и приводилась в действие нажатием на ухо. Очевидно, кто-то пытался его обезглавить, но не довёл дело до конца. Лежащая на плече голова Почти Безголового Ника довольно улыбалась, наблюдая за выражениями лиц первокурсников. Затем он потянул

себя за правое ухо, и голова с щелчком встала на место. Привидение прокашлялось.

— Итак, за новых учеников факультета Гриффиндор! Надеюсь, вы поможете нам выиграть в этом году соревнование между факультетами? Гриффиндор никогда так долго не оставался без награды. Вот уже шесть лет подряд победа достаётся Слизерину. Кровавый Барон — это привидение подвалов Слизерина — стал почти невыносим.

Гарри посмотрел в сторону стола Слизерин и увидел жуткого вида привидение с выпученными пустыми глазами, вытянутым костлявым лицом, и в одеждах, запачканных серебряной кровью. Барон сидел рядом с Малфоем, который, как с радостью отметил Гарри, был вовсе не в восторге от такого общества.

— А как получилось, что он весь в крови? — выпалил Симус, которого почему-то очень заинтересовал этот вопрос.

— Я никогда не спрашивал, — деликатно заметил Почти Безголовый Ник.

Когда все наелись — в смысле съели столько, сколько смогли съесть, — тарелки вдруг опустели, снова став идеально чистыми и так ярко заблестев в пламени свечей, словно на них и не

было никакой еды. Но буквально через мгновение на них появилось сладкое. Мороженое всех мыслимых видов, яблочные пироги, фруктовые торты, шоколадные эклеры и пончики с джемом, бисквиты, клубника, желе, рисовые пудинги…

Пока Гарри наполнял свою тарелку разнообразными десертами, за столом заговорили о семьях.

— Лично я — половина на половину, — признался Симус. — Мой папа — магл, а мама — волшебница. Мама ничего ему не говорила до тех пор, пока они не поженились. Я так понял, что он совсем не обрадовался, когда узнал правду.

Все рассмеялись.

— А ты, Невилл? — спросил Рон.

— Я… Ну, меня вырастила бабушка, она волшебница, — начал Невилл. — Но вся моя семья была уверена, что я самый настоящий магл. Мой двоюродный дядя Элджи всё время пытался застать меня врасплох, чтобы я сотворил какое-нибудь чудо. Он очень хотел, чтобы я оказался волшебником. Так, однажды он подкрался ко мне, когда я стоял на пирсе, и столкнул меня в воду. А я чуть не утонул. В общем, я был самым обычным — до восьми лет. Когда мне было восемь, Элджи зашёл к нам на чай, поймал меня и высунул за окно. Я висел там вниз головой, а он держал меня за

лодыжки. И тут моя двоюродная тётя Энид предложила ему пирожное, и он случайно разжал руки. Я полетел со второго этажа, но не разбился, — я словно превратился в мячик, отскочил от земли и попрыгал вниз по дорожке. Они все были в восторге, а бабушка даже расплакалась от счастья. Вы бы видели их лица, когда я получил письмо из Хогвартса, — они боялись, что мне его не пришлют, что я не совсем волшебник. Мой двоюродный дядя Элджи на радостях подарил мне жабу.

Тут Гарри прислушался к тому, о чём говорили сидевшие слева от него Перси и Гермиона. Впрочем, он мог бы догадаться: Гермиона, естественно, говорила о занятиях.

— Я так надеюсь, что мы начнём заниматься прямо сейчас. Нам столько всего предстоит выучить. Лично меня больше всего интересует трансфигурация, вы понимаете, искусство превращать что-либо во что-либо другое. Хотя, конечно, это считается очень сложным делом.

— На многое не рассчитывай. Вы начнёте с мелочей, будете превращать спички в иголки, примерно так…

Гарри согрелся, размяк и ощутил, что у него начинают слипаться глаза. Чтобы не заснуть,

он вытаращил их и начал глазеть по сторонам, наконец уткнувшись взглядом в учительский стол. Хагрид что-то пил из большого кубка, профессор МакГонагалл беседовала с профессором Дамблдором, а профессор Квиррелл, так и не снявший свой дурацкий тюрбан, разговаривал с незнакомым Гарри преподавателем с сальными чёрными волосами, крючковатым носом и желтоватой, болезненного цвета кожей.

Всё произошло совершенно внезапно. Крючконосый вдруг посмотрел прямо на Гарри — и голову Гарри пронзила острая боль. Ему показалось, что его похожий на молнию шрам на мгновение раскалился добела.

— Ой! — Гарри хлопнул себя ладонью по лбу.

— Что случилось? — поинтересовался Перси.

— Н-н-ничего, — с трудом выдавил из себя Гарри.

Боль прошла так же быстро, как и появилась. Но вот ощущение, которое возникло у Гарри, когда он поймал взгляд крючконосого, — ощущение, что этому преподавателю очень не нравится Гарри Поттер, осталось.

— А кто это там разговаривает с профессором Квирреллом? — спросил он у Перси.

— А, ты уже знаешь Квиррелла? Не удивляюсь,

почему он такой нервный — занервничаешь тут, когда рядом сидит профессор Снегг. Он учит тому, как надо смешивать волшебные зелья, но говорят, что это ему совсем не по душе. Все знают, что он хочет занять место профессора Квиррелла. Он большой специалист по Тёмным искусствам, этот Снегг.

Гарри какое-то время понаблюдал за Снеггом, но тот больше не смотрел на него.

Когда все насытились десертом, сладкое исчезло с тарелок, и профессор Дамблдор снова поднялся со своего трона. Все затихли.

— Хм-м-м! — громко прокашлялся Дамблдор. — Теперь, когда все мы сыты, я хотел бы сказать ещё несколько слов. Прежде чем начнётся семестр, вы должны кое-что усвоить. Первокурсники должны запомнить, что всем ученикам запрещено заходить в лес, находящийся на территории школы. Некоторым старшекурсникам для их же блага тоже следует помнить об этом…

Сияющие глаза Дамблдора на мгновение остановились на рыжих головах близнецов Уизли.

— По просьбе мистера Филча, нашего школьного смотрителя, напоминаю, что не следует творить чудеса на переменах. А теперь насчёт тренировок по квиддичу — они начнутся через

неделю. Все, кто хотел бы играть за сборные своих факультетов, должны обратиться к мадам Трюк. И наконец, я должен сообщить вам, что в этом учебном году правая часть коридора на третьем этаже закрыта для всех, кто не хочет умереть мучительной смертью.

Гарри рассмеялся, но таких весельчаков, как он, оказалось очень мало.

— Он ведь шутит? — пробормотал Гарри, повернувшись к Перси.

— Может быть, — ответил Перси, хмуро глядя на Дамблдора. — Это странно, потому что обычно он объясняет, почему нам нельзя ходить куда-либо. Например, про лес и так всё понятно — там опасные звери, это всем известно. А тут он должен был бы всё объяснить, а он молчит. Думаю, он, по крайней мере, должен был посвятить в это нас, старост.

— А теперь, прежде чем пойти спать, давайте споём школьный гимн! — прокричал Дамблдор.

Гарри заметил, что у всех учителей застыли на лицах непонятные улыбки.

Дамблдор встряхнул своей палочкой, словно прогонял севшую на её конец муху. Из палочки вырвалась длинная золотая лента, которая начала подниматься над столами, а потом рассы-

палась на повисшие в воздухе слова.

— Каждый поёт на свой любимый мотив, — сообщил Дамблдор. — Итак, начали!

И весь зал заголосил:

Хогвартс, Хогвартс, наш любимый Хогвартс,
Научи нас хоть чему-нибудь.
Молодых и старых, лысых и косматых,
Возраст ведь не важен, а важна лишь суть.

В наших головах сейчас гуляет ветер,
В них пусто и уныло, и кучи дохлых мух,
Но для знаний место в них всегда найдётся,
Так что научи нас хоть чему-нибудь.

Если что забудем, ты уж нам напомни,
А если не знаем, ты нам объясни.
Сделай всё, что сможешь, наш любимый Хогвартс,
А мы уж постараемся тебя не подвести.

Каждый пел, как хотел, — кто тихо, кто громко, кто весело, кто грустно, кто медленно, кто быстро. И естественно, все закончили петь в разное время. Все уже замолчали, а близнецы Уизли всё ещё продолжали петь школьный гимн — медленно и торжественно, словно похоронный марш. Дамблдор начал дирижировать, взмахивая своей палочкой, а когда они наконец допели, именно он хлопал громче всех.

— О, музыка! — воскликнул он, вытирая глаза: похоже, Дамблдор прослезился от умиления. — Её волшебство затмевает то, чем мы занимаемся здесь. А теперь спать. Рысью — марш!

Первокурсники, возглавляемые Перси, прошли мимо ещё болтающих за своими столами старшекурсников, вышли из Большого зала и поднялись вверх по мраморной лестнице.

Ноги Гарри снова налились свинцом, только уже не от волнения, а от усталости и сытости. Он был очень сонным и даже не удивился тому, что люди, изображённые на развешанных в коридорах портретах, перешёптываются между собой и показывают на первокурсников пальцами. И воспринял как само собой разумеющееся то, что Перси дважды проводил их сквозь потайные двери — одна пряталась за раздвижными панелями,

а вторая скрывалась за свисающим с потолка длинным гобеленом. Зевая и с трудом передвигая ноги, они поднимались то по одной лестнице, то по другой. Гарри не переставал спрашивать себя, когда же они доберутся до цели, и тут Перси вдруг остановился.

Перед ними в воздухе плавали костыли. Как только Перси сделал шаг вперёд, костыли угрожающе развернулись в его сторону и начали атаковать. Но они не ударяли, а останавливались в нескольких сантиметрах, как бы говоря, что он должен уйти.

— Это Пивз, наш полтергейст, — шепнул Перси, обернувшись к первокурсникам. А потом повысил голос: — Пивз, покажись!

Ответом ему послужил протяжный и довольно неприличный звук — в лучшем случае похожий на звук воздуха, выходящего из воздушного шара.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл к Кровавому Барону и рассказал ему, что здесь происходит?

Послышался хлопок, и в воздухе появился маленький человечек с неприятными чёрными глазками и большим ртом. Он висел, скрестив ноги, между полом и потолком, и делал вид, что опирается на костыли, которые ему явно не были

нужны.

— О-о-о-о! — протянул он, злорадно хихикнув. — Маленькие первокурснички! Сейчас мы повеселимся.

Висевший в воздухе человечек вдруг спикировал на них, и все дружно пригнули головы.

— Иди отсюда, Пивз, иначе Барон об этом узнает, я не шучу! — резким тоном произнёс Перси.

Пивз высунул язык и исчез, уронив свои костыли на голову Невиллу. Они слышали, как он удаляется от них, из вредности стуча чем-то по выставленным в коридоре рыцарским доспехам.

— Вам следует его остерегаться, — предупредил Перси, когда они двинулись дальше. — Единственный, кто может контролировать его — это Кровавый Барон, а так Пивз не слушается даже нас, старост. Вот мы и пришли.

Они стояли в конце коридора перед портретом очень толстой женщины в платье из розового шёлка.

— Пароль? — строго спросила женщина.

— *Капут драконис*, — ответил Перси, и портрет отъехал в сторону, открыв круглую дыру в стене.

Все пробрались сквозь неё самостоятельно, только неуклюжего Невилла пришлось подталкивать. Круглая уютная Общая гостиная

Гриффиндора была заставлена глубокими мягкими креслами.

Перси показал девочкам дверь в их спальню, мальчики вошли в другую дверь. Они поднялись по винтовой лестнице — очевидно, комната находилась в одной из башенок — и, наконец, оказались в спальне. Здесь стояли пять больших кроватей с пологами на четырёх столбиках, закрытые тёмно-красными бархатными шторами. Постели уже были постелены. Все оказались слишком утомлены, чтобы ещё о чём-то разговаривать, поэтому молча натянули свои пижамы и забрались на кровати.

— Классно поели, правда? — донеслось до Гарри бормотание Рона, скрытого от него тяжёлыми шторами. — Уйди отсюда, Короста! Представляешь, Гарри, она жуёт мои простыни!

Гарри хотел спросить Рона, что из сладкого ему больше всего понравилось, но не успел — он заснул, едва голова коснулась подушки.

Наверное, странный сон, приснившийся Гарри, объяснялся тем, что он слишком много съел. Во сне он расхаживал в тюрбане профессора Квиррелла, а тюрбан беседовал с ним, убеждая его, что он должен перейти на факультет Слизерин, поскольку так ему предначертано судьбой.

Гарри категорично заявил тюрбану, что он ни за что не перейдёт в Слизерин. Тюрбан становился всё тяжелее и тяжелее, и Гарри пытался его снять, а тот сжимался, больно сдавливая голову. Рядом стоял Малфой и смеялся над тщетностью предпринимаемых Гарри попыток. А затем Малфой превратился в крючконосого преподавателя по фамилии Снегг, который хохотал громким леденящим смехом. Потом ярко вспыхнул зелёный свет, и Гарри проснулся, обливаясь потом и содрогаясь.

Гарри перевернулся на другой бок и снова заснул. А когда проснулся следующим утром, он даже не мог вспомнить, что ему приснилось.

Глава 8
Специалист по волшебному зельеварению

— Вон он, смотри!
— Где?
— Да вон, рядом с высоким рыжим парнем.
— Это который в очках?
— Ты видел его лицо?
— Ты видел его шрам?

Этот шёпот Гарри слышал со всех сторон с того самого момента, как на следующее утро вышел из спальни. За дверями кабинетов, в которых у Гарри были занятия, собирались толпы школьников, желающих взглянуть на него. Одни и те же люди специально по нескольку раз проходили мимо, когда он оказывался в коридоре, и пристально смотрели ему в лицо. Гарри предпочёл бы, чтобы они этого не делали, потому что они его отвлекали, а ему надо было сосредоточиться на том, чтобы добраться до очередного кабинета.

В Хогвартсе было сто сорок две лестницы. Одни из них были широкие и просторные, другие — узкие и шаткие. Были лестницы, которые в пятницу

приводили Гарри совсем не туда, куда вели в четверг. Были лестницы, у которых внезапно исчезало несколько ступенек в тот самый момент, когда Гарри спускался или поднимался по ним. Так что, идя по этим лестницам, надо было обязательно прыгать.

С дверями тоже хватало проблем. Некоторые из них не открывались до тех пор, пока к ним не обращались с вежливой просьбой. Другие открывались, только если их коснуться в определённом месте. Третьи вообще оказывались фальшивыми, а на самом деле там была стена.

Запомнить расположение лестниц, дверей, классов, коридоров и спален было очень сложно. Казалось, что в Хогвартсе всё постоянно меняется и сегодня всё иначе, чем было вчера. Люди, изображённые на портретах, ходили друг к другу в гости. И Гарри был убеждён, что стоящие в коридорах рыцарские латы способны бегать.

Добавляли хлопот и привидения. Гарри всегда оказывался в шоке, когда сквозь дверь, которую он пытался открыть, вдруг просачивалось привидение. С Почти Безголовым Ником, призраком башни Гриффиндор и, следовательно, союзником, проблем никогда не было. Даже наоборот — он всегда был счастлив показать первокурсникам,

как пройти туда, куда им надо. Но вот Пивз был опаснее двух закрытых дверей и ведущей в никуда лестницы — особенно если встретить его, когда опаздываешь на занятия. Пивз ронял на головы первокурсникам корзины для бумаг, выдёргивал из-под них ковры, забрасывал их кусочками мела или благодаря своей невидимости незаметно подкрадывался и внезапно хватал за нос с хриплым криком: «Попался!»

Казалось, что хуже Пивза ничего и никого быть не может, однако выяснилось, что это не совсем так — школьный завхоз Аргус Филч оказался куда более неприятной личностью. В первое же утро Гарри и Рон обратили на себя его внимание — к сожалению, в плохом смысле слова. Филч застал их в тот момент, когда они пытались открыть одну из дверей. К несчастью, выяснилось, что именно за этой дверью начинается тот самый закрытый для всех коридор на третьем этаже, про который говорил на банкете Альбус Дамблдор. Филч отказывался верить, что ребята просто заблудились. Смотритель был уверен, что они специально хотели проникнуть на запретную территорию, и угрожал запереть их в находящуюся в подземелье темницу. Но в самый критический момент их спас проходивший мимо

профессор Квиррелл.

У Филча была кошка по имени миссис Норрис — тощее пыльно-серое создание с выпученными горящими глазами, почти такими же, как у Филча. Она в одиночку патрулировала коридоры. Стоило ей заметить, что кто-то нарушил правила — сделал хотя бы один шаг за запретную линию, — и она тут же исчезала. А через две секунды появлялся тяжело сопящий Филч. Филч знал все секретные ходы лучше, чем кто-либо другой в школе — за исключением, пожалуй, близнецов Уизли, — и появлялся так неожиданно, словно был привидением. Ученики его ненавидели, и для многих пределом мечтаний было отважиться дать пинка миссис Норрис.

Но найти нужный кабинет было ещё полдела, потому что занятия оказывались порой куда более непростыми, чем поиск той или иной комнаты. Как быстро выяснил Гарри, магия вовсе не сводилась к помахиванию волшебной палочкой и произнесению нескольких странных слов.

Каждую среду ровно в полночь они приникали к телескопам, изучали ночное небо, записывали названия разных звёзд и запоминали, как движутся планеты. Трижды в неделю их водили в расположенные за замком оранжереи, где

низкорослая полная дама — профессор Стебль — преподавала им травологию, науку о растениях, и рассказывала, как надо ухаживать за всеми этими странными растениями и грибами и для чего они используются.

Самым утомительным предметом оказалась история магии — это были единственные уроки, которые вёл призрак. Профессор Бинс был уже очень стар, когда однажды заснул в учительской прямо перед камином, а на следующее утро он пришёл на занятия уже без тела. Бинс говорил ужасно монотонно и к тому же без остановок. Ученики поспешно записывали за ним имена и даты и путали Эмерика Злого с Уриком Странным.

Профессор Флитвик, преподававший заклинания, был такого крошечного роста, что вставал на стопку книг, чтобы видеть учеников из-за своего стола. На самом первом уроке он, знакомясь с курсом, взял журнал и начал по порядку зачитывать фамилии. Когда он дошёл до Гарри, то возбуждённо пискнул и исчез из вида, свалившись со своей подставки.

А вот профессор МакГонагалл была совсем другой. Гарри был прав, когда, увидев её, сказал себе, что с ней лучше не связываться. Умная, но строгая, она произнесла очень суровую речь, как

только первокурсники в первый раз пришли на её урок и расселись по местам.

— Трансфигурация — один из самых сложных и опасных разделов магии, которые вы будете изучать в Хогвартсе, — начала она. — Любое нарушение дисциплины на моих уроках — и нарушитель выйдет из класса и больше сюда не вернётся. Я вас предупредила.

После такой речи всем стало немного не по себе. Затем профессор МакГонагалл перешла к практике и превратила свой стол в свинью, а потом обратно в стол. Все были жутко поражены и начали изнывать от желания поскорее начать практиковаться самим, но вскоре поняли, что научиться превращать предметы мебели в животных они смогут ещё очень нескоро.

Потом профессор МакГонагалл продиктовала им несколько очень непонятных и запутанных предложений, которые предстояло выучить наизусть. Затем она дала каждому по спичке и сказала, что они должны превратить эти спички в иголки. К концу урока только у Гермионы Грэйнджер спичка немного изменила форму — профессор МакГонагалл продемонстрировала всему курсу заострившуюся с одного конца и покрывшуюся серебром спичку Гермионы и

улыбнулась ей. Эта улыбка поразила всех не меньше, чем превращение стола в свинью, — ведь казалось, что профессор МакГонагалл вовсе не умеет улыбаться.

С особым нетерпением все ждали урока профессора Квиррелла по защите от Тёмных искусств, однако занятия Квиррелла скорее напоминали юмористическое шоу, чем что-то серьёзное. Его кабинет насквозь пропах чесноком, которым, как все уверяли, Квиррелл надеялся отпугнуть вампира, которого встретил в Румынии. Профессор очень боялся, что тот вот-вот явится в Хогвартс, чтобы с ним разобраться.

Тюрбан на голове Квиррелла тоже не прибавлял его занятиям серьёзности. Профессор уверял, что этот тюрбан ему подарил один африканский принц, которому он помог избавиться от очень опасного зомби. Но по-настоящему никто не верил в эту историю. Во-первых, потому, что, когда Симус Финниган спросил, как Квиррелл победил зомби, Квиррелл покраснел и начал говорить о погоде. А во-вторых, потому, что тюрбан как-то странно пах, а близнецы Уизли уверяли всех, что это не подарок африканского принца, а просто мера предосторожности. По их словам, под одеждой Квиррелл был весь обвешан дольками чеснока,

и в тюрбане его тоже был спрятан чеснок, поскольку профессор, боясь вампиров, желал быть полностью защищённым. И даже спал в том, в чём ходил по школе, — чтобы вампир не застал его врасплох.

За первые несколько дней учёбы Гарри с облегчением убедился в том, что он не хуже, чем другие. Очень многие школьники родились и выросли в семьях маглов и, как и он, даже понятия не имели о том, кто они такие, пока не получили письмо из Хогвартса. К тому же первокурсникам столько всего предстояло выучить, что даже Рон, родившийся в семье волшебников и кроме родителей имеющий пятерых старших братьев, не имел особого преимущества перед остальными.

Пятница стала для Гарри и Рона великим днём. Они наконец смогли спуститься в Большой зал на завтрак, ни разу не сбившись с пути.

— Что у нас там сегодня? — спросил Гарри, посыпая сахаром овсянку.

— Два занятия по зельям — заниматься будем вместе со слизеринцами, — ответил Рон. — Занятия ведёт профессор Снегг, а он их декан. Говорят, что он всегда и во всём на их стороне, выгораживает их перед остальными преподавателями и ставит им лучшие отметки. Вот как раз и увидим,

так ли это.

— Хотел бы я, чтобы МакГонагалл всегда заступалась за нас, — задумчиво произнёс Гарри.

Профессор МакГонагалл была деканом факультета Гриффиндор, но это не помешало ей позавчера дать им огромное домашнее задание.

Пока они завтракали, прибыла почта. Теперь Гарри уже привык к этому, но в своё первое утро в школе он даже испугался, когда во время завтрака в Большой зал с громким уханьем влетело не меньше сотни сов. Они начали кружить над столами, высматривая своих хозяев и роняя им на колени письма и посылки.

Пока Букля не принесла Гарри ни одного письма. Сова иногда залетала в зал вместе с другими, чтобы посидеть у него на плече и ласково похватать его клювом за ухо. А потом, съев кусочек тоста, улетала в совятню, как называли в школе домик, где жили совы, и там спокойно засыпала. Но этим утром Букля, приземлившись между сахарницей и блюдцем с джемом, уронила в тарелку Гарри запечатанный конверт. Гарри тут же вскрыл его — он просто не мог спокойно завтракать, не прочитав своё первое письмо.

Дорогой Гарри, — было написано в письме неровными буквами. — *Я знаю, что в пятницу*

после обеда у тебя нет занятий, поэтому, если захочешь, приходи ко мне на чашку чая примерно часам к трём. Хочу знать, как прошла твоя первая неделя в школе. Пришли мне ответ с Буклей. Хагрид.

Гарри одолжил у Рона перо, нацарапал на обороте письма: *«Да, с удовольствием, увидимся позже, спасибо»* — и вручил письмо Букле.

Гарри повезло, что впереди его ждал чай с Хагридом, потому что занятия по зельеварению оказались самым неприятным из всего, что с ним пока произошло в школе.

На банкете по случаю начала семестра Гарри почувствовал, что профессор Снегг почему-то невзлюбил его с первого взгляда. К концу первого урока он уже понял, что ошибся. Профессор Снегг не просто невзлюбил Гарри — он его возненавидел.

Кабинет Снегга находился в одном из подземелий. Тут было холодно — куда холоднее, чем в самом замке — и довольно страшно. Вдоль всех стен стояли стеклянные банки, в которых плавали заспиртованные животные.

Снегг, как и Флитвик, начал занятия с того, что открыл журнал и стал знакомиться с учениками. И, как и Флитвик, он остановился, дойдя до фа-

милии Поттер.

— О, да, — негромко произнёс он. — Гарри Поттер. Наша новая знаменитость.

Драко Малфой и его друзья Крэбб и Гойл издевательски захихикали, прикрыв лица ладонями.

Закончив знакомство с классом, Снегг обвёл аудиторию внимательным взглядом. Глаза у него были чёрные, как у Хагрида, только в них не было того тепла, которым светились глаза великана. Глаза Снегга были холодными и пустыми и почему-то напоминали тёмные тоннели.

— Вы здесь для того, чтобы изучить науку приготовления волшебных зелий и снадобий. Очень точную и тонкую науку, — начал он.

Снегг говорил почти шёпотом, но ученики отчётливо слышали каждое слово. Как и профессор МакГонагалл, Снегг обладал даром без каких-либо усилий контролировать класс. Как и на уроках профессора МакГонагалл, здесь никто не отваживался перешёптываться или заниматься посторонними делами.

— Глупое махание волшебной палочкой к этой науке не имеет никакого отношения, и потому многие из вас с трудом поверят, что мой предмет является важной составляющей магической науки, — продолжил Снегг. — Я не думаю, что вы в

состоянии оценить красоту медленно кипящего котла, источающего тончайшие запахи, или мягкую силу жидкостей, которые пробираются по венам человека, околдовывая его разум, порабощая его чувства… могу научить вас, как разлить по флаконам известность, как сварить триумф, как заткнуть пробкой смерть. Но всё это только при условии, что вы хоть чем-то отличаетесь от того стада болванов, которое обычно приходит на мои уроки.

После этой короткой речи царившая в курсе тишина стала абсолютной. Гарри и Рон, подняв брови, обменялись недоумёнными взглядами. Гермиона Грэйнджер нетерпеливо заёрзала на стуле — судя по её виду, ей не терпелось доказать, что уж её никак нельзя отнести к стаду болванов.

— Поттер! — неожиданно произнёс Снегг. — Что получится, если я смешаю измельчённый корень асфоделя с настойкой полыни?

«Измельчённый корень чего с настойкой чего?» — хотел переспросить Гарри, но не решился. Он покосился на Рона, но тот, похоже, был не менее ошарашен вопросом. Зато Гермиона Грэйнджер явно знала ответ, и её рука взметнулась в воздух.

— Я не знаю, сэр, — ответил Гарри.

На лице Снегга появилось презрительное выражение.

— Так, так… Очевидно, известность — это далеко не всё. Но давайте попробуем ещё раз, Поттер. — Снегг упорно не желал замечать поднятую руку Гермионы. — Если я попрошу вас принести мне безоаровый камень, где вы будете его искать?

Гермиона продолжала тянуть руку, с трудом удерживаясь от того, чтобы не вскочить с места. А вот Гарри абсолютно не представлял, что такое безоаровый камень. И старался не смотреть на Малфоя, Крэбба и Гойла, которые сотрясались от беззвучного смеха.

— Я не знаю, сэр, — признался он.

— Похоже, вам и в голову не пришло почитать учебники, прежде чем приехать в школу, так, Поттер?!

Гарри заставил себя не отводить взгляд и смотреть прямо в эти холодные глаза. По правде, он читал свои новые учебники, пока жил у Дурслей, но неужели Снегг рассчитывал на то, что он наизусть выучит «Тысячу волшебных растений и грибов»?

Снегг продолжал игнорировать дрожащую от

волнения руку Гермионы.

— Хорошо, Поттер, а в чём разница между волчьей отравой и клобуком монаха?

Гермиона, не в силах больше сидеть спокойно, встала, вытягивая руку к потолку.

— Я не знаю, — тихо произнёс Гарри. — Но мне кажется, что Гермиона это точно знает, почему бы вам не спросить её?

Послышался смех. Гарри нервно оглянулся, чтобы увидеть, кто ещё над ним смеётся, кроме Малфоя и двух его приятелей, — ему показалось, что смеявшихся было человек десять, как минимум, — и встретился взглядом с Симусом. Симус одобрительно подмигнул ему, и Гарри подумал, что смеются, видимо, не над ним, а над его ответом, который почему-то всем показался остроумным. Но как бы там ни было, Снегг его таковым не нашёл.

— Сядьте! — рявкнул он, на мгновение повернувшись к Гермионе. — А вы, Поттер, запомните: из корня асфоделя и полыни приготавливают усыпляющее зелье, настолько сильное, что его называют напитком живой смерти. Безоар — это камень, который извлекают из желудка козы и который является противоядием от большинства ядов. А волчья отрава и клобук монаха — это одно

и то же растение, также известное как аконит. Поняли? Так, все записывайте то, что я сказал!

Все поспешно схватились за перья и зашуршали пергаментом. Но тихий голос Снегга перекрыл поднявшийся шум.

— А за ваш наглый ответ, Поттер, я записываю штрафное очко на счёт Гриффиндора.

Для первокурсников факультета Гриффиндор уроки Снегга обещали быть не самыми приятными. После того как Снегг усадил Гарри на место, произошло ещё кое-что совсем безрадостное. Снегг разбил учеников на пары и дал им задание приготовить простейшее зелье для исцеления от фурункулов. Он кружил по классу, шурша своей длинной чёрной мантией, и следил, как они взвешивают высушенные листья крапивы и толкут в ступках змеиные зубы. Снегг раскритиковал всех, кроме Малфоя, которому, очевидно, симпатизировал. В тот момент, когда Снегг призвал всех полюбоваться, как Малфой варит рогатых слизняков, темница вдруг наполнилась ядовито-зелёным дымом и громким шипением.

Невилл каким-то образом умудрился растопить котёл Симуса, и тот превратился в огромную бесформенную кляксу, а зелье, которое они готовили в котле, стекало на каменный пол, прожигая

дырки в ботинках стоявших поблизости учеников. Через мгновение все с ногами забрались на стулья, а Невилл, которого окатило выплеснувшимся из котла зельем, застонал от боли, так как на его руках и ногах появились красные волдыри.

— Идиот! — прорычал Снегг, одним движением ладони сметая в угол пролившееся зелье. — Как я понимаю, прежде чем снять котёл с огня, вы добавили в зелье иглы дикобраза?

Невилл вместо ответа сморщился и заплакал — теперь и нос его был усыпан красными волдырями.

— Отведите его в больничное крыло, — скривившись, произнёс Снегг, обращаясь к Симусу. А потом повернулся к Гарри и Рону, работавшими за соседним столом. — Вы, Поттер, почему вы не сказали ему, что нельзя добавлять в зелье иглы дикобраза? Или вы подумали, что если он ошибётся, то вы будете выглядеть лучше его? Из-за вас я записываю ещё одно штрафное очко на счёт Гриффиндора.

Это было ужасно несправедливо. Гарри уже открыл рот, чтобы возразить, когда Рон пнул его под столом.

— Не нарывайся, — прошептал Рон. — Я слы-

шал, что Снегг, если разозлится, может очень сильно навредить.

Час спустя, когда они вышли из темницы и поднимались по лестнице, голова Гарри была полна всяких неприятных мыслей, а радостное настроение, с которым он приехал в Хогвартс, совсем улетучилось. В первую же неделю пребывания в школе он заработал два штрафных очка — и всё из-за того, что Снегг почему-то возненавидел его. И он очень хотел бы узнать почему.

— Выше нос, — подбодрил его Рон. — Фреду и Джорджу тоже не везёт на уроках Снегга. Знаешь, сколько штрафов они у него получили? Слушай, а можно я пойду с тобой к Хагриду?

Без пяти три они вышли из замка и пошли по школьной территории к дому Хагрида. Он жил в маленьком деревянном домике на опушке Запретного леса. Над входной дверью висел охотничий лук и пара галош.

Когда Гарри постучал в дверь, ребята услышали, как кто-то отчаянно скребётся в неё с той стороны и оглушительно лает. А через мгновение до них донёсся зычный голос Хагрида:

— Назад, Клык, назад!

Дверь приоткрылась, и за ней показалось знакомое лицо, заросшее волосами.

— Заходите, — пригласил Хагрид. — Назад, Клык!

Хагрид пошире распахнул дверь, с трудом удерживая за ошейник огромную чёрную собаку. Как называется эта порода, Хагрид не знал, хотя и пояснил, что с такими собаками охотятся на кабанов.

В доме была только одна комната. С потолка свисали окорока и выпотрошенные фазаны, на открытом огне кипел медный чайник, а в углу стояла массивная кровать, покрытая лоскутным одеялом.

— Вы… э-э… чувствуйте себя как дома… устраивайтесь, — сказал Хагрид, отпуская Клыка, который кинулся к Рону и начал лизать ему уши. Было очевидно, что Клык, как и его хозяин, выглядел куда опаснее, чем был на самом деле.

— Это Рон, — сказал Гарри.

В это время Хагрид заваривал чай и выкладывал на тарелку кексы. Кексы соприкасались с тарелкой с таким звуком, что никаких сомнений в их свежести не возникало — они давным-давно засохли и превратились в камень.

— Ещё один Уизли, а? — спросил Хагрид, глядя на веснушчатое лицо Рона. — Я полжизни провёл, охотясь на твоих братьев-близнецов. Они

всё время… ну… пытаются в Запретный лес пробраться, а мне их ловить приходится, да!

О каменные кексы легко можно было сломать зубы, но Гарри и Рон делали вид, что они им очень нравятся, и рассказывали Хагриду, как прошли первые дни в школе. Клык сидел около Гарри, положив голову ему на колени и пуская слюни, обильно заливавшие школьную форму.

Гарри и Рон ужасно развеселились, услышав, как Хагрид назвал Филча старым мерзавцем.

— А эта кошка его, миссис Норрис… ух, хотел бы я познакомить её с Клыком. Вы-то небось не знаете, да! Стоит мне в школу прийти, как она за мной… э-э… по пятам ходит, следит всё да вынюхивает. И не спрячешься от неё, и не обманешь… она меня нюхом чует и везде отыщет, во как! Филч её на меня натаскал, не иначе.

Гарри рассказал Хагриду про урок Снегга. Хагрид, как и Рон, посоветовал Гарри не беспокоиться, потому что Снеггу не нравится подавляющее большинство учеников.

— Но мне кажется, он меня ненавидит.

— Да ерунда это! — возразил Хагрид. — С чего бы это ему?

Однако Гарри показалось, что Хагрид, произнося эти слова, чуть-чуть отвёл взгляд в сторону.

— А как твой брат Чарли? — поспешно поинтересовался Хагрид, повернувшись к Рону. — Мне он жутко нравился: уж больно хорошо он со зверьём умел обращаться.

Гарри спросил себя, не специально ли Хагрид сменил тему разговора. Пока Рон рассказывал Хагриду о Чарли, который изучает драконов, Гарри взял кусок бумаги, лежавший на столе под чехлом для чайника. Это была вырезка из «Пророка».

«ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ О ПРОИСШЕСТВИИ В БАНКЕ „ГРИНГОТТС“» — гласил заголовок статьи.

Продолжается расследование обстоятельств проникновения неизвестных грабителей или грабителя в банк «Гринготтс», имевшего место 31 июля. Согласно широко распространённому мнению, это происшествие — дело рук тёмных волшебников, чьи имена пока неизвестны.

Сегодня гоблины из «Гринготтса» заявили, что из банка ничего не было похищено. Выяснилось, что сейф, в который проникли грабители, был пуст, — по странному стечению обстоятельств, то, что в нём лежало, было извлечено владельцем утром того же дня.

— Мы не скажем вам, что лежало в сейфе, поэтому не лезьте в наши дела, если вам не нужны

проблемы, — заявил этим утром пресс-секретарь банка «Гринготтс».

Гарри вспомнил, как в поезде Рон рассказал ему о том, что кто-то пытался ограбить «Гринготтс», но Рон не назвал дату. А теперь…

— Хагрид! — воскликнул Гарри. — Ограбление «Гринготтса» произошло как раз в день моего рождения! Возможно, грабители проникли туда, как раз когда мы с тобой там были!

На этот раз не было никаких сомнений в том, что Хагрид избегает взгляда Гарри. Великан промычал что-то нечленораздельное и предложил Гарри ещё один каменный кекс. Гарри вежливо поблагодарил его, но кекс брать не стал, а вместо этого ещё раз перечитал заметку.

По странному стечению обстоятельств, то, что лежало в сейфе, в который проникли грабители, было извлечено из него владельцем утром того же дня.

Тем утром Хагрид кое-что извлёк из сейфа номер семьсот тринадцать — маленький коричневый свёрток. Не это ли искали воры?

Когда Гарри с Роном шли обратно в замок на ужин, карманы их были набиты каменными кексами, от которых они из вежливости не смогли

отказаться. Гарри думал, что ни один из уроков не дал ему столько поводов для размышлений, как встреча с Хагридом. Если Гарри был прав, то Хагрид забрал из сейфа свёрток как раз вовремя, но случайно или нет? И где этот свёрток хранится теперь? Ведь чтобы его не выкрали, требуется гораздо более надёжное место, чем «Гринготтс»?

И ещё Гарри спрашивал себя, не знает ли Хагрид о профессоре Снегге чего-нибудь такого, о чём не захотел ему рассказывать.

Глава 9
Полночная дуэль

До приезда в Хогвартс Гарри и не представлял, что может ненавидеть кого-нибудь сильнее, чем Дадли. Но это было до того, как он встретил Драко Малфоя. Правда, в первую неделю в школе они практически не сталкивались — единственными совместными занятиями были уроки профессора Снегга. Однако, вернувшись от Хагрида, Гарри и Рон заметили вывешенное в Общей гостиной Гриффиндора объявление, которое вызвало у обоих протяжный стон. Со вторника начинались полёты на мётлах — и первокурсникам факультетов Гриффиндор и Слизерин предстояло учиться летать вместе.

— Великолепно, — мрачно заметил Гарри. — Как раз то, о чём я всегда мечтал. Выставить себя дураком перед Малфоем — и не просто дураком, а дураком, сидящим на метле и не знающим, как взлететь.

Надо отметить, что до того как прочитать это объявление, Гарри молил небо о том, чтобы их поскорее научили летать, — ни одно занятие в

Хогвартсе не вызывало у него такого интереса. Но теперь…

— Откуда ты знаешь, кто будет выглядеть дураком? — резонно ответил Рон. — Разумеется, я знаю, что Малфой перед всеми хвастается, что он великолепно играет в квиддич. Но готов биться об заклад, что всё это пустая болтовня.

Малфой действительно чересчур много говорил о полётах. Он во всеуслышание сожалел о том, что первокурсников не берут в сборные факультетов, и рассказывал длинные хвастливые истории о том, где и как он летал на самых разных мётлах. Истории обычно заканчивались тем, что Малфой с невероятной ловкостью и в самый последний момент умудрялся ускользнуть от магловских вертолётов.

Впрочем, Малфой был не единственным, кто рассуждал на эту тему, — послушать Симуса Финнигана, так тот всё своё детство провёл на метле. Даже Рон готов был рассказать любому, кто его выслушает, о том, как он однажды взял старую метлу Чарли и чудом избежал столкновения с дельтапланом.

Вообще все, кто родился в семьях волшебников, беспрестанно говорили о квиддиче. Из-за квиддича Рон уже успел ввязаться в серьёзную

ссору с Дином Томасом. Дин обожал футбол, а Рон утверждал, что нет ничего интересного в игре, в которую играют всего одним мячом, а игрокам запрещают летать. На следующий день Гарри застал Рона перед плакатом футбольной команды «Вест Хэм», который висел над кроватью Дина. Рон тыкал пальцем в изображённых на плакате игроков, пытаясь заставить их двигаться. Видимо, он никак не мог поверить, что на фотографиях маглов все неподвижны, в отличие от фотографий волшебного мира, где запечатлённые на снимках люди появлялись и исчезали, подмигивали и улыбались.

Правда, и среди родившихся в семьях волшебников были исключения. Так, Невилл признался, что у него в жизни не было метлы, потому что бабушка строго-настрого запрещала ему даже думать о полётах. В глубине души Гарри был с ней полностью согласен — Невилл умудрялся попадать в самые невероятные истории, даже стоя на двух ногах.

Гермиона Грэйнджер, как и Гарри, выросшая в семье маглов, в ожидании предстоящих полётов нервничала не меньше Невилла. Если бы полётам можно было научиться по учебнику, Гермиона бы уже парила в небесах лучше любой

птицы, но это было невозможно. Хотя Гермиона, надо отдать ей должное, не могла не предпринять хотя бы одну попытку. Во вторник за завтраком она утомляла всех сидевших за столом, цитируя советы и подсказки начинающим летать, которые почерпнула из библиотечной книги под названием «История квиддича». Правда, Невилл слушал её очень внимательно, не пропуская ни одного слова и постоянно переспрашивая. Видимо, он рассчитывал, что несколько часов спустя теория поможет ему удержаться на метле. Но остальные были очень рады, когда лекция Гермионы оборвалась с появлением почты.

С пятницы Гарри не получил ни одного письма — что, разумеется, не преминул отметить Малфой. Сова Малфоя — точнее, в отличие от других, у него был филин, ведь Малфой любил подчёркивать свою оригинальность — постоянно приносила ему из дома посылки со сладостями, которые он торжественно вскрывал за столом, угощая своих друзей.

В общем, Гарри во вторник не получил ничего, а вот сова-сипуха Невилла принесла ему маленький свёрток, посланный бабушкой. Невилл ужасно обрадовался и, вскрыв свёрток, показал всем небольшой стеклянный шар. Казалось, что

шар заполнен белым дымом.

— Это напоминалка! — пояснил Невилл. — Бабушка знает, что я постоянно обо всём забываю, а этот шар подсказывает, что ты что-то забыл сделать. Вот смотрите — надо взять его в руку, крепко сжать и, если он покраснеет…

Лицо Невилла вытянулось — шар в его руке внезапно окрасился в ярко-красный цвет.

— Ну вот… — растерянно произнёс Невилл.

Он попытался вспомнить, о чём именно он забыл, когда Драко Малфой, проходивший мимо, выхватил шар у него из рук.

Гарри и Рон одновременно вскочили на ноги. Не то чтобы им так уж хотелось драться — всё же совсем неподалёку были друзья Малфоя, превосходившие Гарри и Рона по габаритам, — но и отступать было нельзя. Но тут между ними встала профессор МакГонагалл, у которой нюх на всякого рода неприятности был острее, чем у любого преподавателя Хогвартса.

— Что происходит? — строго спросила она.

— Малфой отнял у меня напоминалку, профессор, — объяснил Невилл.

Малфой помрачнел и уронил напоминалку на стол перед Невиллом.

— Я просто хотел посмотреть, профессор, —

невинным голосом произнёс он и пошёл прочь, боязливо ссутулившись. Казалось, он пытается уменьшиться и тем самым избежать возможного гнева профессора МакГонагалл, которая его просто не заметит.

* * *

В три тридцать Гарри, Рон и другие первокурсники Гриффиндора торопливым шагом подходили к площадке, где обучали полётам. День был солнечным и ясным, дул лёгкий ветерок, и трава шуршала под ногами. Ученики дружным строем спускались с холма, направляясь к ровной поляне, которая находилась как можно дальше от Запретного леса, мрачно покачивающего верхушками деревьев.

Первокурсники из Слизерина были уже там — как и двадцать мётел, лежавших в ряд на земле. Гарри вспомнил, как Джордж и Фред Уизли жаловались на школьные мётлы, уверяя, что некоторые из них начинают вибрировать, если на них подняться слишком высоко, а некоторые всегда забирают влево.

Наконец появилась преподавательница полётов, мадам Трюк. У неё были короткие седые волосы и жёлтые глаза, как у ястреба.

— Ну и чего вы ждёте?! — рявкнула она. — Каждый встаёт напротив метлы — давайте, пошевеливайтесь.

Гарри посмотрел на метлу, напротив которой оказался. Она была довольно старой, и несколько её прутьев торчали в разные стороны.

— Вытяните правую руку над метлой! — скомандовала мадам Трюк, встав перед строем. — И скажите: «Вверх!»

— ВВЕРХ! — крикнуло двадцать голосов.

Метла Гарри прыгнула ему в руку, но большинству других учеников повезло куда меньше. У Невилла метла вообще не сдвинулась с места, а у Гермионы Грэйнджер метла почему-то покатилась по земле. Гарри подумал, что, возможно, мётлы ведут себя, как лошади, — они чувствуют, кто их боится, и не подчиняются этому человеку. Ведь когда Невилл произносил команду «Вверх!», его голос так дрожал, что становилось понятно, что он предпочтёт остаться на земле.

Затем мадам Трюк показала ученикам, как нужно садиться на метлу, чтобы не соскользнуть с неё в воздухе, и пошла вдоль шеренги, проверяя, насколько правильно они держат свои мётлы. Гарри и Рон были счастливы, когда мадам Трюк резко сообщила Малфою, что он неправильно

держит метлу.

— Но я летаю не первый год! — горячо возразил Малфой. В его голосе была обида.

Тогда мадам Трюк громко и чётко объяснила ему, что это всего лишь означает, что он неправильно летал все эти годы. Малфой выслушал её молча, наверное, поняв, что если продолжить дискуссию, то может выясниться, что он вовсе не такой специалист, каким хотел казаться.

— А теперь, когда я дуну в свой свисток, вы с силой оттолкнётесь от земли, — произнесла мадам Трюк. — Крепко держите метлу, старайтесь, чтобы она была в ровном положении, поднимитесь на метр-полтора, а затем опускайтесь — для этого надо слегка наклониться вперёд. Итак, по моему свистку — три, два…

Но Невилл, нервный, дёрганый и явно испуганный перспективой остаться на земле в одиночестве, рванулся вверх прежде, чем мадам Трюк поднесла свисток к губам.

— Вернись, мальчик! — крикнула мадам Трюк, но Невилл стремительно поднимался вверх — он напоминал пробку, вылетевшую из бутылки. Два метра, четыре, шесть — и Гарри увидел бледное лицо Невилла, испуганно смотрящего вниз. Увидел, как Невилл широко раскрыл от ужаса рот,

как он соскользнул с метлы, и…

БУМ! Тело Невилла с неприятным звуком рухнуло на землю. Его метла всё ещё продолжала подниматься, а потом лениво заскользила по направлению к Запретному лесу и исчезла из виду.

Мадам Трюк склонилась над Невиллом, лицо её было даже белее, чем у него.

— Сломано запястье, — услышал Гарри её бормотание. Когда мадам Трюк распрямилась, её лицо выражало явное облегчение. — Вставай, мальчик! — скомандовала она. — Вставай. С тобой всё в порядке. — Она повернулась к остальным ученикам. — Сейчас я отведу его в больничное крыло, а вы ждите меня и ничего не делайте. Мётлы оставьте на земле. Тот, кто в моё отсутствие дотронется до метлы, вылетит из Хогвартса быстрее, чем успеет сказать слово «квиддич». Пошли, мой дорогой.

Мадам Трюк приобняла заплаканного Невилла и повела его в сторону замка. Невилл сильно хромал.

Как только они отошли достаточно далеко, чтобы мадам Трюк могла что-либо услышать, Малфой расхохотался.

— Вы видели его физиономию? Вот неуклюжий — настоящий мешок!

Остальные первокурсники из Слизерина присоединились к нему.

— Заткнись, Малфой, — оборвала его Парвати Патил.

— О-о-о, ты заступаешься за этого придурка Долгопупса? — спросила Пэнси Паркинсон, девочка из Слизерина с грубыми чертами лица. — Никогда не думала, что тебе нравятся такие толстые плаксивые мальчишки.

— Смотрите! — крикнул Малфой, метнувшись вперёд и поднимая что-то с земли. — Это та самая дурацкая штука, которую прислала ему его бабка.

Напоминалка заблестела в лучах солнца.

— Отдай её мне, Малфой, — негромко сказал Гарри.

Все замерли и повернулись к нему.

Малфой нагло усмехнулся.

— Я думаю, я положу её куда-нибудь, чтобы Долгопупс потом достал её оттуда, — например, на дерево.

— Дай сюда! — заорал Гарри, но Малфой вскочил на метлу и взмыл в воздух. Похоже, он не врал насчёт того, что действительно умеет летать, и сейчас он легко парил над верхушкой росшего около площадки раскидистого дуба.

— А ты отбери её у меня, Поттер! — громко предложил он сверху.

Гарри схватил метлу.

— Нет! — вскрикнула Гермиона Грэйнджер, и Гарри застыл. — Мадам Трюк запретила нам это делать: из-за тебя у Гриффиндора будут неприятности.

Она была права, но всё же Гарри проигнорировал её предупреждение. Кровь стучала в его голове, заставляя забыть обо всём. Он вскочил на метлу, с силой оттолкнулся ногами от земли и взлетел. Он почувствовал, как ветер взъерошил его волосы, услышал, как захлопала его одежда, и вдруг его охватил приступ внезапной, сильной, почти безграничной радости.

Оказалось, что он, так боявшийся, что не умеет ничего, всё-таки что-то может. Что-то, чему его не надо учить, для чего ему совсем не обязательно было воспитываться в семье волшебников и летать с самого детства. Потому что он летел — и это было легко, и это было прекрасно. Он чуть-чуть отклонился назад и поднялся ещё выше под удивлённые крики и вопли ужаса оставшихся на земле девочек и одобрительные возгласы Рона.

Гарри резко развернул метлу, оказавшись лицом к лицу с Малфоем. Вид у того был изум-

лённый.

— Дай сюда! — крикнул ему Гарри. — Или я собью тебя с метлы!

— Да ну? — издевательски переспросил Малфой, однако, несмотря на тон, на лице его появилась озабоченность.

Гарри откуда-то знал, что ему надо делать. Он нагнулся вперёд и крепко ухватился за метлу обеими руками, и она рванулась на Малфоя, как вылетевший из пращи камень. Малфой едва успел уклониться. А Гарри, проскочив мимо, резко развернулся и выровнял метлу. Снизу раздались аплодисменты.

— Что, Малфой, заскучал? — громко крикнул Гарри. — Ты сейчас один, Крэбба и Гойла рядом нет, и никто тебе не поможет.

Кажется, Малфоя осенила та же мысль.

— Тогда поймай, если сможешь! — заорал он и, метнув стеклянный шар высоко в небо, рванулся вниз, к земле.

Гарри видел, словно в замедленной съёмке, как шар поднимается вверх, на мгновение застывает в воздухе, а потом начинает падать. Он нагнулся вперёд и направил рукоятку метлы вниз, а в следующую секунду вошёл в почти отвесное пике. Скорость всё увеличивалась, в ушах свистел ве-

тер, заглушая испуганные вопли стоявших внизу. Гарри вытянул руку, не снижая скорости, и, когда до земли оставалось не более полуметра, поймал шар — как раз вовремя, чтобы успеть выровнять метлу. И мягко скатился на траву, сжимая шар в руке.

— ГАРРИ ПОТТЕР!

Сердце его рухнуло в пятки быстрее, чем он пикировал к земле. К нему бежала профессор МакГонагалл. Гарри поднялся на ноги, дрожа от предчувствия того, что его ожидало.

— Никогда… никогда за всё то время, что я работаю в Хогвартсе…

Профессор МакГонагалл осеклась, от волнения ей не хватило воздуха, но очки её яростно посверкивали на солнце.

— Как вы могли… Вы чуть не сломали себе шею…

— Это не его вина, профессор…

— Я вас не спрашивала, мисс Патил…

— Но Малфой…

— Достаточно, мистер Уизли. Поттер, идите за мной, немедленно.

Гарри заметил ликующие улыбки на лицах Малфоя и его друзей и побрёл, с трудом передвигая ноги, за профессором МакГонагалл, направ-

лявшейся в сторону замка. Он не сомневался, что его исключат из школы. Он хотел сказать что-нибудь, как-то попробовать оправдаться, но у него что-то случилось с голосом. Профессор МакГонагалл быстро шла вперёд, не оборачиваясь на него, и Гарри пришлось ускорить шаг и даже перейти на бег, чтобы не отстать.

Что ж, было похоже, что всему пришёл конец. После того, как он не пробыл в школе и двух недель. И теперь уже через десять минут он будет укладывать свои вещи обратно в чемодан. И что, интересно, скажут Дурсли, когда увидят его на пороге своего дома?

Они поднялись по ступенькам, ведущим к воротам замка, потом по мраморной лестнице. Профессор МакГонагалл всё ещё молчала. Она резко распахивала одну дверь за другой, быстрым шагом пересекала коридор за коридором, а грустный и печальный Гарри покорно семенил за ней. Наверное, профессор МакГонагалл вела его к Дамблдору — куда же ещё?

Гарри вдруг подумал о Хагриде, которого тоже исключили, но оставили при школе в качестве лесника. Может, ему тоже разрешат остаться, может, его назначат помощником Хагрида? Сердце Гарри радостно замерло — и снова рухнуло вниз.

Он поморщился, словно от боли, представив себе, что год за годом он будет ковылять по территории школы, волоча за Хагридом его тяжеленную сумку, и наблюдать, как Рон и остальные переходят с курса на курс и становятся настоящими волшебниками.

Профессор МакГонагалл резко остановилась напротив одного из кабинетов, потянула на себя дверь и заглянула внутрь.

— Извините, профессор Флитвик, могу я попросить вас кое о чём? Мне нужен Вуд.

«Вуд? — Гарри передёрнуло, и он почувствовал, как его охватывает ужас. — Это ещё что такое?»

Вуд оказался человеком. Это был пятикурсник крепкого телосложения, который, выйдя из кабинета, непонимающе посмотрел на профессора МакГонагалл и Гарри.

— Идите за мной, вы оба, — приказала профессор МакГонагалл, и они пошли за ней по коридору. Вуд с любопытством косился на Гарри.

Профессор МакГонагалл завела их в кабинет, в котором не было никого, кроме Пивза, писавшего на доске нехорошие слова.

— Вон отсюда, Пивз! — рявкнула профессор МакГонагалл.

Пивз бросил мел в корзину — судя по всему,

пустую, потому что она отозвалась грохотом, — и вылетел из класса, бормоча себе под нос ругательства. Профессор МакГонагалл захлопнула за ним дверь и повернулась к двум мальчикам.

— Поттер, знакомьтесь — это Оливер Вуд. Вуд, я нашла вам ловца.

Озадаченное выражение на лице Вуда сменилось восторгом.

— Вы это серьёзно, профессор?

— Абсолютно, — сухо заверила его профессор МакГонагалл. — Он летает, как птица, словно с пелёнок это умел. В жизни не видела ничего подобного. Вы в первый раз сели на метлу, Поттер?

Гарри молча кивнул. Он никак не мог понять, что происходит, но, кажется, его не собирались исключать, и от этой мысли ему стало чуть легче.

— Он поймал эту штуку в воздухе, спикировав с двадцати метров. — Профессор МакГонагалл кивнула на шар, который Гарри по-прежнему сжимал в руке. — И ни одного синяка. Даже Чарли Уизли так не смог бы.

У Вуда был такой вид, словно все его мечты каким-то чудесным образом осуществились.

— Когда-нибудь видел, как играют в квиддич, а, Поттер? — спросил Вуд. Глаза его загорелись.

— Вуд — капитан сборной факультета Гриффиндор, — пояснила профессор МакГонагалл.

— Для ловца он идеально сложен, — заключил Вуд, обойдя вокруг Гарри и внимательно его рассмотрев. — Лёгкий и быстрый. Нам надо будет раздобыть для него приличную метлу, профессор, — «Нимбус-2000» или «Чистомет-7», думаю, что-нибудь в этом роде.

— Я поговорю с профессором Дамблдором и попробую убедить его сделать исключение из правил и разрешить первокурснику играть за сборную, — произнесла профессор МакГонагалл. — Потому что нам нужна более сильная команда, чем в прошлом году. Слизерин буквально растоптал нас в последнем матче. Я потом несколько недель не могла заставить себя посмотреть в глаза Северусу Снеггу…

Профессор МакГонагалл сурово уставилась на Гарри поверх очков.

— И учтите, Поттер, если я услышу, что вы недостаточно упорно тренируетесь, я могу передумать и наложить на вас серьёзное взыскание за то, что вы натворили.

И тут она внезапно улыбнулась.

— Ваш отец просто потрясающе играл в квиддич, Поттер. И сейчас он гордился бы вами…

* * *

— Ты шутишь…

Это было за обедом. Гарри только что закончил рассказывать Рону о том, что произошло, когда профессор МакГонагалл увела его с площадки. Пока он говорил, Рон увлечённо поедал пирог с говядиной и почками. Но теперь, когда Гарри закончил, он начисто забыл о пироге, так и не донеся до рта последний кусок.

— Ловец? — В голосе Рона было изумление. — Но первокурсников никогда… Ты, наверное, станешь самым юным игроком в истории Хогвартса за…

— …за последние сто лет, — закончил за него Гарри, с аппетитом взявшись за пирог. После того, что он пережил сегодня днём, он жутко проголодался. — Вуд мне это уже рассказал.

Рон был настолько впечатлён услышанным, настолько поражён, что просто сидел с раскрытым ртом и не мог отвести от Гарри глаз.

— Я начинаю тренироваться на следующей неделе, — добавил Гарри. — Только не говори никому. Вуд хочет, чтобы это оставалось тайной.

В зал вошли Фред и Джордж Уизли и, заметив Гарри, направились к нему — судя по всему,

именно его они здесь и искали.

— А ты молодец, — тихо произнёс Джордж. — Вуд нас ввёл в курс дела. Мы ведь тоже в сборной — загонщики.

— Я тебе говорю: в этом году мы наверняка выиграем соревнования между факультетами по квиддичу, — заверил Фред. — Мы не выигрывали с тех пор, как наш брат Чарли закончил Хогвартс. Но в этом году у нас будет фантастическая команда. Ты, должно быть, очень хорош, Гарри. Вуд прямо-таки подпрыгивал от восторга, когда рассказывал о тебе.

— Ладно, нам пора идти, — наконец спохватились близнецы. — Ли Джордан уверяет, что нашёл новый потайной коридор, через который можно выбраться из школы.

Не успели Фред и Джордж исчезнуть, как к столу подошёл тот, кому они были совсем не рады. А именно, Малфой — разумеется, в сопровождении верных телохранителей Крэбба и Гойла.

— Последний школьный обед, Поттер? — с издёвкой спросил Малфой. — Уезжаешь обратно к маглам? Во сколько у тебя поезд?

— Смотрю, на земле ты стал куда смелее, особенно когда рядом два твоих маленьких друга, — холодно ответил Гарри. Конечно, Крэбба и

Гойла никак нельзя было назвать маленькими, но за Главным столом было полно учителей, и всё, что могли сделать Крэбб и Гойл, это состроить недовольные физиономии.

— Я в любой момент могу разобраться с тобой один на один, — заявил Малфой. — Сегодня вечером, если хочешь. Дуэль волшебников. Никаких кулаков — только волшебные палочки. Что с тобой, Поттер? А, конечно, ты же никогда не слышал о дуэлях волшебников.

— Он слышал, — быстро сориентировался Рон, вставая перед Малфоем. — Я буду его секундантом, а кого возьмёшь ты?

Малфой посмотрел на своих спутников, оценивая, кто из них больше подойдёт для этой цели.

— Крэбба, — наконец сказал он. — Полночь вас устраивает? Тогда в полночь ждём вас в комнате, где хранятся награды, — она всегда открыта.

Когда Малфой отошёл, Гарри и Рон переглянулись.

— Что это за дуэль? — поинтересовался Гарри. — И что это значит: ты будешь моим секундантом?

— Секунданты нужны для того, чтобы отнести тебя домой, если ты умрёшь, — спокойно заметил Рон, словно говорил о какой-то ерунде, и невоз-

мутимо принялся за уже остывший пирог. Он спохватился, только когда посмотрел на Гарри и увидел выражение его лица. — Но ты не беспокойся, смертельные случаи бывают только на настоящих дуэлях, то есть если дерутся настоящие волшебники. А максимум, что вы с Малфоем сможете сделать, — это посылать друг в друга искры. Вы ещё ничего не умеете, и потому вам не удастся нанести друг другу серьёзный урон. Кстати, готов поспорить, он рассчитывал, что ты откажешься.

— А если я взмахну палочкой и ничего не произойдёт? — поинтересовался Гарри.

— Тогда отбрось палочку в сторону и дай ему кулаком в нос, — посоветовал Рон.

— Извините…

Они подняли глаза — перед ними стояла Гермиона Грэйнджер.

— Можно здесь поесть спокойно? — многозначительно произнёс Рон.

Гермиона пропустила его вопрос мимо ушей, тем более что она смотрела не на Рона, а на Гарри.

— Я случайно услышала, о чём вы тут говорили с Малфоем…

— Бьюсь об заклад, что не случайно, — вставил

Рон.

— …и хочу тебе сказать, что ты не имеешь права бродить ночью по школе. Если тебя поймают, Гриффиндор получит штрафные очки, а тебя обязательно поймают. И если хочешь знать, то, что ты собираешься сделать, наплевав на факультет, — это чистой воды эгоизм.

— Если хочешь знать, это вовсе не твоё дело, — ответил Гарри.

— До свидания, — закончил разговор Рон.

* * *

«Что там ни говори, а это не лучшее завершение для такого дня», — думал Гарри несколько часов спустя, лёжа с открытыми глазами и прислушиваясь к мерному дыханию Дина и Симуса (в спальне их было пятеро, но Невилл всё ещё находился в больничном крыле). Рон весь вечер давал ему очень ценные советы. «Если он попробует наслать на тебя проклятие, лучше увернись, потому что я не помню, как их отбивать» — и всё в таком же духе.

Гарри чувствовал, что испытывает судьбу, собираясь второй раз за день нарушить школьные правила. А шанс, что их поймает Филч или миссис Норрис, был очень велик. Но с другой сто-

роны, ему представилась возможность одолеть Малфоя, чьё насмехающееся лицо то и дело возникало перед Гарри в темноте, причём одолеть один на один. И такую возможность нельзя было упускать.

— Полдвенадцатого, — наконец пробормотал Рон. — Если мы не хотим опоздать, нам пора.

Они набросили на пижамы халаты, взяли волшебные палочки, на цыпочках вышли из спальни, спустились по лестнице и оказались в Общей гостиной Гриффиндора. В камине всё ещё мерцало несколько углей. Их свет превращал стоявшие в комнате кресла в зловещие горбатые чёрные тени. Они уже почти добрались до выхода, когда из ближайшего кресла до них донёсся голос:

— Не могу поверить, что ты всё-таки собираешься это сделать, Гарри.

Вспыхнула лампа. В кресле сидела Гермиона Грэйнджер в розовом халате и хмуро смотрела на них.

— Ты? — яростно прошептал Рон. — Иди спать!

— Я чуть не рассказала обо всём твоему брату Перси, — отрезала Гермиона. — Он староста, он бы положил этому конец. Но я всё же промолчала.

Гарри никак не мог поверить, что на свете есть люди, способные так нахально совать нос в чужие дела.

— Пошли, — сказал он Рону. И, отодвинув портрет Толстой Леди, стал пробираться через дыру.

Однако Гермиона не собиралась так легко сдаваться. Они стояли в коридоре, когда она вылезла из дыры вслед за ними и зашипела, как рассерженная гусыня.

— Вы не думаете о нашем факультете, вы думаете только о себе, а я не хочу, чтобы Слизерин снова выиграл соревнования между факультетами. Из-за вас мы потеряем те призовые очки, которые я получила от профессора МакГонагалл за то, что знала несколько заклинаний, которые необходимы для трансфигурации.

— Уходи, — дружно прошептали Гарри и Рон.

— Хорошо, но я вас предупредила. И когда завтра вы будете сидеть в поезде, везущем вас обратно в Лондон, вспомните о том, что я вам говорила, — что вы…

Они так и не узнали, что должно было последовать за этим «что вы». Гермиона, не договорив, повернулась к портрету Толстой Леди, чтобы сказать ей пароль и вернуться обратно, но обнаружила, что картина пуста. Толстая Леди ушла

к кому-то в гости, а значит, Гермиона не могла вернуться в башню Гриффиндора. Для того чтобы выйти из спальни, пароль был не нужен, для этого надо было просто отодвинуть портрет, но войти в башню без пароля и уж тем более без Толстой Леди, которой надо было сообщить этот пароль, было невозможно.

— И что же мне теперь делать? — спросила Гермиона пронзительным шёпотом.

— Это твоя проблема, — заметил Рон. — Всё, нам пора идти, вернёмся поздно.

Они даже не успели дойти до конца коридора, когда Гермиона нагнала их.

— Я иду с вами, — заявила она.

— Исключено, — в один голос заявили оба.

— Вы думаете, я буду тут стоять и ждать, пока меня не схватит Филч? А вот если он поймает нас троих, я честно ему скажу, что пыталась вас отговорить, а вы это подтвердите, и тогда мне ничего не сделают.

— Ну и наглая же ты, — громко возмутился Рон.

— Заткнитесь вы оба! — резко бросил Гарри. — Я что-то слышу.

До них донеслось что-то вроде сопения.

— Это миссис Норрис, — выдохнул Рон, кото-

рый, прищурившись, вглядывался в темноту.

Но это была не миссис Норрис. Это был Невилл. Он крепко спал прямо на полу, свернувшись калачиком, но моментально проснулся и подскочил, как только они подкрались поближе.

— Хвала небесам — вы меня нашли! — воскликнул он. — Я здесь уже несколько часов. Не мог вспомнить новый пароль.

— Потише, Невилл, — шепнул Рон. — Пароль — «поросячий пятачок», но тебе это уже не поможет. Толстая Леди куда-то ушла.

— Как твоя рука? — первым делом спросил Гарри.

— Отлично. — Невилл вытянул руку и помахал ею в воздухе. — Мадам Помфри за одну минуту сделала так, что кости срослись обратно.

— Ну и хорошо, — радостно улыбнулся Гарри и вдруг помрачнел, вспомнив о том, зачем они здесь. — Э-э-э… Послушай, Невилл, нам надо кое-куда сходить, так что увидимся позже…

— Не оставляйте меня! — завопил Невилл. С характерной только для него неуклюжестью он попытался подняться на ноги, но чуть не упал. — Я здесь один не останусь: пока я тут лежал, мимо меня дважды проплыл Кровавый Барон.

Рон посмотрел на часы, а потом яростно

сверкнул глазами, обращёнными к Гермионе и Невиллу.

— Если нас с Гарри поймают из-за вас двоих, я не успокоюсь, пока не выучу «проклятие призраков», о котором рассказывал Квиррелл, и не попробую его на вас.

Гермиона открыла рот — может быть, для того, чтобы рассказать Рону, как накладывать «проклятие призраков», но Гарри зашипел на неё. И, приложив палец к губам, поманил всех за собой.

Они на цыпочках неслись по коридорам, расчерченным на квадраты полосками света, падающего из высоких окон. Перед каждым поворотом Гарри думал о том, что сейчас свернёт за угол и врежется в Филча или наступит на миссис Норрис. Но пока ему везло — как и всем остальным. Они сделали последний поворот, прыжками преодолели последнюю лестницу, оказались на третьем этаже и бесшумно прокрались в комнату, где хранились награды. Малфоя и Крэбба тут ещё не было, так что они пришли первыми.

Комнату заливал лунный свет. Хрустальные ящики сверкали в лучах лунного света. Кубки, щиты с гербами, таблички и статуэтки отливали в темноте серебром и золотом. Ребята двинулись вдоль стены, не сводя глаз с дверей, находящихся

в противоположных концах комнаты. Гарри достал палочку на тот случай, если Малфой выпрыгнет из темноты и сразу нападёт на него. Но никто не появлялся. Казалось, кто-то замедлил ход времени — минуты ползли, как часы.

— Он опаздывает — может, струсил? — прошептал Рон.

Шум, донёсшийся из соседней комнаты, заставил их подпрыгнуть. Гарри не успел поднять палочку, как раздался голос. Он принадлежал вовсе не Малфою.

— Принюхайся-ка хорошенько, моя милая, они, должно быть, спрятались в углу.

Это был голос Филча, обращавшегося к миссис Норрис. Гарри, похолодев от ужаса, махнул однокурсникам, показывая, чтобы они следовали за ним, и быстро пошёл на цыпочках к двери, противоположной той, из-за которой вот-вот должны были появиться Филч и его кошка. Едва замыкавший цепочку Невилл успел выйти из комнаты, как они услышали, что в неё вошёл Филч.

— Они где-то здесь, — донеслось до них его бормотание. — Наверное, прячутся.

Гарри посмотрел на своих спутников, чтобы привлечь их внимание. «Сюда!» — беззвучно произнёс он, тщательно артикулируя, и они

начали красться по длинной галерее, уставленной рыцарскими доспехами. Позади отчётливо слышались шаги Филча. И тут Невилл внезапно испуганно пискнул и ринулся бежать.

Как и следовало ожидать, убежать далеко неуклюжему Невиллу не удалось. Он споткнулся, судорожно ухватился за бегущего перед ним Рона. Оба упали, врезавшись в стоявшего на невысоком постаменте рыцаря в латах. Поднятого ими грохота и звона было вполне достаточно, чтобы разбудить весь замок.

— БЕЖИМ! — истошно завопил Гарри, и все четверо что есть сил рванули по галерее, не оглядываясь назад и не зная, преследует ли их Филч.

Они влетели в раскрытую дверь, чудом не разбившись о дверной косяк, свернули направо, пробежали по коридору, а затем прыжками преодолели следующий коридор. Гарри, самый спокойный и рассудительный из всех, бежал первым, совершенно не представляя, где они находятся и куда он ведёт своих спутников. Позже он так и не смог понять, как ему удалось руководить общими действиями, ведь он умирал от страха, а сердце так бешено колотилось в его груди, что грозило вот-вот из неё выскочить.

Ребята проскочили сквозь гобелен и оказались

в потайном проходе. Пробежали по нему до конца и остановились около кабинета, в котором проходили уроки по заклинаниям. Вдруг они поняли, что каким-то образом им удалось преодолеть прямо-таки огромное расстояние — комната, выбранная для дуэли, была далеко-далеко отсюда.

— Думаю, мы оторвались, — с трудом выговорил Гарри, переводя дыхание. Он прислонился разгорячённым телом к холодной стене и вытер рукавом халата вспотевший лоб. Стоявший рядом Невилл согнулся пополам, тяжело сопя и что-то бормоча себе под нос.

— Я… тебе… говорила, — выдохнула Гермиона, держась обеими руками за грудь. — Я… тебе… говорила.

— Нам надо вернуться в башню Гриффиндора, — произнёс Рон. — И как можно быстрее.

— Малфой тебя обманул, — встряла в разговор Гермиона — она ещё не успела отдышаться, но её натура не позволяла ей молчать. — Надеюсь, ты это уже понял? Он и не собирался туда приходить. А Филч знал, что кто-то должен быть в этой комнате. Это Малфой дал ему понять, что в полночь там кто-то будет.

Гарри подумал, что она, скорее всего, права, но не собирался ей об этом говорить.

— Пошли, — махнул он рукой вместо ответа.

Это легко было сказать, но не так просто сделать. Не успели они сделать и десяти шагов, как услышали, что кто-то поворачивает дверную ручку, и из ближнего к ним кабинета выплыл Пивз. Он сразу заметил их и даже взвизгнул от восторга.

— Потише, Пивз, пожалуйста. — Гарри приложил палец к губам. — Нас из-за тебя выгонят из школы.

Пивз радостно закудахтал.

— Шатаетесь по ночам, маленькие первокурснички? Так, так, так, нехорошо, малыши, очень нехорошо, вас ведь поймают.

— Если ты нас не выдашь, то не поймают. — Гарри умоляюще сложил руки на груди. — Ну, пожалуйста, Пивз.

— Наверное, я должен вызвать Филча. Я просто обязан. Этого требует мой долг. — Пивз говорил голосом праведника, но глаза его сверкали недобрым огнём. — И всё это для вашего же блага.

— Убирайся с дороги, — не выдержал Рон и махнул рукой, словно хотел ударить бесплотного Пивза. Рон погорячился — и это была ошибка.

— УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ! — оглушительно заорал Пивз. — УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ,

ОНИ СЕЙЧАС В КОРИДОРЕ ЗАКЛИНАНИЙ!

Все четверо пригнулись, проскакивая под висевшим в воздухе Пивзом, и побежали так, словно от их скорости зависели их жизни. Но, добежав до конца коридора, они уткнулись в запертую дверь.

— Вот и всё! — простонал Рон, тщетно ударяясь плечом в дверь. — С нами всё кончено! Мы пропали!

Они уже слышали шаги — это Филч бежал на крики Пивза.

— Ну-ка подвиньтесь, — резко скомандовала Гермиона. Она вырвала из рук Гарри волшебную палочку, постучала ею по запертому замку и прошептала:

— *Алохомора*!

Замок заскрежетал, дверь распахнулась, и они быстро скользнули внутрь, закрыв за собой дверь и прижавшись к ней, чтобы слышать, что происходит в коридоре.

— Куда они побежали, Пивз? — донёсся до них голос Филча. — Давай быстрее, я жду.

— Скажи «пожалуйста».

— Не зли меня, Пивз! Итак, куда они побежали?

— Сначала скажи «пожалуйста», или я ничего

не знаю, — упорствовал Пивз.

Его монотонный голос явно вывел Филча из себя.

— Ну ладно — пожалуйста!

— НЕ ЗНАЮ! Ничего не знаю! — радостно заорал Пивз. — Ха-ха-ха! Я тебя предупреждал: раньше надо было говорить «пожалуйста». Ха-ха! Ха-ха-ха!

Они услышали, как со свистом унёсся куда-то Пивз и как яростно ругается Филч.

— Он думает, что эта дверь заперта, — прошептал Гарри. — Надеюсь, мы выберемся, да отвяжись ты, Невилл!

Невилл вот уже минуту или две настойчиво дёргал Гарри за рукав.

— Ну что тебе? — недовольно произнёс Гарри, поворачиваясь к нему.

Стоило ему повернуться, как он сразу увидел это самое «что». В первую секунду Гарри подумал, что ему это просто привиделось, — после всего пережитого сегодня это было бы просто чересчур. Однако то, что он увидел, было реальностью, причём кошмарной.

Гарри ошибся, когда предполагал, что эта дверь ведёт в очередную комнату. Они были не в комнате, а в коридоре. В запретном коридоре на

третьем этаже. И теперь он понял, почему школьникам категорически запрещалось входить в этот коридор.

Им в глаза смотрел гигантский пёс, заполнивший собой весь коридор от пола до потолка. У него было три головы, три пары вращающихся безумных глаз, три носа, нервно дёргающихся и принюхивающихся к незваным гостям, три открытых слюнявых рта с жёлтыми клыками, из которых верёвками свисала слюна.

Пока пёс сохранял относительное спокойствие и только принюхивался к ним, уставившись на них всеми шестью глазами. Но Гарри знал, что единственная причина, по которой они пока ещё живы, — это то, что их внезапное появление застало пса врасплох. Но, кажется, до пса уже начало доходить, что произошло. Об этом свидетельствовало напоминающее отдалённые раскаты грома низкое рычание, вырывавшееся из трёх пастей.

Гарри ухватился за дверную ручку. Сейчас надо было выбирать между смертью и Филчем — и лично он предпочитал Филча.

В мгновение ока ребята выскочили за дверь, захлопнув её за собой, и ринулись бежать с такой скоростью, что со стороны могло показаться,

будто они летят. Филча в коридоре уже не было. Наверное, он ушёл отсюда, чтобы поискать их в другом месте. Но его отсутствие не радовало их и не огорчало — сейчас им было всё равно. Всё, чего они хотели, — это оказаться как можно дальше от этого монстра. Они не останавливались, пока не оказались на седьмом этаже у портрета Толстой Леди.

— Где вы были? — спросила та, глядя на их пылающие потные лица.

— Неважно, — с трудом выдохнул задыхающийся Гарри. — Свиной пятачок, свиной пятачок!

Портрет отъехал в сторону, и они пробрались сквозь дыру в стене в Общую гостиную и устало повалились в кресла, дрожа от долгого бега и всего пережитого.

Прошло много времени, прежде чем кто-то из них нарушил тишину. А у Невилла и вовсе был такой вид, словно он никогда уже не будет говорить.

— Что они себе, интересно, думают? — Рон первым обрёл дар речи. — Надо же додуматься до такого — держать в школе этого пса. Этой твари явно надо поразмяться, а не сидеть взаперти.

Гермиона тоже пришла в себя, и к ней тут же вернулось плохое настроение.

— А зачем вам глаза, хотела бы я знать? — недовольно поинтересовалась она. — Вы что, не видели, на чём этот пёс стоял?

— На полу, — предположил Гарри. — Хотя вообще-то я не смотрел на его лапы — с меня вполне хватило голов.

— Нет, он стоял не на полу, а на люке. Дураку понятно, что он там что-то охраняет.

Гермиона встала, окинув их возмущённым взглядом.

— Надеюсь, вы собой довольны, — резко произнесла она. — Нас всех могли убить… или, что ещё хуже, исключить из школы. А теперь, если вы не возражаете, я пойду спать.

Рон смотрел ей вслед с открытым ртом.

— Нет, мы не возражаем, — выдавил он, когда Гермиона скрылась в темноте. — Можно подумать, что мы силой тащили её с собой…

Забравшись в постель, Гарри думал не о том, что они пережили, а о том, что сказала Гермиона. О том, что пёс что-то охраняет. Он вспомнил слова Хагрида: «Если хочешь что-нибудь спрятать, то „Гринготтс“ — самое надёжное место в мире. Кроме, может быть, Хогвартса».

Похоже, теперь Гарри знал, где сейчас находится тот бесформенный маленький свёрток из

сейфа семьсот тринадцать.

Глава 10
Хэллоуин

Малфой не поверил своим глазам, когда наутро за завтраком увидел Гарри и Рона, — они выглядели усталыми, но светились от счастья. Кажется, Малфой уже не сомневался, что больше не встретится с ними, потому что вместо завтрака отчисленные из школы Гарри и Рон сядут в поезд до Лондона.

В отличие от Малфоя, они действительно были счастливы. Проснувшись и обсудив случившееся ночью, Гарри и Рон решили, что встреча с трёхголовым псом была отличным приключением и они бы не отказались от ещё одного в том же духе.

За завтраком Гарри рассказывал Рону о том свёртке, который Хагрид забрал из «Гринготтса» по поручению Дамблдора и который, судя по всему, находится в запретном коридоре третьего этажа. И теперь они гадали, что же может нуждаться в такой усиленной охране.

— Это либо что-то очень ценное, либо что-то очень опасное, — сказал Рон.

— Или и то и другое одновременно, — задумчиво произнёс Гарри.

Однако всё, что они знали об этом загадочном предмете, — это то, что его длина составляет примерно пять сантиметров. Но этого было слишком мало, чтобы догадаться или хотя бы предположить, что же это за предмет.

Что касается Невилла и Гермионы, то им, кажется, было абсолютно безразлично, что находится в том тайнике, на котором стояла собака. Невилл вообще думал только о том, чтобы больше никогда не оказаться поблизости от трёхголового пса. А Гермиона просто игнорировала Гарри и Рона, отказываясь с ними разговаривать. Правда, если учесть, что она была жуткой всезнайкой, вечно лезла вперёд и любила командовать, то оба только обрадовались её молчанию.

Больше всего на свете — кроме желания узнать, что лежит в запретном коридоре, — Гарри и Рону хотелось отомстить Малфою. И к их великой радости, неделю спустя им представился такой шанс.

Это произошло за завтраком, когда в Большой зал влетели совы, разносящие почту. Все сидевшие в зале сразу заметили шестерых сов, несущих по воздуху длинный свёрток. Гарри было интересно, что лежит в свёртке, не меньше, чем всем

остальным. И он был жутко удивлён, когда совы спикировали над его столом и уронили свёрток прямо в его тарелку с жареным беконом. Тарелка разбилась. Не успели шесть сов набрать высоту, как появилась седьмая, бросившая на свёрток письмо.

Гарри сначала вскрыл конверт — как выяснилось, ему повезло, что первым делом он не занялся свёртком.

> НЕ
> ОТКРЫВАЙТЕ СВЁРТОК ЗА СТОЛОМ, — *гласило письмо.* — В нём ваша новая метла, «Нимбус-2000», но я не хочу, чтобы все знали об этом, потому что в противном случае все первокурсники начнут просить, чтобы им разрешили иметь личные мётлы. В семь часов вечера Оливер Вуд ждёт вас на площадке для квиддича, где пройдёт первая тренировка.
>
> ***Профессор М. МакГонагалл***

Гарри, с трудом скрывая радость, протянул письмо Рону.

— «Нимбус-2000!» — простонал Рон, в его голосе слышалась зависть. — Я такую даже в руках не держал.

Они быстро вышли из зала, чтобы успеть рассмотреть метлу до начала первого урока. Но стоило им подойти к лестнице, как на их пути выросли Крэбб и Гойл. Появившийся из-за их спин Малфой вырвал у Гарри свёрток и оценивающе ощупал его.

— Это метла, — категорично заявил он, бросая свёрток обратно Гарри. На его лице читались злоба и зависть. Но только если Рон завидовал по-доброму, то зависть Малфоя была чёрной. — На этот раз тебе не выкрутиться, Поттер, — первокурсникам нельзя иметь свои мётлы.

Рон не выдержал.

— Это не просто какая-то старая метла, — он с превосходством посмотрел на Малфоя и вызывающе усмехнулся. — Это «Нимбус-2000». А что ты там говорил, Малфой, насчёт той метлы, которую оставил дома? Кажется, это «Комета-260»? Метла, конечно, неплохая, но с «Нимбусом-2000» никакого сравнения.

— Да что ты понимаешь в мётлах, Уизли? Тебе даже на полрукоятки денег не хватило бы, — буркнул в ответ Малфой. — Вы с братьями небось на обычную-то метлу деньги много лет копили, по прутику покупали.

Прежде чем Рон успел ответить, рядом с Мал-

фоем появился профессор Флитвик.

— Надеюсь, вы тут не ссоритесь, мальчики? — пропищал он.

— Профессор, Поттеру прислали метлу, — выпалил Малфой и замер, явно довольный собой.

— Да, да, всё в порядке, — профессор Флитвик широко улыбнулся Гарри. — Вы знаете, Поттер, профессор МакГонагалл рассказала мне о сделанном для вас исключении. А что это за модель?

— Это «Нимбус-2000», сэр, — пояснил Гарри, сдерживая улыбку: он видел, что Малфой смотрит на него с непониманием и ужасом. — Я должен поблагодарить Малфоя за то, что мне досталась такая метла.

Крэбб и Гойл расступились, и Гарри с Роном пошли вверх по лестнице, трясясь от беззвучного смеха. Малфой же выглядел разъярённым и одновременно беспомощным.

— Самое смешное, что это правда, — хихикнул Гарри, когда они оказались на самом верху мраморной лестницы. — Если бы Малфой не схватил напоминалку Невилла, то я не вошёл бы в команду…

— Значит, ты полагаешь, что это награда за то, что ты нарушил школьные правила? — раздался сзади гневный голос. Они оглянулись и увидели

поднимающуюся по лестнице Гермиону Грэйнджер. Она неодобрительно смотрела на свёрток в руках Гарри.

— Кажется, ты с нами не разговаривала, — заметил Гарри.

— И ни в коем случае не изменяй своего решения, — добавил Рон. — Тем более что оно приносит нам так много пользы.

Гермиона гордо прошла мимо, задрав нос к потолку.

В тот день Гарри было нелегко сосредоточиться на уроках. Его мысли всё время уносились то наверх, в спальню, где под кроватью лежала его новая метла, то на площадку для квиддича, где ему предстояло тренироваться сегодня вечером. За ужином он не ел, а буквально проглатывал еду, даже не замечая, что именно глотает. Потом вместе с Роном помчался наверх, чтобы наконец распаковать «Нимбус».

— Вот это да! — восхищённо выдохнул Рон, не в силах оторвать глаз от открывшегося им чуда.

Даже Гарри, который не разбирался в мётлах, был впечатлён. Отполированная до блеска ручка из красного дерева, длинные прямые прутья и золотые буквы «Нимбус-2000» — словом, метла была просто загляденье.

Когда до семи оставалось совсем немного времени, Гарри вышел из замка и пошёл к площадке для квиддича. Оказалось, там был целый стадион. Ничего подобного он никогда не видел. Ряды сидений располагались куда выше, чем на обычном стадионе, для того чтобы зрители могли отчётливо видеть, что происходит в воздухе. На противоположных концах поля стояло по три золотых шеста с прикреплёнными сверху кольцами. Шесты с кольцами напомнили Гарри пластмассовые палочки, с помощью которых дети маглов надувают мыльные пузыри. Только эти шесты были высотой по двадцать метров.

Гарри так сильно захотелось снова оказаться в воздухе, что он, не став дожидаться Вуда, оседлал метлу, оттолкнулся и взмыл в небо. Это было ни с чем не сравнимое чувство. Для начала Гарри спикировал в одно из колец, поднялся вверх через другое, а потом стал носиться взад и вперёд над полем. Метла «Нимбус-2000» молниеносно реагировала на малейшее движение Гарри, делая в точности то, чего он хотел.

— Эй, Поттер, спускайся!

На стадионе появился Оливер Вуд с большим деревянным футляром под мышкой. Гарри приземлился рядом с ним.

— Прекрасно, — закивал Вуд. Глаза его горели. — Теперь я понимаю, что имела в виду профессор МакГонагалл… Ты действительно словно родился в воздухе. Сегодня я просто объясню тебе правила, а затем ты начнёшь тренироваться вместе со сборной. Мы собираемся три раза в неделю.

Он открыл футляр. Внутри лежали четыре мяча разных размеров.

— Отлично, — подытожил Вуд. — Итак, правила игры в квиддич достаточно легко запомнить, хотя играть в него не слишком просто. С каждой стороны выступает по семь игроков. Три из них — охотники.

— Охотников трое, — повторил Гарри, глядя, как Вуд достаёт ярко-красный мяч, по размерам напоминающий мяч для игры в футбол.

— Этот мяч называется квоффл, — пояснил Вуд. — Охотники передают друг другу этот мяч и пытаются забросить его в одно из колец соперника. За каждое попадание — десять очков. Понял?

— Охотники передают друг другу этот мяч и пытаются забросить его в кольцо, — повторил Гарри. — Значит, квиддич — это нечто вроде баскетбола на мётлах и с шестью кольцами?

— А что такое баскетбол? — с любопытством

спросил Вуд.

— Да так, ничего особенного, — быстро произнёс Гарри.

— Затем, у каждой команды есть вратарь, — продолжил Вуд. — Я — вратарь команды Гриффиндора. Я должен летать около наших колец и мешать сопернику забросить в них мяч.

— Три охотника, один вратарь, — чётко подытожил Гарри, который не собирался упускать ничего из того, что ему рассказывает Вуд. — И они играют мячом, который называется квоффл. Всё ясно, я понял. А эти зачем?

Гарри кивнул на три мяча, оставшихся лежать в футляре.

— Сейчас покажу, — пообещал Вуд. — Возьми это.

Он протянул Гарри небольшую биту, немного напоминающую ту, которой играют в крикет.

— Сейчас ты увидишь, что делают на поле загонщики, — пояснил он. — Кстати, эти два мяча называются бладжеры.

Вуд говорил о двух мячах иссиня-чёрного цвета — по размерам они чуть уступали квоффлу.

Мячи лежали в футляре в специальных углублениях и были прихвачены эластичными лентами — наверное, чтобы не выпали из своих гнёзд

при транспортировке. Гарри показалось, что сейчас мячи пытаются подпрыгивать, растягивая держащие их ленты.

— Отойди, — предупредил Вуд. Он встал на колени сбоку от ящика и сдвинул резинку с одного из мячей.

В ту же секунду чёрный мяч взлетел высоко в небо, а потом ринулся вниз, похоже, целясь прямо в голову Гарри. Гарри взмахнул битой — ему совсем не хотелось, чтобы мяч сломал ему нос, — и сильным ударом послал его вверх. Мяч со свистом взмыл в небо, а потом обрушился на Вуда. Тот, дождавшись, пока стремительно падающий с небес мяч окажется совсем близко, в хитроумном прыжке умудрился накрыть мяч сверху и прижать его к земле.

— Видишь? — выдохнул Вуд и с трудом засунул сопротивляющийся мяч обратно в футляр и закрепил его эластичными лентами. — Бладжеры на огромной скорости летают по полю, пытаясь сбить игроков с мётел. Поэтому в каждой команде есть два загонщика. В нашей команде это близнецы Уизли. Их задача заключается в том, чтобы защитить всех нас от бладжеров и попытаться отбить их так, чтобы они полетели в игроков противоположной команды. Таким образом… Ты

точно всё запомнил?

— Трое охотников пытаются забросить мяч в кольца, вратарь охраняет эти кольца, загонщики отбивают бладжеры, — без запинки выпалил Гарри.

— Отлично, — похвалил Вуд.

— Э-э-э… — начал Гарри, надеясь, что его вопрос прозвучит так, словно задан как бы между прочим. — А бладжеры ещё никого не убили?

— В Хогвартсе — нет, — не слишком обнадёживающе ответил Вуд. — Пару раз случалось, что бладжер ломал игроку челюсть, но не более того. А теперь пойдём дальше. Последний член команды — ловец. То есть ты. И тебе не надо беспокоиться ни о квоффле, ни о бладжерах…

— Пока они не пробьют мне голову, — не удержался Гарри.

— Успокойся, Уизли прекрасно справляются со своей задачей — они сами как бладжеры, только в человеческом обличье.

Вуд запустил руку в футляр и вытащил последний, четвёртый мяч. По сравнению с предыдущими он был совсем крошечный, размером с большой грецкий орех. Он был ярко-золотого цвета, по бокам у него были трепещущие серебряные крылышки.

— А это, — сказал Вуд, — это золотой снитч, самый главный мяч в игре. Его очень тяжело поймать, потому что он летает с огромной скоростью, и его сложно заметить. Как раз ловец и должен его ловить. Тебе нужно постоянно перемещаться по полю, чтобы поймать его, прежде чем это сделает ловец другой команды. Команда, поймавшая снитч, сразу получает дополнительные сто пятьдесят очков — а это практически равносильно победе. Именно поэтому против ловцов часто применяют запрещённые приёмы. Матч заканчивается только тогда, когда одна из команд поймает снитч, так что он может тянуться веками. Кажется, самая долгая игра продолжалась три месяца. А так как команды играли без перерыва, то игроков приходилось постоянно заменять, чтобы те могли хоть немного поспать. Ну, есть вопросы?

Гарри покачал головой. Он отлично понял, что должен делать на поле. Проблема заключалась лишь в том, как это делать.

— Со снитчем мы пока практиковаться не будем. — Вуд аккуратно положил золотой мячик обратно в футляр. — Уже слишком темно, мы можем его потерять. Давай попробуем вот с этим.

Он вытащил из кармана несколько мячиков

для обычного гольфа. Уже через несколько минут мальчики поднялись в воздух. Вуд начал кидать мяч за мячом, посылая их с максимальной силой и в самых разных направлениях, чтобы Гарри учился их ловить.

Гарри поймал все мячи до единого, и Вуд был в восторге. После получасовой тренировки стало совсем темно, и они уже не могли продолжать.

— В этом году на Кубке школы по квиддичу выгравируют название нашей команды, — со счастливой улыбкой произнёс Вуд, когда они устало тащились в сторону замка. — Наш предыдущий ловец, Чарли Уизли, мог бы сейчас играть за сборную Англии, если бы не уехал изучать своих любимых драконов. Но я не удивлюсь, если ты окажешься лучшим игроком, чем он.

* * *

Наверное, именно из-за постоянной занятости — уроки, домашние задания, а плюс ко всему три тренировки в неделю — Гарри не заметил, как пролетели целых два месяца с тех пор, как он приехал в Хогвартс.

За два месяца замок стал его настоящим домом. А дому номер четыре по Тисовой улице так и не удалось этого добиться за десять лет. В Хогвартсе

он чувствовал себя уютно, здесь у него появились друзья. К тому же здесь было ужасно интересно, в том числе и на уроках, которые стали куда увлекательнее с тех пор, как первокурсники освоили азы и приступили к изучению более сложной программы.

Проснувшись утром в канун Хэллоуина, ребята почувствовали восхитительный запах запечённой тыквы — непременного атрибута этого праздника. А потом на уроке по заклятиям профессор Флитвик объявил, что, на его взгляд, они готовы приступить к тому, о чём давно мечтал Гарри. С тех пор как профессор Флитвик заставил жабу Невилла несколько раз облететь класс, Гарри, как и все остальные, умирал от нетерпения овладеть этим искусством. Профессор Флитвик разбил всех учеников на пары. Партнёром Гарри оказался Симус Финниган, чему Гарри ужасно обрадовался, — он видел, с какой надеждой смотрит на него Невилл, пытающийся привлечь к себе его внимание. А вот Рону не повезло — ему в напарники досталась Гермиона Грэйнджер. Хотя Гермиона, кажется, тоже не была в восторге. Сложно даже было сказать, кто из них выглядел более раздосадованным. Гермиона ни разу не заговорила с Гарри и Роном с того самого дня,

когда Гарри получил метлу.

— Не забудьте те движения кистью, которые мы с вами отрабатывали, — попискивал профессор Флитвик. — Кисть вращается легко, и резко, и со свистом. Запомните — легко, и резко, и со свистом. И очень важно правильно произносить магические слова — не забывайте о волшебнике Баруффио. Он произнёс «эс» вместо «эф» и в результате обнаружил, что лежит на полу, а у него на груди стоит буйвол.

Достичь результата оказалось непросто. Гарри делал всё так, как учил профессор Флитвик, но перо, которое они с Симусом по очереди пытались поднять в воздух, не отрывалось от парты. Нетерпеливый Симус быстро вышел из себя и начал тыкать перо своей волшебной палочкой, из которой вылетали искры. В итоге он умудрился поджечь его — Гарри пришлось тушить перо своей остроконечной шляпой.

Рону, стоявшему за соседним столом, тоже не слишком везло.

— *Вингардиум Левиоса!* — кричал он, размахивая своими длинными руками, как ветряная мельница. Но лежавшее перед ним перо оставалось неподвижным.

— Ты неправильно произносишь заклина-

ние, — донёсся до Гарри недовольный голос Гермионы. — Надо произносить так: Винг-*гар*-диум Леви-*о*-са, в слоге «гар» должна быть длинная «а».

— Если ты такая умная, сама и пробуй, — прорычал в ответ Рон.

Гермиона закатала рукава своей мантии, взмахнула палочкой и произнесла заклинание. Перо оторвалось от парты и зависло над Гермионой на высоте примерно полутора метров.

— О, великолепно! — зааплодировал профессор Флитвик. — Все видели: мисс Грэйнджер удалось!

К концу занятий Рон был в очень плохом расположении духа.

— Неудивительно, что её никто не выносит, — пробурчал он, когда они пытались пробиться сквозь заполнившую коридор толпу школьников. — Если честно, она — настоящий кошмар.

Наконец они выбрались из толпы. Но в этот момент кто-то врезался в Гарри сбоку, видимо не заметив его. Это была Гермиона. Она тут же метнулась обратно в толпу, но Гарри успел разглядеть её заплаканное лицо, и это его встревожило.

— По-моему, она услышала, что ты сказал, —

озабоченно произнёс он, повернувшись к Рону.

— Ну и что? — отмахнулся Рон, но, кажется, ему стало немного неуютно. — Она уже должна была заметить, что никто не хочет с ней дружить.

Гермиона не появилась на следующем уроке и до самого вечера никто вообще не знал, где она. Лишь спускаясь в Большой зал на банкет, посвящённый Хэллоуину, Гарри и Рон случайно услышали, как Парвати Патил рассказывала своей подружке Лаванде, что Гермиона плачет в женском туалете и никак не успокаивается, прося оставить её в покое. Судя по виду, Рону стало совсем не по себе. Но уже через несколько мгновений, когда они вошли в празднично украшенный Большой зал, Рон и думать забыл о Гермионе.

На стенах и потолке сидели, помахивая крыльями, тысячи летучих мышей, а ещё несколько тысяч летали над столами, подобно низко опустившимся чёрным тучам. От этого огоньки воткнутых в тыквы свечей трепетали. Как и на банкете по случаю начала учебного года, на столах стояли пустые золотые блюда, на которых вдруг внезапно появились самые разнообразные яства.

Гарри накладывал себе в тарелку запечённые в мундире картофелины, когда в зал вбежал

профессор Квиррелл. Его тюрбан сбился набок, а на лице читался страх. Все собравшиеся замерли, глядя, как Квиррелл подбежал к креслу профессора Дамблдора и, тяжело опираясь на стол, простонал:

— Тролль! Тролль… в подземелье… спешил вам сообщить…

И Квиррелл, потеряв сознание, рухнул на пол.

В зале поднялась суматоха. Понадобилось несколько громко взорвавшихся фиолетовых фейерверков, вылетевших из волшебной палочки профессора Дамблдора, чтобы снова воцарилась тишина.

— Старосты! — прогрохотал Дамблдор. — Немедленно уводите свои факультеты в спальни!

Перси тут же вскочил из-за стола, явно чувствуя себя в своей стихии.

— Быстро за мной! — скомандовал он. — Первокурсники, держитесь вместе! Если будете слушать меня, ничего страшного не случится! Пропустите первокурсников, пусть подойдут ко мне! Никому не отставать! И всем выполнять мои приказы — я здесь староста!

— Как мог тролль пробраться в замок? — спросил Гарри у Рона, когда они быстро поднимались по лестнице.

— Не спрашивай меня, откуда я знаю? — пожал плечами Рон. — Вообще-то это странно — говорят, что тролли ужасно глупые. Может, его впустил Пивз, решил так пошутить перед Хэллоуином?

Судя по оживлённому движению на лестницах, эвакуация шла полным ходом. Только ученики из Пуффендуя оправдывали репутацию своего факультета: они потерянно столпились в одном из коридоров и мешали пройти остальным. Гарри и Рон прокладывали себе дорогу сквозь толпу, когда Гарри вдруг схватил Рона за рукав.

— Я только что вспомнил: Гермиона!

— А что Гермиона? — не понял Рон.

— Она не знает про тролля.

Рон прикусил губу.

— Ладно, — отрывисто произнёс он через несколько секунд, которые, судя по всему, понадобились ему на то, чтобы призвать на помощь всё своё мужество. — Но если Перси нас заметит…

Пригнувшись, они влезли в самую середину группы школьников из Пуффендуя, которые наконец двинулись к своей башне — то есть в противоположном направлении. Никто не обратил на них внимания, и через какое-то время они вынырнули из толпы, быстро пробежали по опустевшему боковому проходу и устремились к

женским туалетам. До цели было подать рукой. Они уже сворачивали за угол, когда сзади послышались быстрые шаги.

— Это Перси! — прошипел Рон, хватая Гарри и прячась вместе с ним за большим каменным грифоном.

Однако мимо них пробежал вовсе не Перси, а профессор Снегг. Он пересёк коридор и пропал из вида.

— Что это он тут делает? — прошептал Гарри. — Почему он не в подвалах вместе с другими учителями?

— Думаешь, я знаю?

Они на цыпочках вошли в следующий коридор — как раз туда, где скрылся Снегг, удаляющиеся шаги которого они отчётливо слышали.

— Он направляется на третий этаж, — начал было Гарри, но Рон поднял руку.

— Чувствуешь запах?

Гарри принюхался и сморщил нос. В воздухе пахло смесью грязных носков и общественного туалета, в котором много лет никто не убирался.

Вслед за запахом появился звук — низкий рёв и шарканье гигантских подошв. Рон указал рукой в конец коридора — оттуда что-то огромное двигалось в их направлении. Они отпрянули в

тень, наблюдая, как ЭТО выходит на освещённый луной отрезок коридора.

Это было нечто ужасное: примерно четырёх метров ростом, с тусклой гранитно-серой кожей, бугристым телом, напоминающим валун, и крошечной лысой головой, больше похожей на кокосовый орех. У тролля были короткие ноги толщиной с дерево и плоские мозолистые ступни. Руки у него были намного длиннее ног, и потому гигантская дубина, которую тролль держал в руке, волочилась за ним по полу, а исходивший от него запах мог сразить получше любой дубины.

Тролль остановился, застыл у дверного проёма и, нагнувшись, заглянул внутрь. Он зашевелил длинными ушами, кажется пытаясь принять какое-то решение. Процесс затянулся, потому что мозг у тролля, если судить по размерам головы, был крошечный. Однако в конце концов решение было принято — и тролль, сгорбившись, пролез в комнату.

— Смотри — ключ остался в замке, — прошептал Гарри, — мы можем запереть его там.

— Неплохая идея, — нервно ответил Рон.

Когда они крались к двери, у Гарри всё пересохло во рту, да и у Рона, наверное, тоже. Моля небо о том, чтобы тролль не вышел из комнаты,

они подкрались совсем близко. А потом Гарри метнулся вперёд, захлопнул дверь и повернул в замке ключ.

— Есть!

Окрылённые успехом, раскрасневшиеся от гордости, они направились туда, откуда пришли, но не успели добежать до угла, как до них донёсся отчаянный вопль ужаса. И исходил он из той комнаты, которую Гарри запер несколько секунд назад.

— О, нет, — тихо произнёс Рон, бледнея, как Кровавый Барон.

— Это же женский туалет! — выдохнул Гарри.

— Гермиона! — через мгновение воскликнули оба.

Меньше всего на свете им хотелось совершить то, что им предстояло, но разве у них был выбор? Резко развернувшись, они рванулись обратно к двери. Руки у Гарри дрожали от страха, и он никак не мог повернуть ключ в замке. Наконец ему это удалось. Он потянул на себя дверь, и они с Роном влетели внутрь.

Гермиона Грэйнджер стояла у стены прямо напротив двери. Она вся сжалась, словно пыталась, подобно привидению, просочиться сквозь стену. Вид у неё был такой, словно она сейчас потеряет

сознание. Тролль приближался к ней, размахивая дубиной и сбивая со стен прикреплённые к ним раковины.

— Отвлеки его! — крикнул Гарри Рону, услышав в собственном голосе отчаяние. Он схватил валявшуюся на полу затычку для умывальника и что есть силы метнул её в стену.

Тролль замер в каком-то метре от Гермионы. Он неуклюже развернулся, чтобы посмотреть, кто произвёл такой шум. Его маленькие злые глаза уткнулись в Гарри. Тролль заколебался, решая, на кого ему напасть, а потом шагнул к Гарри, поднимая свою дубину.

— Эй, пустая башка! — заорал Рон, успевший добежать до угла туалетной комнаты, и швырнул в тролля куском металлической трубы.

Кажется, тролль даже не обратил внимания на то, что кусок железа ударил его в плечо. Зато он услышал крик и снова остановился, поворачивая свою уродливую физиономию к Рону и предоставляя Гарри возможность оббежать его и оказаться рядом с Гермионой.

— Давай, бежим! Бежим! — кричал Гарри, пытаясь тянуть Гермиону за собой к двери. Но она не двигалась и не поддавалась, словно приросла к стене. Рот её был открыт от ужаса.

Крики Гарри и разносящееся по комнате эхо, рикошетом отлетающее от стен, привели тролля в ещё большее замешательство. Он явно растерялся, когда перед ним оказалось так много целей, и не знал, что ему делать. Вдруг тролль заревел и шагнул к Рону: тот был ближе всех к нему и ему некуда было бежать.

И тут Гарри совершил очень отважный и одновременно очень глупый поступок — он разбежался и прыгнул на тролля сзади, умудрившись вцепиться в его шею и обхватить её сзади обеими руками. Тролль, с учётом его размеров, разумеется, не мог почувствовать, что на нём повис маленький худенький Гарри, но даже тролль не мог не заметить, что ему в нос суют длинный кусок дерева. В момент прыжка Гарри держал в руках палочку, которую зачем-то вытащил, влетев в комнату. Он явно сделал это подсознательно, ведь ему, первокурснику, палочка никак не могла помочь в борьбе с троллем. Но оказалось, что Гарри вытащил её не зря, и когда он в прыжке вцепился в шею тролля, обхватив её сзади обеими руками, зажатая в правой руке палочка воткнулась троллю глубоко в ноздрю.

Завывая от боли, тролль завертелся и замахал дубиной, а Гарри висел на нём, что есть силы

цепляясь за шею. В любую секунду тролль мог сбросить его на пол или расплющить ударом дубины.

Гермиона, от ужаса почти теряющая сознание, осела на пол. А Рон выхватил свою волшебную палочку, совершенно не представляя, что собирается делать, и выкрикнул первое, что пришло в голову:

— *Вингардиум Левиоса!*

Внезапно дубина вырвалась из руки тролля, поднялась в воздух и зависла на мгновение, потом медленно перевернулась и с ужасным треском обрушилась на голову своего владельца. Тролль зашатался и упал ничком, ударившись об пол с такой силой, что стены комнаты задрожали.

Гарри поднялся на ноги. Его колотило, и он никак не мог перевести дух. Рон застыл на месте с поднятой палочкой, непонимающе глядя на результат своего труда.

— Он… он мёртв? — первой нарушила тишину Гермиона.

— Не думаю, — ответил Гарри, обретя дар речи вторым. — Я полагаю, он просто в нокауте.

Гарри нагнулся и вытащил из носа тролля свою волшебную палочку. Она вся была покрыта чем-то похожим на засохший серый клей.

— Фу, ну и мерзкие у него сопли.

Гарри вытер палочку о штаны тролля.

Хлопанье дверей и громкие шаги заставили всех троих поднять головы. Они даже не отдавали себе отчёта в том, какой шум они тут подняли. Кто-то внизу, должно быть, услышал тяжёлые удары и рёв тролля, и мгновение спустя в комнату ворвалась профессор МакГонагалл, за ней профессор Снегг, а за ними профессор Квиррелл. Квиррелл взглянул на тролля, тихо заскулил и тут же плюхнулся на пол, схватившись за сердце.

Снегг нагнулся над троллем, а профессор МакГонагалл сверлила взглядом Гарри и Рона. Гарри никогда не видел её настолько разозлённой. У неё даже губы побелели. Гарри надеялся, что за победу над троллем им дадут пятьдесят призовых очков, но сейчас приятная мысль быстро улетучилась из его головы.

— О чём, позвольте вас спросить, вы думали? — В голосе профессора МакГонагалл была холодная ярость. Гарри покосился на Рона, который не двигался с места и всё ещё держал в поднятой руке волшебную палочку. — Вам просто повезло, что вы остались живы. Почему вы не в спальне?

Снегг скользнул по лицу Гарри острым как нож взглядом. Гарри уставился в пол. Ему почему-то

очень хотелось, чтобы Рон наконец опустил свою палочку.

И вдруг из тени донёсся слабый голос.

— Профессор МакГонагалл, они оказались здесь, потому что искали меня.

— Мисс Грэйнджер!

Гермионе каким-то чудом удалось встать на ноги.

— Я пошла искать тролля, потому что… Потому что я подумала, что сама смогу с ним справиться… Потому что я прочитала о троллях всё, что есть в библиотеке, и всё о них знаю…

Рон от неожиданности уронил палочку. Гарри его понимал. Кто бы мог поверить, что Гермиона Грэйнджер — подумать только, Гермиона Грэйнджер — врёт в лицо преподавателю?! Даже если бы Гарри не знал, кто такая Гермиона, ему бы всё равно не пришло в голову, что она может врать, — настолько правдиво звучал её голос.

— Если бы они меня не нашли, я была бы уже мертва, — продолжила Гермиона. — Гарри прыгнул ему на шею и засунул в ноздрю палочку, а Рон заколдовал его дубину и отправил его в нокаут. У них просто не было времени, чтобы позвать кого-нибудь из профессоров. Когда они появились, тролль уже собирался меня прикончить.

Гарри и Рон пытались придать своим лицам такое выражение, словно эта история их совсем не удивила — словно всё произошло именно так, как описывала Гермиона.

— Ну что ж, в таком случае… — задумчиво произнесла профессор МакГонагалл, оглядев всех троих. — Мисс Грэйнджер, глупая вы девочка, как вам могло прийти в голову, что вы сами сможете усмирить горного тролля?!

Гермиона опустила голову. А Гарри был настолько поражён, что, кажется, снова утратил дар речи. Уж кто-кто, а Гермиона никогда бы не нарушила школьные правила, но сейчас она представила всё так, словно сознательно пошла на серьёзное нарушение. И всё это для того, чтобы вытащить их с Роном из беды. Это было так же неожиданно, как если бы Снегг начал раздавать школьникам сладости.

— Мисс Грэйнджер, по вашей вине на счёт Гриффиндора записываются пять штрафных очков! — сухо произнесла профессор МакГонагалл. — Я была о вас очень высокого мнения и весьма разочарована вашим проступком. Если с вами всё в порядке, вам лучше вернуться в башню Гриффиндора. Все факультеты заканчивают прерванный банкет в своих гостиных.

Гермиона вышла из комнаты. Профессор МакГонагалл повернулась к Гарри и Рону.

— Что ж, даже выслушав историю, рассказанную мисс Грэйнджер, я всё ещё утверждаю, что вам просто повезло. Но тем не менее далеко не каждый первокурсник способен справиться со взрослым горным троллем. Каждый из вас получает по пять призовых очков. Я проинформирую профессора Дамблдора о случившемся. Вы можете идти.

Они поспешно вышли из туалета и не произнесли ни слова до тех пор, пока не поднялись на два этажа и наконец вздохнули с облегчением. Было очень приятно оказаться вдали от тролля, его запаха, да и всего связанного с этой историей.

— Могла бы дать нам больше чем десять очков, — проворчал Рон.

— Ты хотел сказать — пять, — поправил его Гарри. — Не забывай, что она на пять очков наказала Гермиону.

— Она молодец, что вытащила нас из беды, — признал Рон. — Хотя мы ведь на самом деле её спасли.

— Возможно, нам не пришлось бы её спасать, если бы мы не заперли тролля в туалете, — напомнил Гарри.

Они подошли к портрету Толстой Леди.

— Свиной пятачок, — в один голос произнесли они и влезли внутрь.

Внутри было людно и шумно. Все дружно компенсировали упущенное на банкете, поглощая принесённую наверх еду. Все, кроме Гермионы, стоявшей в стороне и поджидавшей их. Гарри и Рон подошли к ней и замерли, не зная, что сказать. А затем вдруг каждый из них произнёс: «Спасибо». И они поспешили к столу.

С этого момента Гермиона Грэйнджер стала их другом. Есть события, пережив которые, нельзя не проникнуться друг к другу симпатией. И победа над четырёхметровым горным троллем, несомненно, относится к таким событиям.

Глава 11
Квиддич

В начале ноября погода сильно испортилась. Расположенные вокруг замка горы сменили зелёный цвет на серый, озеро стало напоминать заледеневшую сталь, а земля каждое утро белела инеем. Из окон башни Гарри несколько раз видел, как Хагрид размораживал мётлы на площадке для обучения полётам. Хагрид был одет в длинную кротовую шубу, огромные ботинки, утеплённые бобровым мехом, и варежки из кроличьей шерсти.

В школе начались соревнования по квиддичу. В субботу Гарри впервые предстояло выйти на поле после нескольких недель регулярных и тяжёлых тренировок. Сборная Гриффиндора встречалась со сборной Слизерина. В случае победы сборная Гриффиндора выходила на второе место в школьном чемпионате.

Практически никто не видел, как Гарри играет в квиддич, — так решил Вуд, заявивший, что Гарри является секретным оружием команды, а значит, и его мастерство надо держать в сек-

рете. Но известие о том, что Гарри стал ловцом в команде Гриффиндора, каким-то образом всё же просочилось за пределы сборной. И теперь Гарри не знал, что хуже, — одни уверяли его, что он будет великолепным игроком, а другие с издёвкой обещали бегать по полю с матрасом, чтобы поймать Гарри, когда тот будет падать.

Гарри по-настоящему повезло, что Гермиона стала его другом. Если бы не она, ему не удалось бы выполнять все домашние задания, потому что Вуд постоянно устраивал дополнительные тренировки, оповещая о них в самый последний момент. И, кстати, именно Гермиона дала ему почитать «Историю квиддича», которая оказалась очень интересной.

Из неё Гарри узнал, что в квиддиче правила можно нарушить семью сотнями разных способов — и все эти семьсот видов нарушений были отмечены во время матча за звание чемпиона мира в 1473 году. Он также узнал, что ловцами становятся самые маленькие и быстрые игроки и что большинство серьёзных инцидентов во время матчей связано именно с ловцами. И ещё он узнал, что, хотя несчастные случаи со смертельным исходом на поле случались очень редко, известны ситуации, когда посреди матча исчеза-

ли рефери, а много месяцев спустя их находили в пустыне Сахара.

С тех пор как Гарри и Рон спасли Гермиону от горного тролля, она стала куда спокойнее относиться к нарушениям школьной дисциплины, и общаться с ней стало гораздо приятнее. За день до первого матча с участием Гарри они втроём вышли на перемене в замёрзший двор. И там Гермиона продемонстрировала им своё мастерство — она достала из кармана стеклянную банку из-под джема, поставила её на землю, что-то произнесла, взмахнула палочкой, и в банке вдруг вспыхнуло яркое синее пламя. Самое интересное, что банку с огнём можно было спокойно переносить с места на место и даже класть в карман — синее пламя согревало, но не обжигало, а стекло банки оставалось холодным.

Они грелись вокруг банки, повернувшись к огню спинами, и вдруг во дворе появился Снегг. Гарри сразу заметил, что профессор сильно хромает. Гарри, Рон и Гермиона поплотнее сгрудились вокруг огня, чтобы Снегг не заметил его. Они не сомневались, что разводить во дворе огонь запрещено. Снегг не увидел огонь, зато, взглянув на их виноватые лица, нашёл другой повод для придирки. А Гарри не сомневался, что

Снегг его искал, и старательно.

— Что это там у вас, Поттер? — сухо спросил Снегг, подойдя к ним поближе.

Гарри держал в руках «Историю квиддича» и показал книгу профессору.

— Библиотечные книги запрещено выносить из здания школы, — проинформировал его Снегг. — Отдайте мне книгу. За ваш проступок вы получаете пять штрафных очков.

— Он только что придумал это правило, — сердито пробормотал Гарри, глядя вслед хромающему Снеггу. — Интересно, что у него с ногой?

— Не знаю, но надеюсь, что ему действительно больно, — мстительно произнёс Рон.

* * *

Тем вечером в Общей гостиной Гриффиндора было особенно шумно. Гарри, Рон и Гермиона сидели у окна — Гермиона проверяла их домашние задания по заклинаниям. Она никогда не давала им списывать, — «Как же вы тогда чему-нибудь научитесь?» — но зато согласилась проверять их домашние работы, и таким образом они всё равно узнавали от неё правильные ответы.

Гарри трясло от волнения. И он очень жалел, что Снегг не вернул ему «Историю квиддича», —

книга помогла бы ему расслабиться накануне его первого матча. Гарри спросил себя, почему, собственно, он должен бояться профессора Снегга? И, не найдя ответа, решительно встал, сообщив Рону и Гермионе, что пойдёт искать Снегга и попросит вернуть книгу.

— Лучше я, чем ты, — одновременно выпалили Рон и Гермиона, но Гарри покачал головой. Ему только что пришла в голову блестящая идея, заключавшаяся в том, что Снегг не откажет ему, если он обратится к профессору в присутствии других учителей.

Он спустился вниз к учительской и постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал ещё раз. Снова тишина.

Гарри вдруг подумал, что, скорее всего, Снегг оставил книгу именно здесь. В другой ситуации он бы развернулся и ушёл, но сейчас книга была ему нужна позарез, чтобы успокоиться перед завтрашней игрой. Так что риск был оправдан. Гарри приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Его глазам предстала ужасная картина.

В учительской были только Снегг и Филч. Снегг сидел, поддёрнув свою длинную мантию выше колен. Одна нога его была сильно изуродована и залита кровью. Справа от Снегга стоял Филч,

протягивающий ему бинт.

— Проклятая тварь, — произнёс Снегг. — Хотел бы я знать, сможет ли кто-нибудь следить одновременно за всеми тремя головами и пастями и избежать того, чтобы одна из них его не цапнула?

Гарри медленно попятился, закрывая за собой дверь, но…

— ПОТТЕР!

Лицо Снегга исказилось от ярости, и он быстро отпустил край мантии. Профессор явно не хотел, чтобы Гарри увидел его покалеченную ногу. Гарри судорожно сглотнул воздух.

— Я просто хотел узнать, не могу ли я получить обратно свою книгу.

— ВОН ОТСЮДА! НЕМЕДЛЕННО ВОН!

Гарри выскочил из учительской, прежде чем Снегг успел крикнуть что-либо насчёт очередных штрафных очков. И понёсся обратно в башню, перепрыгивая через две ступеньки.

— Удалось? — поинтересовался Рон, глядя на появившегося в комнате Гарри. — Эй, что с тобой?

Шёпотом Гарри рассказал им обо всём, что увидел.

— Поняли, что всё это значит? — выдохнул он,

закончив рассказ. — Он пытался пройти мимо того трёхголового пса, и это случилось в Хэллоуин! Мы с Роном искали тебя, чтобы предупредить насчёт тролля, и увидели его в коридоре — он направлялся именно туда! Он охотится за тем, что охраняет пёс! И готов поспорить на свою метлу, что это он впустил в замок тролля, чтобы отвлечь внимание и посеять панику, а самому спокойно похитить то, за чем он охотится!

Гермиона посмотрела на него округлившимися глазами.

— Нет, это невозможно, — возразила она. — Я знаю, что он не очень приятный человек, но он не стал бы пытаться украсть то, что прячет в замке Дамблдор.

— Честное слово, Гермиона, тебя послушать, так все преподаватели просто святые, — горячо возразил Рон. — Лично я согласен с Гарри. Снегг может быть замешан в чём угодно. Но за чем именно он охотится? Что охраняет этот пёс?

Когда Гарри оказался в постели, голова у него шла кругом от тех же самых вопросов. Рядом громко храпел Невилл. Но и без этого звукового сопровождения Гарри вряд ли смог бы заснуть. Он пытался очистить голову от мыслей — он должен был выспаться, просто обязан, ведь че-

рез несколько часов ему предстояло впервые в жизни выйти на поле. Но не так-то легко было забыть выражение лица Снегга, когда тот понял, что Гарри увидел его изуродованную ногу.

* * *

Следующее утро выдалось холодным, но солнечным. Большой зал был наполнен восхитительным запахом жареных сосисок и радостной болтовнёй — все предвкушали захватывающее зрелище.

— Тебе надо хоть что-нибудь съесть, — озабоченно заметила Гермиона, увидев, что Гарри сидит перед пустой тарелкой.

— Я ничего не хочу, — отрезал Гарри.

— Хотя бы один ломтик поджаренного хлеба, — настаивала она.

— Я не голоден, — решительно ответил Гарри, для пущей убедительности энергично помотав головой.

Он чувствовал себя ужасно. Ведь до его выхода на поле оставался всего час.

— Гарри, тебе надо набраться сил, — пришёл на помощь Гермионе Симус Финниган. — Против ловцов всегда играют грубее, чем против всех остальных.

— Спасибо, Симус, — с горькой иронией поблагодарил Гарри, глядя, как Финниган поливает сосиски кетчупом.

К одиннадцати часам стадион был забит битком — казалось, здесь собралась вся школа. У многих в руках были бинокли. Трибуны были расположены высоко над землёй, но тем не менее порой с них сложно было разглядеть то, что происходит в небе.

Рон, Гермиона, Невилл, Симус и поклонник футбольного клуба «Вест Хэм» Дин уселись на самом верхнем ряду. Чтобы сделать Гарри приятный сюрприз, они развернули огромное знамя, сделанное из той простыни Рона, которую изуродовала Короста. «Поттера в президенты» — было написано на знамени. А Дин, который умел хорошо рисовать, изобразил на знамени огромного льва, эмблему факультета Гриффиндор. Когда они развернули полотнище, Гермиона что-то прошептала себе под нос, и буквы и рисунок начали переливаться разными цветами.

Тем временем Гарри сидел в раздевалке вместе с остальными членами команды, натягивая на себя длинную красную спортивную мантию. Сборная Слизерина должна была выйти на поле в зелёной форме.

Вуд прокашлялся, призывая всех соблюдать тишину и привлекая к себе внимание.

— Итак, господа, — произнёс он.

— И дамы, — добавила Анджелина Джонсон, охотник сборной.

— И дамы, — согласился Вуд. — Итак, пришёл наш час.

— Великий час, — вставил Фред Уизли.

— Час, которого мы все давно ждали, — продолжил Джордж.

— Оливер всегда произносит одну и ту же речь, — шепнул Фред, повернувшись к Гарри. — В прошлом году мы тоже были в сборной, так что успели выучить её наизусть.

— Да замолчите вы, — оборвал его Вуд. — Такой сильной сборной, как сейчас, у нас не было много лет. Мы выиграем. Я это знаю.

Он обвёл свирепым взглядом всех собравшихся, словно хотел добавить что-то угрожающее, чтобы все усвоили, что будет с ними в случае поражения.

— Отлично, — закончил Вуд, видимо убедившись, что никто не думает о проигрыше. — Пора. Всем удачи.

Гарри вышел из раздевалки вслед за Фредом и Джорджем. От волнения у него подгибались

колени. Он надеялся, что, шагнув на поле под громкие аплодисменты, не упадёт на глазах у всех собравшихся.

Судила матч мадам Трюк. Она стояла в центре поля, держа в руках метлу и ожидая, пока команды выстроятся друг напротив друга.

— Итак, нам нужна красивая и честная игра. От всех и каждого из вас, — заявила она, жестом приказав всем подойти поближе.

Гарри показалось, что она обращается не ко всем игрокам, но лично к капитану сборной Слизерин, шестикурснику Маркусу Флинту. Гарри подумал, что Флинт выглядит так, словно в его родне были тролли. А потом заметил развёрнутое на трибуне знамя — «Поттера в президенты». Его сердце ёкнуло в груди. Гарри ощутил, как к нему возвращается смелость.

— Пожалуйста, оседлайте свои мётлы.

Гарри вскарабкался на свой «Нимбус-2000».

Мадам Трюк с силой дунула в серебряный свисток и взмыла высоко в воздух вместе с четырнадцатью игроками. Матч начался.

— …И вот квоффл оказывается в руках у Анджелины Джонсон из Гриффиндора. Эта девушка — великолепный охотник, и, кстати, она, помимо всего прочего, весьма привлекательна…

— ДЖОРДАН! — повысила голос профессор МакГонагалл, специально севшая рядом с комментатором матча Ли Джорданом, приятелем близнецов Уизли. Она прекрасно знала, что Джордана частенько заносит, а потому решила его контролировать.

— Извините, профессор, — поправился тот. — Итак, Анджелина совершает отличный манёвр, обводит соперников, точный пас Алисии Спиннет — это находка Оливера Вуда, в прошлом году она была лишь запасной, — снова пас на Джонсон и… Нет, мяч перехватила команда Слизерина. Он у капитана сборной Маркуса Флинта, который делает рывок вперёд. Флинт взмывает в небо, как орёл, сейчас он забросит мяч… Нет, в фантастическом прыжке мяч перехватывает вратарь Вуд, и Гриффиндор начинает контратаку. С мячом охотник Кэти Белл, она великолепно обводит Флинта справа, взмывает над полем и… О, какое невезение… наверное, это очень больно, получить удар бладжером по затылку. Мяч у команды Слизерина, Эдриан Пьюси летит к воротам соперника, но его останавливает второй бладжер… кажется, мяч в Пьюси послал Фред Уизли, хотя, возможно, это был Джордж, ведь их так непросто различить… В любом случае, загонщики Гриффиндор

проявили себя с лучшей стороны. Мяч в руках у Джонсон, перед ней никого нет, и она устремляется вперёд… Вот это полёт!.. Она уклоняется от набравшего скорость бладжера… она прямо перед воротами… давай, Анджелина!.. Вратарь Блетчли совершает бросок… промахивается… ГОЛ! Гриффиндор открывает счёт!

Аплодисменты болельщиков сборной Гриффиндор и стоны и вой поклонников Слизерин заполнили холодный воздух, своими эмоциями повышая его температуру.

— Эй вы, там, наверху, подвиньтесь! — донеслось до Рона и Гермионы.

— Хагрид!

Рон и Гермиона потеснились, пододвигая своих однокурсников, и Хагрид с трудом уселся на освободившееся место.

— Я-то поначалу из хижины своей за игрой следил, — произнёс он, похлопывая себя по висевшему на шее огромному биноклю. — Но всё ж тут, на стадионе, по-другому совсем, да! Толпа опять же вокруг, болеют все. Снитч не появлялся ещё, нет?

— Нет, — помотал головой Рон. — У Гарри пока не было работы.

— Хорошо хоть в переделку ещё не влип, это

уже неплохо. — Хагрид поднёс бинокль к глазам, вперяя взгляд в крошечную точку в небе, которая была Гарри Поттером.

Гарри парил над полем и, прищурив глаза, скользил взглядом по небу, пытаясь уловить приближение снитча. Это было частью его стратегии, разработанной Вудом.

— Держись подальше от игры, пока не увидишь снитч, — так сказал ему Вуд. — Ни к чему идти на риск и провоцировать соперника на то, чтобы против тебя грубо сыграли, пока в этом нет никакой нужды.

Когда Анджелина открыла счёт, Гарри, не в силах скрыть свою радость, описал над полем несколько кругов и снова начал всматриваться в небо. В какой-то момент он увидел золотую вспышку, но оказалось, что это солнечный блик от часов одного из близнецов Уизли. А спустя несколько секунд он вовремя заметил летящий на него со скоростью артиллерийского снаряда бладжер и уклонился от уподобившегося ядру чёрного мяча, а заодно от устремившегося за ним Фреда Уизли.

— Всё нормально, Гарри? — на лету прокричал Фред и мощным ударом послал бладжер в направлении Маркуса Флинта.

— Мяч у команды Слизерина, — тем временем комментировал происходящее в воздухе Ли Джордан. — Охотник Пьюси уклоняется от бладжера, ещё от одного, обводит близнецов Уизли и Кэти Белл и устремляется к… Стоп, не снитч ли это?

По толпе зрителей пробежал громкий шёпот, Эдриан Пьюси уронил переставший интересовать его квоффл и, оглянувшись назад, стал осматривать небо в поисках золотого мячика, который вдруг просвистел мимо его левого уха.

Гарри заметил свой мяч. Охваченный возбуждением, он резко спикировал вниз. Ловец сборной Слизерина Теренс Хиггс тоже увидел снитч. Он и Гарри одновременно устремились к нему, а все охотники застыли в воздухе, забыв о своём мяче и напряжённо глядя, как Гарри и Хиггс соревнуются в ловкости и скорости.

Гарри оказался быстрее, чем Хиггс, — он уже видел стремительно летящий перед ним маленький круглый мячик, видел его трепещущие крылышки и увеличил скорость, пытаясь его догнать. И…

БУМ!

Снизу, с трибун, донёсся возмущённый рёв болельщиков Гриффиндор — Маркус Флинт, напомнивший Гарри тролля, как бы случайно

на полном ходу врезался в Гарри, и тот отлетел в сторону, цепляясь за метлу и думая только о том, как удержаться в воздухе.

— Нарушение! — донеслось с трибун.

Мадам Трюк свистком остановила игру и, сделав строгое внушение Флинту, назначила свободный удар в сторону ворот Слизерин. Что касается снитча, то когда на поле воцарилась суматоха, золотой мяч, как и следовало ожидать, исчез в неизвестном направлении.

— Выгоните его с поля, судья! — вопил с трибуны так и не успокоившийся Дин Томас. — Красную карточку ему!

— Дин, ты, наверное, забыл, что ты не на своём любимом футболе, — напомнил ему Рон. — В квиддиче не удаляют с поля. Да, кстати, а что такое красная карточка?

К удивлению Рона, Хагрид занял сторону Дина.

— Значит, им надо правила менять, да! Ведь этот Флинт запросто мог Гарри на землю сбить!

Комментатор Ли Джордан, прекрасно зная, что обязан быть бесстрастным, всё же не удержался от того, чтобы обозначить свою позицию.

— Итак, после очевидного, намеренного и потому нечестного и отвратительного нарушения…

— Джордан! — прорычала профессор МакГо-

нагалл.

— Я хотел сказать, — поправился Джордан, — после этого явного и омерзительного запрещённого приёма…

— Джордан, я вас предупреждаю…

— Хорошо, хорошо. Итак, Флинт едва не убил ловца команды Гриффиндора Гарри Поттера, но, вне всякого сомнения, такое может случиться с каждым. — В словах Джордана сквозила неприкрытая ирония, но тут профессор МакГонагалл ничего не могла поделать. — Гриффиндор исполняет штрафной удар, мяч у Спиннет, она делает передачу назад, мяч по-прежнему у Гриффиндора, и…

Всё началось в тот момент, когда Гарри уклонялся от очередного бладжера, со страшным свистом пронёсшегося в опасной близости от его головы. Внезапно его метла резко накренилась вниз и сильно завибрировала. Гарри показалось, что сейчас он упадёт и разобьётся, но он удержался, крепко вцепившись в метлу руками и стиснув её коленями. Он в жизни не испытывал такого ощущения беспомощности и растерянности.

Ему удалось выровнять метлу, но несколько секунд спустя всё повторилось. Казалось, что метла хочет сбросить его. Гарри понимал, что

«Нимбусы-2000» не принимают внезапных решений относительно того, чтобы сбросить на землю своего седока, но тем не менее это происходило. Гарри попробовал развернуть метлу к своим воротам — в какую-то секунду ему показалось, что, возможно, стоит крикнуть Вуду, чтобы тот взял тайм-аут. Но тут метла полностью вышла из-под контроля. Он не мог сделать поворот, он вообще не мог ей управлять. Метла беспорядочно металась в небе, время от времени настолько резко разворачиваясь вокруг своей оси, что Гарри едва удерживался на ней.

Ли продолжал комментировать игру.

— Мяч у Слизерина… Флинт упускает мяч, тот оказывается у Спиннет… Спиннет делает пас на Белл… Белл получает сильный удар в лицо бладжером, надеюсь, бладжер сломал ей нос… Шучу, шучу, профессор… Слизерин забрасывает мяч. О, нет…

Болельщики Слизерина дружно аплодировали. Всеобщее внимание было приковано к игре, и никто не замечал, что метла Гарри ведёт себя, мягко говоря, странно. Она двигалась резкими рывками, поднимая Гарри всё выше и унося его в сторону от поля.

— Не пойму я, чего там Гарри творит? Чего он

себе думает, а? — бормотал Хагрид, следя за ним в бинокль. — Не знай я его, я б сказал, что не он метлой рулит, а она им… Да не, не может он…

Внезапно кто-то громким криком привлёк внимание к Гарри, и все взгляды устремились на него. Его метла резко перевернулась в воздухе, потом ещё раз, но он хоть с трудом, но удерживался на ней. А затем весь стадион ахнул. Метла неожиданно подпрыгнула, накренилась и, наконец, сбросила Гарри. Теперь он висел на метле, одной рукой вцепившись в рукоятку.

— Может быть, с ней что-то случилось, когда в него врезался Флинт? — прошептал Симус.

— Да нет, не должно так быть, — возразил Хагрид дрожащим голосом. — С такой метлой ничего плохого произойти вовсе не может, разве что тут Тёмная магия замешана, и сильная притом. Пареньку не под силу такое с «Нимбусом» проделать.

Услышав эти слова, Гермиона выхватила у Хагрида бинокль, но вместо того чтобы смотреть на Гарри, она навела его на толпу зрителей, напряжённо всматриваясь в неё.

— Ты что делаешь? — простонал Рон, лицо его было серым.

— Я так и знала, — выдохнула Гермиона. — Это

Снегг — смотри.

Рон схватил бинокль. На трибуне, расположенной прямо напротив них, сидел Снегг. Его взгляд был сфокусирован на Гарри, и он что-то безостановочно бормотал себе под нос.

— Он заколдовывает метлу, — пояснила Гермиона.

— И что же нам делать?

— Предоставь это мне.

Прежде чем Рон успел что-то сказать, Гермиона исчезла. Рон снова навёл бинокль на Гарри. Метла так сильно вибрировала, что было ясно: висеть ему на ней осталось недолго. Зрители вскочили на ноги и, раскрыв рты, с ужасом смотрели на то, что происходит. Близнецы Уизли рванулись на помощь Гарри, рассчитывая протянуть ему руку и перетащить на одну из своих мётел. Но ничего не получалось, — стоило им приблизиться на подходящее расстояние, как метла резко взмывала вверх. Уизли немного опустились вниз и кружили под Гарри, очевидно рассчитывая поймать его, когда он начнёт падать. А Маркус Флинт тем временем схватил мяч и пять раз подряд забросил его в кольцо Гриффиндора, пользуясь тем, что на него никто не смотрит.

— Ну давай же, Гермиона, — прошептал Рон.

Гермиона с трудом проложила себе дорогу к той трибуне, на которой сидел Снегг, и сейчас бежала по одному из рядов — Снегг находился рядом выше. Гермиона так торопилась, что даже не остановилась, чтобы извиниться перед профессором Квирреллом, которого она сбила с ног. Оказавшись напротив Снегга, она присела, вытащила волшебную палочку и произнесла несколько слов, которые давно уже вертелись в её мозгу. Из палочки вырвались ярко-синие языки пламени, коснувшиеся подола профессорской мантии.

Снеггу понадобилось примерно тридцать секунд, чтобы осознать, что он горит. Гермиона не смотрела в его сторону, делая вид, что она тут ни при чём, но его громкий вопль оповестил её, что со своей задачей она справилась. Снегг не видел Гермиону, и она незаметным движением смахнула с него пламя. Оно каким-то ей одной известным образом оказалось в маленькой баночке, которую она держала в кармане. По-прежнему не разгибаясь, Гермиона начала пробираться обратно, удаляясь от Снегга, и теперь профессор при всём желании не мог узнать, что именно с ним случилось.

Этого оказалось вполне достаточно. Гарри

вдруг удалось вскарабкаться на метлу.

— Невилл, можешь открыть глаза! — крикнул Рон. Последние пять минут Невилл сидел, уткнувшись лицом в куртку Хагрида, и громко плакал.

Судья Трюк не останавливала игру, игра остановилась сама, но всё равно никто не понял, почему Гарри, взобравшись на метлу, вдруг резко спикировал вниз. Внимание всего стадиона было по-прежнему приковано к нему, так что все отчётливо видели, как он внезапным движением поднёс руку ко рту, словно его вот-вот должно было стошнить. Гарри выровнял метлу у самой земли, скатился с неё, падая на четвереньки, закашлялся, и что-то блеснуло в его руке.

— Я поймал снитч! — громко закричал он, высоко подняв золотой мяч над головой. Игра закончилась в полной неразберихе.

— Да он его не поймал, он его почти проглотил, — всё ещё выл Флинт двадцать минут спустя, но его никто не слушал, потому что это не имело никакого значения, ведь Гарри не нарушил правил игры. Ли Джордан счастливым голосом прокричал в микрофон результат: сборная Гриффиндор победила со счётом 170:60. Однако Гарри ничего этого не слышал. Сразу после того, как он показал всем пойманный им золотой мячик, Рон,

Гермиона и Хагрид увели его в хижину Хагрида. И сейчас он сидел в ней и пил крепкий чай.

— Это всё Снегг, — горячо объяснял ему Рон. — Мы с Гермионой всё видели. Он смотрел на тебя, не отводя глаз, и шептал заклинания.

— Чушь, — возмутился Хагрид, который, когда с Гарри начали происходить непонятные вещи, с таким напряжением следил за ним, что не услышал, о чём шептались на трибуне Рон и Гермиона, и не заметил, что Гермиона куда-то отлучалась. — Зачем Снеггу делать такое?

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, думая, стоит ли говорить Хагриду правду. Гарри решил, что стоит.

— Я кое-что узнал о нём, — сообщил он Хагриду. — В Хэллоуин он пытался пройти мимо трёхголового пса. Пёс его укусил. Мы думаем, что он пытался украсть то, что охраняет этот пёс.

Хагрид от неожиданности уронил чайник.

— А вы откуда про Пушка разузнали? — спросил он, когда к нему вернулся дар речи.

— Про Пушка?

— Ну да — это ж моя собачка. Купил её у одного… э-э… парнишки, грека, мы с ним в прошлом году… ну… в баре познакомились, — пояснил Хагрид. — А потом я Пушка одолжил Дамблдо-

ру — чтоб охранять…

— Что? — быстро спросил Гарри.

— Всё, хватит мне тут вопросы задавать, — пробурчал Хагрид. — Это секрет. Самый секретный секрет, понятно вам?

— Но Снегг пытался украсть эту штуку, — продолжал настаивать Гарри, надеясь, что Хагрид вот-вот проговорится.

— Чепуха, — отмахнулся от него Хагрид. — Снегг — преподаватель школы Хогвартс. Он ничего такого в жизни не сделает.

— А зачем же он тогда пытался убить Гарри? — вскричала Гермиона.

Похоже, после всего случившегося сегодня она коренным образом изменила своё представление о Снегге, которого ещё вчера защищала от обвинений Гарри и Рона.

— Я знаю, что такое колдовство, Хагрид. Я всё о нём прочитала и сразу могу понять, когда кто-то пытается что-то заколдовать! Для того чтобы наложить заклятие, нужен зрительный контакт, а Снегг не сводил с Гарри глаз, даже не моргнул ни разу. Я наблюдала за ним в бинокль, и потом видела, когда к нему подкралась!

— А я вам говорю: неправда это! — выпалил разгорячившийся Хагрид. — Не знаю, что там

с метлой Гарри стряслось, но Снегг бы в жизни такое не вытворил, чтобы ученика попробовать убить! И вообще, вы трое, слушайте сюда: вы тут лезете в дела, которые вас не касаются вовсе, да! Вы лучше про Пушка забудьте и про то, что он охраняет, тоже забудьте. Эта штука только Дамблдора касается да Николаса Фламеля…

— Ага! — довольно воскликнул Гарри. — Значит, тут замешан некто по имени Николас Фламель, верно?

Судя по виду Хагрида, тот жутко разозлился на самого себя. Но изменить уже ничего не мог.

Глава 12
Зеркало Еиналеж

Приближалось Рождество. В середине декабря, проснувшись поутру, все обнаружили, что замок укрыт толстым слоем снега, а огромное озеро замёрзло. В тот же день близнецы Уизли получили несколько штрафных очков за то, что заколдовали слепленные ими снежки, и те начали летать за профессором Квирреллом, врезаясь ему в затылок. Те немногие совы, которым удалось в то утро пробиться сквозь снежную бурю, чтобы доставить почту в школу, были на грани смерти. И Хагриду пришлось основательно повозиться с ними, прежде чем они снова смогли летать.

Все школьники с нетерпением ждали каникул и уже не могли думать ни о чём другом. Может быть, потому, что в школе было ужасно холодно и всем хотелось разъехаться по тёплым уютным домам — всем, кроме Гарри, разумеется. Нет, в Общей гостиной Гриффиндора, в спальне и в Большом зале было тепло, потому что ревущее в каминах пламя не угасало ни на минуту. Зато продуваемые сквозняками коридоры обледенели,

а окна в промёрзших аудиториях дрожали и звенели под ударами ветра, грозя вот-вот вылететь.

Хуже всего ученикам приходилось на занятиях профессора Снегга, которые проходили в подземелье. Вырывавшийся изо ртов пар белым облаком повисал в воздухе, а школьники, забыв об ожогах и прочих опасностях, старались находиться как можно ближе к бурлящим котлам, едва не прижимаясь к ним.

— Поверить не могу, что кто-то останется в школе на рождественские каникулы, потому что дома их никто не ждёт, — громко произнёс Драко Малфой на одном из занятий по зельеварению. — Бедные ребята, мне их жаль…

Произнося эти слова, Малфой смотрел на Гарри. Крэбб и Гойл громко захихикали. Гарри, отмеривавший на своих крошечных и необычайно точных весах нужное количество порошка — в тот раз это был толчёный позвоночник морского льва, — сделал вид, что ничего не слышит. После памятного матча, в котором Гриффиндор победил благодаря Гарри, Малфой стал ещё невыносимее. Уязвлённый поражением своей команды, он пытался всех рассмешить придуманной им шуткой. Она заключалась в том, что в следующей игре вместо Гарри на поле выйдет древесная лягушка,

у неё рот шире, чем у Поттера, и потому она будет идеальным ловцом.

Однако Малфой быстро осознал, что его шутка никого не смешит, — возможно, Гарри поймал мяч очень своеобразным способом, но тем не менее он его поймал. И, более того, всех поразило, что ему удалось удержаться на взбесившейся метле. Малфой, ещё больше разозлившись и сгорая от зависти, вернулся к проверенной тактике и продолжил поддевать Гарри, напоминая ему и окружающим, что у него нет нормальной семьи.

Гарри действительно не собирался возвращаться на Тисовую улицу на рождественские каникулы. Неделю назад профессор МакГонагалл обошла все курсы, составляя список учеников, которые останутся на каникулы в школе, и Гарри тут же попросил внести его в этот список. При этом он совершенно не собирался себя жалеть — совсем наоборот, он не сомневался, что его ждёт лучшее Рождество в его жизни. Тем более что Рон с братьями тоже собирались остаться в Хогвартсе — их родители отправлялись в Румынию, чтобы проведать своего второго сына Чарли.

Когда по окончании урока они вышли из подземелья, то обнаружили, что путь им преградила неизвестно откуда взявшаяся в коридоре огром-

ная пихта. Однако показавшиеся из-за ствола две гигантские ступни и громкое пыхтение подсказали им, что пихту принёс сюда Хагрид.

— Привет, Хагрид, помощь не нужна? — спросил Рон, просовывая голову между веток.

— Не, я в порядке, Рон… но всё равно спасибо, — донеслось из-за пихты.

— Может быть, вы будете столь любезны и дадите мне пройти, — произнёс кто-то сзади, растягивая слова. Разумеется, это мог быть только Малфой. — А ты, Уизли, как я понимаю, пытаешься немного подзаработать? Я полагаю, после окончания школы ты планируешь остаться здесь в качестве лесника? Ведь хижина Хагрида по сравнению с домом твоих родителей — настоящий дворец.

Рон прыгнул на Малфоя как раз в тот момент, когда в коридоре появился Снегг:

— УИЗЛИ!

Рон неохотно отпустил Малфоя, которого уже успел схватить за грудки.

— Его спровоцировали, профессор Снегг, — пояснил Хагрид, высовываясь из-за дерева. — Этот Малфой его семью оскорбил, вот!

— Может быть, но в любом случае драки запрещены школьными правилами, Хагрид, —

елейным голосом произнёс Снегг. — Уизли, из-за тебя твой факультет получает пять штрафных очков, и можешь благодарить небо, что не десять. Проходите вперёд, нечего здесь толпиться.

Малфой, Крэбб и Гойл с силой протиснулись мимо Хагрида и его пихты, едва не сломав несколько веток и усыпав пол иголками. И ушли, глупо ухмыляясь.

— Я его достану, — выдавил из себя Рон, глядя в удаляющуюся спину Малфоя и скрежеща зубами. — В один из этих дней я обязательно его достану…

— Ненавижу их обоих, — признался Гарри. — И Малфоя, и Снегга.

— Да бросьте, ребята, выше нос, Рождество же скоро, — подбодрил их Хагрид. — Я вам вот чего скажу — пошли со мной в Большой зал, там такая красота сейчас, закачаешься!

Гарри, Рон и Гермиона пошли за волочившим пихту Хагридом в Большой зал. Там профессор МакГонагалл и профессор Флитвик развешивали рождественские украшения.

— Отлично, Хагрид, это ведь последнее дерево? — произнесла профессор МакГонагалл, увидев пихту. — Пожалуйста, поставьте его в дальний угол, хорошо?

Большой зал выглядел потрясающе. В нём стояло не менее дюжины высоченных пихт: одни поблёскивали нерастаявшими сосульками, другие сияли сотнями прикреплённых к веткам свечей. На стенах висели традиционные рождественские венки из белой омелы и ветвей остролиста.

— Сколько там вам осталось до каникул-то? — поинтересовался Хагрид.

— Всего один день, — ответила Гермиона. — Да, я кое-что вспомнила. Гарри, Рон, у нас есть полчаса до обеда, нам надо зайти в библиотеку.

— Ах, да, я и забыл, — спохватился Рон, с трудом отводя взгляд от профессора Флитвика.

Профессор держал в руках волшебную палочку, из которой появлялись золотые шары. Повинуясь Флитвику, они всплывали вверх и оседали на ветках только что принесённого Хагридом дерева.

— В библиотеку? — переспросил Хагрид, выходя с ними из зала. — Перед каникулами? Вы прям умники какие-то…

— Нет, к занятиям это не имеет никакого отношения, — с улыбкой произнёс Гарри. — С тех пор, как ты упомянул имя Николаса Фламеля, мы пытаемся узнать, кто он такой.

— Что? — Хагрид был в шоке. — Э-э… слушайте

сюда, я ж вам сказал, чтобы вы в это не лезли, да! Нет вам дела до того, что там Пушок охраняет, и вообще!

— Мы просто хотим узнать, кто такой Николас Фламель, только и всего, — объяснила Гермиона.

— Если, конечно, ты нам сам не расскажешь, чтобы мы не теряли время, — добавил Гарри. — Мы уже просмотрели сотни книг, но ничего так и не нашли. Может быть, ты хотя бы намекнёшь, где нам о нём прочитать? Кстати, я ведь уже слышал это имя, ещё до того, как ты его произнёс…

— Ничего я вам не скажу, — пробурчал Хагрид.

— Значит, нам придётся всё разузнать самим, — заключил Рон, и они, расставшись с явно раздосадованным Хагридом, поспешили в библиотеку.

С того самого дня, как Хагрид упомянул имя Фламеля, ребята действительно пересмотрели кучу книг в его поисках. А как ещё они могли узнать, что пытался украсть Снегг? Проблема заключалась в том, что они не представляли, с чего начать, и не знали, чем прославился Фламель, чтобы попасть в книгу. В «Великих волшебниках двадцатого века» он не упоминался, в «Выдающихся именах нашей эпохи» — тоже, равно как и в «Важных магических открытиях последнего

времени» и «Новых направлениях магических наук». Ещё одной проблемой были сами размеры библиотеки — тысячи полок вытянулись в сотни рядов, а на них стояли десятки тысяч томов.

Гермиона вытащила из кармана список книг, которые она запланировала просмотреть, Рон пошёл вдоль рядов, время от времени останавливаясь, наугад вытаскивая ту или иную книгу и начиная её листать. А Гарри побрёл по направлению к Особой секции, раздумывая о том, нет ли там чего-нибудь о Николасе Фламеле.

К сожалению, для того чтобы попасть в эту секцию, надо было иметь разрешение, подписанное кем-либо из преподавателей. Гарри знал, что никто ему такого разрешения не даст. А придумать что-нибудь очень убедительное ему бы вряд ли удалось. К тому же книги, хранившиеся в этой секции, предназначались вовсе не для первокурсников. Гарри уже знал, что эти книги посвящены высшим разделам Тёмной магии, которые не изучали в школе. Так что доступ к ним был открыт только преподавателям и ещё старшекурсникам, выбравшим в качестве специализации защиту от Тёмных сил.

— Что ты здесь ищешь, мальчик?

Перед Гарри стояла библиотекарь мадам Пинс,

угрожающе размахивая перьевой метёлкой, предназначенной для стряхивания пыли с книг.

Гарри не нашёлся что ответить.

— Тебе лучше уйти отсюда, — строго произнесла мадам Пинс. — Давай, уходи, кому сказала!

Гарри вышел из библиотеки, жалея о том, что не смог быстро придумать какое-нибудь оправдание. Они с Роном и Гермионой давно решили, что не будут обращаться к мадам Пинс с вопросом, где им найти информацию о Фламеле. Они были уверены, что она знает ответ. Но им не хотелось рисковать — поблизости мог оказаться Снегг, а ему не следовало знать, что именно их интересует.

Гарри стоял в коридоре у выхода из библиотеки и ждал, когда появятся его друзья. Особых надежд на то, что они преуспеют в своих поисках, у него не было. Ребята уже две недели пытались что-нибудь найти, но свободного времени, если не считать изредка выпадавших между уроками свободных минут, не было, так что вряд ли стоило удивляться, что они ничего не нашли. Всё, что им было нужно — это несколько часов в библиотеке, и обязательно в отсутствие мадам Пинс, чтобы она не присматривалась к тому, что они делают.

Через пять минут из библиотеки вышли Рон

и Гермиона, при виде Гарри сразу замотавшие головами. И все вместе пошли на обед.

— Вы ведь будете продолжать искать, когда я уеду на каникулы? — с надеждой спросила Гермиона. — Если что-то найдёте, сразу присылайте мне сову.

— Между прочим, ты вполне можешь поинтересоваться у своих родителей, не знают ли они, кто такой этот Фламель, — заметил Рон. — Это ведь родители — так что риска никакого…

— Абсолютно никакого, — согласилась Гермиона. — Особенно если учесть, что мои родители — стоматологи…

* * *

Когда каникулы наконец начались, Гарри и Рон слишком весело проводили время для того, чтобы думать о Фламеле. В спальне их осталось только двое, да и в Общей гостиной было куда меньше народа, чем во время учёбы. Поэтому они придвигали кресла как можно ближе к камину и сидели там часами, нанизывая на длинную металлическую вилку принесённые из Большого зала кусочки хлеба, лепёшки и кругляши зефира, поджаривая их на открытом огне и с аппетитом поедая.

Разумеется, они ни на секунду не умолкали даже с набитым ртом — ведь им было о чём поговорить. Главной темой, разумеется, был Малфой. Они изобретали десятки планов, как подставить Малфоя и добиться его исключения из школы. И неважно, что эти планы были явно неосуществимы, — об этом всё равно приятно было поговорить.

Ещё они играли в волшебные шахматы, которым Рон начал обучать Гарри. Это были практически те же самые шахматы, в которые играли маглы. Разница заключалась лишь в том, что фигурки были живые, и игрок ощущал себя полководцем, направляющим свои войска на противника. Шахматы Рона были очень старыми и потрёпанными временем. Как и все его вещи, они когда-то принадлежали кому-то из его родственников, в данном случае дедушке. Однако тот факт, что фигурки были древними, вовсе не мешал ему хорошо играть. Рон так отлично их изучил, что у него никогда не было проблем с тем, чтобы заставить их выполнить то, что он хочет.

Гарри играл фигурками, которые ему одолжил Симус Финниган, и они очень плохо его слушались, абсолютно не доверяя временному хозяину. К тому же Гарри был не слишком хорошим иг-

роком, и фигурки постоянно давали ему советы, сбивая его с толку:

«Не посылай меня туда, разве ты не видишь вражеского коня? Лучше пошли вон того, его потеря не будет иметь никакого значения».

В канун Рождества Гарри лёг спать, предвкушая праздничный завтрак и веселье, но, естественно, не рассчитывая ни на какие подарки. Однако, проснувшись наутро, он первым делом заметил свёртки и коробочки у своей кровати.

— Доброе утро, — сонно произнёс Рон, когда Гарри выбрался из постели и накинул на пижаму халат.

— И тебе того же, — автоматически ответил Гарри, уставившись на то, что лежало у его кровати. — Ты только посмотри — это же подарки!

— А я-то думал, что это тыквы, — пошутил Рон, свешиваясь со своей кровати. Подарков около неё стояло больше, чем у Гарри.

Гарри быстро распаковал верхний свёрток. Подарок был завёрнут в толстую коричневую обёрточную бумагу, на которой неровными буквами было написано: *«Гарри от Хагрида»*. Внутри была флейта грубой работы — скорее всего, Хагрид сам вырезал её из дерева. Гарри поднёс её к губам и извлёк из неё звук, похожий на уханье

совы.

Следующий подарок лежал в тонком конверте и представлял собой лист плотной бумаги. *«Получили твои поздравления, посылаем тебе рождественский подарок. Дядя Вернон и тётя Петунья»*, — было написано на листе. К бумаге скотчем была приклеена мелкая монетка. Дурсли остались верны себе — более щедрый подарок придумать было сложно.

— Очень приятно, — прокомментировал Гарри.

Рону, однако, этот подарок понравился — он во все глаза рассматривал монету.

— Вот ведь нелепая штуковина! — наконец выдохнул он. — И это деньги? Такой формы?

— Возьми себе. — Гарри засмеялся, увидев, как обрадовался Рон. — Интересно, кто ещё мог прислать мне подарок, кроме Дурслей и Хагрида?

— Кажется, я знаю, от кого это. — Рон слегка покраснел, тыча пальцем в объёмистый свёрток. — Это от моей мамы. Я написал ей, что некому будет сделать тебе подарок, и…

Рон вдруг густо залился красной краской.

— О-о-о, — простонал он. — Как же я раньше не подумал. Она связала тебе фирменный свитер Уизли…

Гарри разорвал упаковку, обнаружив внутри толстый, ручной вязки свитер изумрудно-зелёного цвета и большую коробку с домашними сладостями.

— Она каждый год к Рождеству вяжет нам всем свитеры, — недовольно бормотал Рон, разворачивая подарок от матери. — И мне вечно достаётся тёмно-бордовый.

— Твоя мама просто молодец, — заметил Гарри, пробуя сладости, которые оказались очень вкусными.

В следующем подарке тоже было сладкое — большая коробка «шоколадных лягушек», присланная Гермионой.

Оставался ещё один свёрток. Гарри поднял его с пола, отметив, что он очень лёгкий, почти невесомый. И неторопливо развернул его.

Нечто воздушное, серебристо-серое выпало из свёртка и, шурша, мягко опустилось на пол, поблёскивая складками. Рон широко раскрыл рот от изумления.

— Я слышал о таком, — произнёс он сдавленным голосом, роняя на пол присланную Гермионой коробочку с леденцами и даже не замечая этого. — Если это то, что я думаю, — это очень редкая вещь, и очень ценная.

— А что это?

Гарри подобрал с пола сияющую серебристую ткань. Она была очень странной на ощупь, как будто частично состояла из воды.

— Это мантия-невидимка, — прошептал Рон с благоговейным восторгом. — Не сомневаюсь, что это она, попробуй сам.

Гарри набросил мантию на плечи.

— Это она! — неожиданно завопил Рон. — Посмотри вниз!

Гарри последовал его совету и не увидел собственных ног. Он молнией метнулся к зеркалу. Лицо его, разумеется, было на месте, но оно плавало в воздухе, поскольку тело полностью отсутствовало. Гарри натянул мантию на голову, и его отражение исчезло полностью.

— Смотри, тут записка! — окликнул его Рон. — Из неё выпала записка!

Гарри снял мантию и поднял с пола листочек бумаги. Надпись на нём была сделана очень мелким почерком с завитушками — такого Гарри ещё никогда не видел.

> Незадолго до своей смерти твой отец оставил эту вещь мне.
>
> Пришло время вернуть её его сыну.

Используй её с умом.

Желаю тебе очень счастливого Рождества.

Подписи не было. Гарри изучал странную записку, написанную неизвестно кем, а Рон всё восхищался мантией.

— Да, за такую я бы отдал всё на свете, — признался он. — Всё, что угодно. Эй, да что с тобой?

— Ничего, — мотнул головой Гарри. На самом деле он чувствовал себя очень странно. Он никак не мог понять, кто прислал ему мантию и эту записку. И всё время спрашивал себя, неужели она на самом деле принадлежала его отцу?

Прежде чем он успел что-то сказать или подумать о чём-то другом, дверь в спальню распахнулась, и в неё ворвались Фред и Джордж Уизли. Гарри быстро спрятал мантию под одеяло. Ему не хотелось, чтобы её надевал кто-нибудь другой, кроме него. Даже не хотелось, чтобы кто-нибудь просто до неё дотрагивался.

— Счастливого Рождества! — прокричал с порога Фред.

— Эй, смотри! — воскликнул Джордж, обращаясь к брату. — Гарри тоже получил фирменный свитер Уизли!

На Фреде и Джордже были новенькие синие свитеры, на одном была вышита большая жёлтая буква «Ф», на другом — такого же цвета и размера буква «Д».

— Между прочим, свитер Гарри выглядит получше, чем наши, — признал Фред, повертев в руках подарок, полученный Гарри от миссис Уизли. — Он ведь не член семьи, так что она вязала его куда старательнее.

— А ты почему не надел свой свитер, Рон? — возмутился Джордж. — Давай-давай, они ведь мало того что красивые, так ещё и очень тёплые.

— Ненавижу бордовый цвет, — то ли в шутку, то ли всерьёз простонал Рон, натягивая на себя свитер.

— А на твоём никаких букв, — хмыкнул Джордж, разглядывая младшего брата. — Полагаю, она думает, что ты не забудешь, как тебя зовут. А мы ведь тоже не дураки — мы хорошо знаем, что нас зовут Дред и Фордж.

Близнецы расхохотались, довольные шуткой.

— Что тут за шум?

В дверь протиснулась ещё одна рыжая голова, принадлежавшая Перси Уизли, вид у него был не слишком счастливый. Судя по всему, он уже успел распечатать свои подарки, по крайней мере ча-

стично, потому что держал в руках свитер грубой вязки, который тут же выхватил у него Фред.

— Ага. Тут буква «С», то есть староста. Давай, Перси, надевай его — мы все уже надели наши, и Гарри тоже.

— Я… не… хочу, — донёсся до Гарри хриплый голос Перси, которому близнецы уже успели натянуть свитер на голову, сбив с него очки.

— И запомни: сегодня за завтраком ты будешь сидеть не со старостами, а с нами, — поучительно добавил Джордж. — Рождество — семейный праздник.

Близнецы натянули на него свитер так что руки не попали в рукава, а оказались прижатыми к телу. И, ухватив старшего брата за шиворот, вытолкали его из спальни.

* * *

У Гарри в жизни не было такого рождественского пира. На столе красовались сотни жирных жареных индеек, горы жареного и варёного картофеля, десятки мисок с жареным зелёным горошком и соусников, полных мясной и клюквенной подливки, — и башни из волшебных хлопушек. Эти фантастические хлопушки не имели ничего общего с теми, которые произ-

водили маглы. Дурсли обычно покупали эти жалкие подобия, на которых сверху было надето нечто вроде убогой бумажной шляпы, а внутри обязательно лежала маленькая пластмассовая игрушка. Хлопушка же, которую опробовали они с Фредом, не просто хлопнула, но взорвалась с пушечным грохотом и, окутав их густым синим дымом, выплюнула из себя контр-адмиральскую фуражку и несколько живых белых мышей.

За учительским столом тоже было весело. Дамблдор сменил свой остроконечный волшебный колпак на украшенную цветами шляпу и весело посмеивался над шутками профессора Флитвика.

Вслед за индейкой подали утыканные свечками рождественские пудинги. Пудинги были с сюрпризом — Перси чуть не сломал зуб о серебряный сикль, откусив кусок пудинга. Всё это время Гарри внимательно наблюдал за Хагридом. Тот без устали подливал себе вина и становился всё краснее и краснее, и наконец он поцеловал в щёку профессора МакГонагалл. А она, к великому удивлению Гарри, смущённо порозовела и захихикала, не замечая, что её цилиндр сполз набок.

Когда Гарри наконец вышел из-за стола, его руки были заняты новыми подарками, вылетев-

шими из хлопушек, — среди них были упаковка никогда не лопающихся и светящихся надувных шаров, набор для желающих обзавестись бородавками и комплект шахматных фигурок. А вот белые мыши куда-то исчезли, и у Гарри было неприятное подозрение, что они закончат свою жизнь на рождественском столе миссис Норрис.

На следующий день Гарри и Рон неплохо повеселились, устроив на улице яростную перестрелку снежками. А затем, насквозь промокшие, замёрзшие, с трудом переводя дыхание, они вернулись к камину в гостиной. Там Гарри опробовал свои новые шахматные фигурки и потерпел впечатляющее поражение от Рона. Гарри сказал себе, что, если бы не Перси, без устали засыпавший его ценными советами, поражение было бы не столь быстрым и позорным.

После чая с бутербродами с индейкой, сдобными булочками, бисквитами и рождественским пирогом Гарри и Рон почувствовали себя настолько сытыми и сонными, что у них просто не было ни сил, ни желания заниматься чем-либо перед сном. Поэтому они просто сидели и смотрели, как Перси гоняется по комнате за близнецами, отобравшими у него значок старосты.

Это было лучшее Рождество в жизни Гарри. И

всё же целый день его не покидало ощущение, что он забыл о чём-то важном. И только оказавшись в постели, он понял, что именно его беспокоило: мантия-невидимка и тот, кто её прислал.

Рон до отвала наелся индейкой и пирогом, а потому ничто загадочное и мистическое его не волновало. И как только его голова коснулась подушки, он тотчас заснул. А Гарри задумчиво вытащил из-под одеяла присланную ему мантию.

Значит, она принадлежала его отцу — *его отцу*. Он ощущал, как мантия течёт сквозь его пальцы. Она была нежнее шёлка, легче воздуха. *«Используй её с умом»*, — написал приславший её.

Ему просто необходимо было испытать мантию прямо сейчас. Гарри накинул её на плечи и, опустив глаза, не увидел ничего, кроме теней и лунного света. Ощущение было весьма странным.

«Используй её с умом».

Гарри вдруг почувствовал, что сонливость как рукой сняло. В этой мантии он мог обойти всю школу, заглянуть в любое помещение. О каком сне могла идти речь, когда его переполняло возбуждение? Ведь в этой мантии он мог пойти куда угодно, и ему не страшен был никакой Филч.

Рон забормотал во сне. Гарри задумался над

тем, не разбудить ли его, но что-то его остановило. Может, это было осознание, что мантия принадлежала его отцу, и в самый первый раз он должен был опробовать её сам, один.

Гарри бесшумно выбрался из спальни, спустился по лестнице, прошёл через гостиную и пробрался сквозь дыру, с той стороны закрытую портретом.

— Кто здесь? — проскрипела Толстая Леди.

Гарри ничего не ответил и быстро пошёл вниз по коридору.

Вдруг он остановился, не понимая, куда, собственно, он направляется. Сердце его громко стучало, а в голове толкались переполнявшие её мысли. Наконец его осенило. Особая секция библиотеки — вот куда ему было надо. Он сможет листать книги столько, сколько ему захочется, до тех пор, пока он не узнает, кто такой Николас Фламель. Он поплотнее закутался в мантию и двинулся вперёд.

В библиотеке было абсолютно темно и очень страшно. Гарри зажёг стоявшую на входе лампу, и, держа её в руке, пошёл вдоль длинных рядов. Он представил, как выглядит со стороны, — лампа, сама по себе плывущая в воздухе. И хотя он знал, что это его рука держит лампу, ему стало

неуютно.

Особая секция находилась в самом конце помещения. Аккуратно переступив через загородку, отделявшую секцию от остальной части библиотеки, Гарри поднял лампу повыше, чтобы разглядеть названия стоявших на полках книг.

Если честно, названия ему ни о чём не говорили. Золотые буквы на корешках выцвели и частично облетели, а слова, в которые они складывались, были записаны на каком-то чужом языке, и Гарри не знал, что они означают. На некоторых книгах вовсе не было никаких надписей. А на одной было тёмное пятно, которое до ужаса напоминало кровь.

Гарри почувствовал, как по спине побежали мурашки. Возможно, ему это показалось, но с полок доносился слабый шёпот, словно книги узнали, что кто-то зашёл в Особую секцию без разрешения, и это им не нравится.

Пора было приступать к делу. Гарри осторожно опустил лампу на пол и оглядел нижнюю полку в поисках книги, которая привлекла бы его внимание своим необычным видом. Взгляд его упал на большой чёрный с серебром фолиант. Гарри с трудом вытащил тяжеленную книгу и положил её на колено.

Стоило ему раскрыть фолиант, как тишину прорезал душераздирающий крик, от которого кровь стыла в жилах. Это кричала книга! Гарри поспешно захлопнул её, но крик продолжался — высокий, непрекращающийся, разрывающий барабанные перепонки. Гарри попятился назад и сбил лампу, которая тут же погасла. Он запаниковал, и тут послышались шаги — кто-то бежал по коридору по направлению к библиотеке. Второпях засунув книгу на место, Гарри рванул к выходу. В дверях он чуть не столкнулся с Филчем. Выцветшие глаза Филча, вылезшие из орбит, смотрели сквозь него, и Гарри, поднырнув под его руку, выскользнул в коридор. В ушах его всё ещё стояли издаваемые книгой вопли.

Прошло какое-то время, прежде чем Гарри остановился. И, переведя дыхание, обнаружил, что стоит перед выставленными на высоком постаменте рыцарскими доспехами. Он так стремился убежать подальше от библиотеки, что не обращал внимания на то, куда именно бежит. И сейчас он не мог понять, где находится, — возможно, потому, что вокруг стояла кромешная тьма. Впрочем, Гарри тут же вспомнил, что похожий рыцарь в латах стоял неподалёку от кухни, но кухня, по идее, была пятью этажами выше.

— Вы сказали, профессор, что, если кто-то будет бродить по школе среди ночи, я должен прийти прямо к вам. Так вот, кто-то был в библиотеке. В Особой секции.

Гарри почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Он так долго бежал сам не зная куда, но Филч оказался здесь практически одновременно с ним — потому что это именно его голос сейчас слышал Гарри. Не успел Гарри сообразить, что Филчу наверняка известен более короткий путь, как буквально оцепенел от ужаса. Голос, ответивший Филчу, принадлежал профессору Снеггу.

— Значит, в Особой секции? Что ж, они не могли уйти далеко, мы их поймаем.

Гарри прирос к полу, глядя, как из-за угла перед ним появляются Филч и Снегг. Конечно, они не могли его видеть, но коридор был узким, и они вполне могли в него врезаться — мантия делала его невидимым, но не бесплотным.

Гарри попятился назад, стараясь двигаться бесшумно. Филч и Снегг приближались, столкновения было не избежать, и Гарри, судорожно оглядевшись, заметил слева от себя приоткрытую дверь. Она была его единственным спасением. Стараясь не дышать, он втиснулся между дверью и косяком, застыв на полпути. Он боялся,

что дверь заскрипит и выдаст его, если он её коснётся. Каким-то чудом Гарри всё же удалось бесшумно проскользнуть внутрь. Снегг и Филч прошли мимо, и точно бы задели его, если бы он остался в коридоре, но Гарри уже был в комнате. Он, тяжело дыша, прижался к стене и слушал, как удаляются их шаги. На сей раз он едва не попался, он был так близок к этому, и с трудом мог поверить, что всё обошлось.

Прошло несколько минут, прежде чем Гарри обвёл глазами комнату. Она была похожа на класс, которым давно не пользовались. У стен громоздились поставленные одна на другую парты, посреди комнаты лежала перевёрнутая корзина для бумаг. А вот к противоположной стене был прислонён предмет, выглядевший абсолютно чужеродным в этой комнате. Казалось, его поставили сюда просто для того, чтобы он не мешался в другом месте.

Это было красивое зеркало, высотой до потолка, в золотой раме, украшенной орнаментом. Зеркало стояло на подставках, похожих на две ноги с впившимися в пол длинными когтями. На верхней части рамы была выгравирована надпись: «Еиналеж еечяр огеома сеш авон оциле шавеню авыза копя».

Шагов Филча и Снегга давно уже не было слышно, так что Гарри совсем успокоился. Но любое волнение всё равно улеглось бы, потому что зеркало будто притягивало к себе, заставляя забыть обо всём остальном. Гарри медленно направился к зеркалу, желая заглянуть в него и убедиться, что он невидим.

Ему пришлось зажать себе рот, чтобы сдержать рвущийся из него крик. Гарри резко отвернулся от зеркала. Его сердце стучало в груди куда яростней, чем когда закричала лежавшая на его колене книга, потому что он увидел в зеркале не только самого себя, что само по себе было невозможно, но и ещё каких-то людей, стоявших вокруг него.

Однако комната была пуста. И Гарри, всё ещё тяжело дыша, медленно повернулся обратно к зеркалу.

Перед ним было отражение Гарри Поттера, бледное и испуганное, а за ним стояли отражения по меньшей мере десятка человек. Гарри снова обернулся — разумеется, позади него никого не было. Или, может, они тоже были невидимы? Может, это была комната, населённая невидимками, а хитрость зеркала в том и состояла, что в нём отражались все, неважно, видимы они или нет?

Гарри снова заглянул в зеркало. Женщина,

стоявшая справа от его отражения, улыбалась ему и махала рукой. Гарри опять отвернулся и вытянул руку. Если бы женщина действительно стояла позади него, он бы коснулся её, ведь их отражения были совсем рядом, но его рука нащупала лишь воздух. А значит, она и все другие люди, обступившие его отражение, существовали только в зеркале.

Женщина была очень красива. У неё были тёмно-рыжие волосы, а глаза… «Её глаза похожи на мои», — подумал Гарри, придвигаясь поближе к зеркалу, чтобы получше рассмотреть женщину. Глаза у неё были ярко-зелёные, и разрез у них был такой же. Но тут Гарри заметил, что женщина плачет. Улыбается и одновременно плачет. Стоявший рядом с ней высокий и худой черноволосый мужчина обнял её, словно подбадривая. Мужчина был в очках, и у него были очень непослушные волосы, торчавшие во все стороны, как у Гарри.

Гарри стоял так близко к зеркалу, что почти касался носом своего отражения.

— Мама? — прошептал он, внезапно всё поняв. — Папа?

Мужчина и женщина молча смотрели на него и улыбались. Гарри медленно обвёл взглядом лица других людей, находившихся в зеркале, за-

мечая такие же зелёные глаза, как у него, и носы, похожие на его нос. Гарри даже показалось, что у маленького старичка точно такие же колени, как у него, — острые, торчащие вперёд. Первый раз в жизни Гарри Поттер видел свою семью.

Поттеры улыбались и махали Гарри руками, а он жадно смотрел на них, прижавшись к стеклу, опершись на него ладонями, словно надеясь, что провалится сквозь него и окажется рядом с ними. Его переполнило очень странное, неиспытанное доселе чувство — радость, смешанная с ужасной грустью.

Он не знал, сколько времени простоял у зеркала. Люди в зеркале не исчезали, а он смотрел и смотрел на них, пока не услышал приведший его в чувство отдалённый шум. Гарри не мог рисковать — ему нельзя было больше здесь оставаться, ему надо было вернуться в спальню, чтобы на следующий день иметь возможность прийти сюда снова. Он просто не имел права рисковать — на кону стояли не штрафные очки, не его пребывание в школе, но его новые и новые встречи с родителями.

— Я вернусь, — прошептал он и, с усилием оторвавшись от зеркала, поспешно вышел из комнаты.

* * *

— Ты мог бы меня разбудить. — В голосе Рона слышалась обида. Они сидели в Большом зале и завтракали — точнее, завтракал Рон, а Гарри только что закончил свой рассказ о ночных похождениях.

— Можешь пойти со мной сегодня вечером — я хотел бы показать тебе это зеркало.

— С удовольствием встречусь с твоими родителями, — радостно выпалил Рон.

— А я бы хотел увидеть всю твою семью, всех Уизли. Ты мне покажешь своих старших братьев и всех других родственников.

— Ты можешь увидеть их в любой момент, — пожал плечами Рон. — Приезжай к нам погостить этим летом — и все дела. Кстати, может, это зеркало показывает только тех, кто уже умер? А ещё жаль, что ты не нашёл ничего про Фламеля. Возьми бекон, чего это ты ничего не ешь?

Гарри не хотелось есть. Он увидел своих родителей и обязательно увидит их сегодня вечером. Теперь он мог думать только об этом, но никак не о еде и ни о чём другом. Если честно, он даже удивился, услышав от Рона про Николаса Фламеля. Он уже почти забыл это имя. Теперь ничего,

кроме встречи с родителями, не имело для Гарри абсолютно никакого значения. Какая разница, кто такой этот Фламель? Зачем ему знать, что охраняет трёхголовый пёс? И какое ему дело до того, украдёт Снегг то, что охраняет пёс, или нет?

— Ты в порядке? — озабоченно спросил Рон. — Ты так странно выглядишь…

* * *

Больше всего Гарри боялся, что не сможет этой ночью найти ту комнату с зеркалом. Сегодня под мантией их было двое, поэтому двигались они гораздо медленнее. Они пытались повторить тот путь, который проделал Гарри, выбежав из библиотеки, и около часа бродили по тёмным коридорам.

— Я просто умираю от холода, — пожаловался Рон. — Давай забудем об этом и вернёмся в спальню.

— Ни за что! — возмущённо прошипел Гарри. — Я знаю, что комната где-то рядом.

Они прошли мимо привидения высокой женщины, плывшего в противоположном направлении, и, к счастью, больше никого не встретили. И как раз в тот момент, когда Рон снова начал стонать, что у него заледенели ноги и он уже их

не чувствует, Гарри заметил знакомые доспехи.

— Это здесь… точно здесь… да!

Гарри открыл дверь и, сбросив мантию, метнулся к зеркалу.

Они были здесь. Они ждали его. И просияли, увидев Гарри.

— Видишь? — шепнул Гарри, повернувшись к Рону.

— Ничего я не вижу.

— Да посмотри же! Смотри, вот же они — родители, и другие…

— Я вижу только тебя, — отозвался Рон.

— Посмотри внимательнее, — не успокаивался Гарри. — Подойди поближе, встань сюда, рядом со мной.

Гарри чуточку подвинулся, но теперь, когда перед зеркалом оказался Рон, он больше не видел в нём свою семью, только отражение Рона в пёстрой пижаме.

Рон застыл перед зеркалом, зачарованно вглядываясь в него.

— Только посмотри на меня! — воскликнул он.

— Ты видишь вокруг себя родителей и братьев? — спросил Гарри.

— Нет, я один. Но я другой… повзрослевший… И… И я первый ученик школы!

— Что? — недоуменно переспросил Гарри.

— Я… У меня на груди значок — такой же, какой был у Билла, когда он стал лучшим учеником Хогвартса. И у меня в руках Кубок победителя соревнования между факультетами и ещё Кубок школы по квиддичу. Я ещё и капитан сборной, представляешь!

Рон с трудом оторвал глаза от так восхитившей его картины и взволнованно посмотрел на Гарри.

— Как ты думаешь, зеркало показывает будущее? — В голосе Рона звучала надежда.

— Не может быть! — горячо возразил Гарри. — Вся моя семья давно умерла. Причём тут будущее? Отодвинься, я хочу ещё посмотреть…

— Ты вчера всю ночь в него смотрел, — горячо возразил Рон. — Подожди немного, я быстро…

— Ну на что тебе смотреть — ты ведь всего лишь держишь в руках Кубок школы по квиддичу, что тут интересного? — возмутился Гарри. — А я хочу увидеть своих родителей.

— Да не толкайся ты! — вскрикнул, пошатнувшись, Рон.

Внезапный звук, донёсшийся из коридора, заставил их замолчать. Они только сейчас осознали, что слишком громко препирались и

наверняка подняли жуткий шум.

— Быстро!

Рон схватил мантию. И они успели накрыться ею в тот самый момент, когда из-за двери, поблёскивая глазами, появилась миссис Норрис. Рон и Гарри замерли, стараясь не дышать и думая об одном и том же — распространяется ли действие мантии на кошек? Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем миссис Норрис развернулась и вышла обратно в коридор.

— Здесь опасно — возможно, она пошла за Филчем, — шепнул Рон. — Бьюсь об заклад, что она слышала наши голоса и знает, что мы здесь. Уходим.

И Рон вытащил упирающегося Гарри из комнаты.

* * *

— Хочешь сыграть в шахматы? — спросил Рон на следующее утро, когда они вернулись с завтрака.

— Нет, — коротко ответил Гарри.

— Тогда почему бы нам не выйти из замка и не навестить Хагрида?

— Да нет… — Гарри пожал плечами. — Если хочешь, лучше сходи один…

— Я знаю, о чём ты думаешь, Гарри. — На лице Рона было понимание. — Ты думаешь об этом зеркале. Не ходи туда сегодня.

— Почему?

— Не знаю, но у меня появилось нехорошее предчувствие. К тому же ты уже слишком много раз был на грани провала. Филч, Снегг и миссис Норрис рыщут по всей школе, надеясь тебя поймать. Да, они тебя не видят, но ведь они могут с тобой столкнуться. А что, если ты во что-нибудь врежешься или что-нибудь сшибёшь — они ведь сразу всё поймут…

— Ты говоришь прямо как Гермиона, — отрезал Гарри.

— Я серьёзно, Гарри, — взмолился Рон. — Не ходи туда.

Но Гарри мог думать только об одном — о том, чтобы снова оказаться перед зеркалом. И ничто не могло его остановить — и никто, включая Рона.

* * *

Этой ночью он отыскал комнату с зеркалом гораздо быстрее, чем накануне. Гарри не шёл, а буквально летел, чтобы побыстрее оказаться у зеркала. Хоть он и осознавал, что производит

слишком много шума, ему было всё равно, тем более что на пути ему так никто и не попался.

Мать и отец снова просияли, увидев его, а один из дедушек при виде внука закивал головой, счастливо улыбаясь. Гарри опустился на пол перед зеркалом, говоря себе, что придёт сюда завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, и…

Сегодня он собирался остаться здесь на всю ночь. И ничто не могло помешать ему просидеть здесь до утра. Ничто и никто.

Кроме…

— Итак, ты снова здесь, Гарри?

Гарри почувствовал, как его внутренности превратились в лёд. Он медленно оглянулся. На одной из стоявших у стены парт сидел не кто иной, как Альбус Дамблдор. Получалось, что Гарри прошёл прямо мимо него и не заметил профессора, потому что слишком торопился увидеть родителей.

— Я… Я не видел вас, сэр, — пробормотал он.

— Странно, каким близоруким делает человека невидимость, — произнёс Дамблдор, и Гарри с облегчением заметил, что профессор улыбается.

— Итак. — Дамблдор слез с парты, подошёл к Гарри и опустился на пол рядом с ним. — Итак, ты, как и сотни других до тебя, обнаружил источ-

ник наслаждения, скрытый в зеркале Еиналеж.

— Я не знал, что оно так называется, сэр.

— Но я надеюсь, что ты уже знаешь, что показывает это зеркало? — поинтересовался Дамблдор.

— Оно… ну, оно показывает мне мою семью… — неуверенно начал Гарри.

— А твой друг Рон видел самого себя со значком первого ученика школы. — Дамблдор не спрашивал, а утверждал.

— Откуда вы знаете? — изумлённо выдохнул Гарри.

— Мне не нужна мантия-невидимка для того, чтобы стать невидимым, — мягко произнёс Дамблдор. — Итак… что, на твой взгляд, показывает всем нам зеркало Еиналеж?

Гарри пожал плечами.

— Я попробую натолкнуть тебя на мысль. Так вот, слушай. Самый счастливый человек на земле, заглянув в зеркало Еиналеж, увидит самого себя таким, какой он есть, — то есть для него это будет самое обычное зеркало. Ты меня понял?

Гарри задумался.

— Оно показывает нам то, что мы хотим увидеть, — медленно выговорил он. — Чего бы мы ни хотели…

— И да, и нет, — негромко заметил Дамблдор. —

Оно показывает нам не больше и не меньше, как наши самые сокровенные, самые отчаянные желания. Ты, никогда не знавший своей семьи, увидел своих родных, стоящих вокруг тебя. Рональд Уизли, всю жизнь находившийся в тени своих братьев, увидел себя одного, увидел себя лучшим учеником школы и одновременно капитаном команды-чемпиона по квиддичу, обладателем сразу двух Кубков — он превзошёл своих братьев. Однако зеркало не даёт нам ни знаний, ни правды. Многие люди, стоя перед зеркалом, ломали свою жизнь. Одни из-за того, что были зачарованы увиденным. Другие сходили с ума оттого, что не могли понять, сбудется ли то, что предсказало им зеркало, гарантировано им это будущее или оно просто возможно?

Дамблдор на мгновение замолчал, словно давая Гарри время на размышление.

— Завтра зеркало перенесут в другое помещение, Гарри, — продолжил он. — И я прошу тебя больше не искать его. Но если ты когда-нибудь ещё раз натолкнёшься на него, ты будешь готов к встрече с ним. Будешь готов, если запомнишь то, что я скажу тебе сейчас. Нельзя цепляться за мечты и сны, забывая о настоящем, забывая о своей жизни. А теперь, почему бы тебе не надеть

эту восхитительную мантию и не вернуться в спальню?

Гарри поднялся с пола.

— Сэр… Профессор Дамблдор, — нерешительно начал он. — Могу я задать вам один вопрос?

— Кажется, ты уже задал один вопрос. — Дамблдор улыбнулся. — Тем не менее можешь задать ещё один.

— Что вы видите, когда смотрите в зеркало? — выпалил Гарри, затаив дыхание.

— Я? — переспросил профессор. — Я вижу себя, держащего в руке пару толстых шерстяных носков.

Гарри недоумённо смотрел на него.

— У человека не может быть слишком много носков, — пояснил Дамблдор. — Вот прошло ещё одно Рождество, а я не получил в подарок ни одной пары. Люди почему-то дарят мне только книги.

Уже в спальне Гарри вдруг осознал, что Дамблдор не был с ним откровенен. Но с другой стороны, подумал он, спихивая с подушки спавшую на ней Коросту, это был очень личный вопрос.

Глава 13
Николас Фламель

Дамблдор убедил Гарри не искать больше зеркало Еиналеж. И на следующий день после разговора с профессором Гарри убрал мантию-невидимку в чемодан.

Он хотел бы иметь возможность с такой же лёгкостью убрать из памяти то, что он видел в зеркале, но это ему не удавалось. Ему начали сниться кошмары. Каждую ночь ему снилось, как его родители исчезают во вспышке зелёного света под пронзительный холодный смех.

— Вот видишь, Дамблдор был прав, когда сказал, что это зеркало может свести тебя с ума, — заявил Рон, когда Гарри рассказал ему о своих снах.

Гермиона, которая вернулась с каникул за день до начала семестра и которой Гарри и Рон рассказали абсолютно всё — ведь они были друзьями, — смотрела на вещи по-другому. Она разрывалась между ужасом, в который её приводила одна только мысль о том, что Гарри три ночи подряд бродил по школе («Подумать только, что было бы, если бы тебя поймал Филч!» — по-

стоянно восклицала она), и разочарованием по поводу того, что Гарри не удалось узнать, кто такой Николас Фламель.

Они уже почти утратили надежду отыскать имя Фламеля в одной из библиотечных книг. Хотя Гарри по-прежнему не сомневался в том, что уже встречал это имя. Когда начался семестр, они стали снова забегать в библиотеку в перерывах между уроками и в течение десяти минут лихорадочно листали первые попавшиеся под руку книги.

Конечно, можно было бы ходить в библиотеку после занятий, но Гермиона всё свободное время посвящала домашним заданиям и внеклассному чтению, а у Гарри свободного времени вообще почти не было, потому что возобновились тренировки по квиддичу.

Вуд заставлял своих подопечных тренироваться на пределе возможностей. Он увеличивал продолжительность тренировок и их частоту, и даже бесконечные дожди, пришедшие на смену снегу, не могли остудить его пыл. Близнецы Уизли жаловались, что Вуд стал настоящим фанатиком, но Гарри был на стороне своего капитана. Он знал, что если они выиграют следующий матч — против сборной Пуффендуя, — то по оч-

кам обойдут Слизерин. И это впервые за семь последних лет.

Впрочем, Гарри поддерживал Вуда не только потому, что хотел выиграть, — он обнаружил, что после тяжёлых, изматывающих тренировок ему почти не снятся кошмары.

Во время очередной тренировки — в тот день шёл сильный дождь, и стадион превратился в грязную лужу — Вуд принёс команде плохие новости. Возможно, он и держал бы их при себе, боясь уронить боевой дух своих игроков, но вышло так, что он жутко разозлился на близнецов Уизли, которые, поднявшись в воздух, бомбардировали друг друга мячами и делали вид, что вот-вот упадут со своих мётел.

— Да хватит вам дурачиться! — внезапно заорал Вуд. — Вот из-за такой ерунды мы вполне можем проиграть матч! Чтобы вы знали, судить игру будет Снегг, а уж он использует любой повод для того, чтобы записать на наш счёт штрафные очки!

Услышав это, Джордж Уизли на самом деле свалился с метлы.

— Судить будет Снегг? — невнятно пробормотал он, поднимаясь с земли и выплёвывая забившуюся в рот грязь. — Что-то не припомню,

чтобы он когда-нибудь судил игры. Да, от него справедливого судейства ждать не придётся — он ведь понимает, что в случае победы мы обойдём его любимчиков.

Остальные игроки приземлились рядом с Джорджем и тоже начали возмущаться.

— А что я могу поделать? — развёл руками Вуд. — Теперь мы просто обязаны играть так, чтобы у Снегга не было ни малейшего повода к нам прицепиться.

Гарри молча кивал головой. Джордж и остальные были правы, но вдобавок ко всему, у Гарри были свои причины, по которым он не хотел, чтобы Снегг оказался поблизости, когда он будет играть в квиддич.

После тренировки игроки, как обычно, задержались в раздевалке, чтобы поболтать, но Гарри направился прямиком в Общую гостиную Гриффиндора, где застал Рона и Гермиону за партией в шахматы. Гермиона всегда всё знала лучше, чем другие, но вот в шахматы она иногда проигрывала. И Гарри с Роном сошлись во мнении, что это для неё очень полезно.

— Пожалуйста, подожди, не отвлекай меня, — попросил Рон, заметив севшего рядом с ним Гарри. — Мне надо сконцентрироваться, потому

что…

Рон поднял глаза на Гарри.

— Что с тобой? — с интересом спросил он. — Вид у тебя просто жуткий.

Тихим, спокойным голосом, чтобы никто не услышал, Гарри рассказал им о внезапном и зловещем желании Снегга судить матч по квиддичу.

— Тебе нельзя играть, — с ходу заявила Гермиона.

— Скажи, что ты заболел, — предложил Рон.

— Сделай вид, что сломал ногу, — уточнила Гермиона.

— Или сломай её на самом деле, — добавил Рон.

— Я не могу, — признался Гарри. — У нас нет запасного ловца. Если я не выйду на поле, то и вся команда не выйдет.

В этот момент в комнату ввалился Невилл — ввалился в самом прямом смысле слова. Непонятно было, как ему удалось пробраться сквозь дыру за портретом Толстой Леди, потому что его ноги прилипли одна к другой, словно на Невилла наложили специальное заклинание. Должно быть, ему пришлось прыгать всю дорогу до башни Гриффиндора.

Все дружно расхохотались, кроме Гермионы, которая подскочила к Невиллу и произнесла формулу, снимающую заклятье. Ноги Невилла тут же разъехались в разные стороны.

— Что случилось? — спросила Гермиона, подводя его к Гарри и Рону.

— Малфой, — ответил Невилл дрожащим голосом. — Я встретил его в коридоре у библиотеки. Он сказал, что ищет кого-нибудь, на ком можно попрактиковаться.

— Немедленно иди к профессору МакГонагалл! — подтолкнула его Гермиона. — И расскажи всё, как было!

Невилл покачал головой.

— Хватит с меня неприятностей, — пробормотал он.

— Но ты должен это сделать, Невилл! — возмутился Рон. — Он вечно пытается втоптать всех в грязь, а ты сам в неё ложишься и облегчаешь ему работу!

— Не надо объяснять мне, что я недостаточно смел для того, чтобы быть членом Гриффиндора. — Невилл всхлипнул. — Малфой мне уже это доказал.

Гарри запустил руку в карман и вытащил оттуда «шоколадную лягушку» — последнюю из

тех, что прислала ему на Рождество Гермиона. Он протянул «лягушку» Невиллу, у которого был такой вид, словно он вот-вот расплачется.

— Ты стоишь десяти Малфоев, — произнёс Гарри. — И ты достоин того, чтобы быть в Гриффиндоре, — ведь Волшебная шляпа сама отобрала тебя на наш факультет. Ну а где оказался этот Малфой? В вонючей дыре под названием Слизерин — вот где.

Невилл слабо улыбнулся и развернул «лягушку».

— Спасибо, Гарри, — с благодарностью произнёс он. — Наверно, я пойду посплю… Да, вот карточка — ты ведь их собираешь, верно?

Проводив взглядом Невилла, Гарри опустил глаза на карточку, которую он держал в руке.

— Ну вот, снова Дамблдор, — произнёс он. — Как раз он был на моей самой первой ка…

Гарри вдруг задохнулся от волнения. Он смотрел на карточку, словно не в силах был отвести от неё глаз, а потом поднял их на Рона и Гермиону.

— Я нашёл его! — прошептал он. — Я нашёл Фламеля! Я же говорил вам, что уже видел это имя, так вот, это было в поезде, когда я ехал сюда. Слушайте! «…Профессор Дамблдор прославился, помимо всего прочего, победой над тёмным

волшебником Грин-де-Вальдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона и работами по алхимии, проведёнными совместно с его партнёром Николасом Фламелем…» — прочитал Гарри.

Гермиона вскочила на ноги. Она не выглядела такой взволнованной с тех пор, как им объявили оценки за самое первое домашнее задание, которое Гермиона, разумеется, выполнила на «отлично».

— Ждите здесь! — приказала она и рванулась к лестнице, ведущей в спальню девочек.

Гарри и Рон едва успели обменяться заинтригованными взглядами, а Гермиона уже возвращалась к столу с тяжеленной древней книгой в руках.

— Мне даже никогда не приходило в голову искать его здесь! — взволнованно прошептала она. — А ведь я взяла её в библиотеке ещё несколько недель назад! Специально, чтобы отвлечься от учебников, для лёгкого чтения.

— Лёгкого? — переспросил Рон.

Гермиона вместо ответа посоветовала ему помолчать, пока она не найдёт то, что надо, и начала лихорадочно переворачивать страницы, что-то бормоча себе под нос.

— Я так и знала! — воскликнула она, найдя то, что искала. — Я так и знала!

— Нам уже можно говорить? — раздражённо поинтересовался Рон.

Гермиона сделала вид, что не слышала вопроса.

— Николас Фламель, — прошептала она таким тоном, словно была актрисой, исполняющей драматическую роль. — Николас Фламель — единственный известный создатель философского камня!

Её слова не произвели на Гарри и Рона того эффекта, на который она рассчитывала.

— Создатель чего? — переспросили они в один голос.

— Ну, это уж слишком. Вы что, книг не читаете? Ладно, тогда прочитайте хоть этот кусок…

Она подтолкнула к ним книгу.

> «Древняя наука алхимия занималась созданием Философского Камня, легендарного вещества, наделённого удивительными силами. По легенде, камень мог превратить любой металл в чистое золото. С его помощью также можно было приготовить эликсир жизни, который

делал бессмертным того, кто выпьет этот эликсир.

На протяжении веков возникало множество слухов о том, что Философский Камень уже создан, но единственный существующий в наше время камень принадлежит мистеру Николасу Фламелю, выдающемуся алхимику и поклоннику оперы. Мистер Фламель, в прошлом году отметивший свой шестьсот шестьдесят пятый день рождения, наслаждается тишиной и уединением в Девоне вместе со своей женой Пернеллой (шестисот пятидесяти восьми лет)».

— Поняли? — спросила Гермиона, когда Гарри с Роном закончили чтение. — Должно быть, собака охраняет философский камень Фламеля! Я не сомневаюсь, что он попросил об этом Дамблдора, потому что они друзья и ещё потому что Фламель знал, что кто-то охотится за его камнем. Вот почему он хотел, чтобы камень забрали из «Гринготтса»!

— Камень, который всё превращает в золото и гарантирует тебе бессмертие! — воскликнул Гарри. — Неудивительно, что Снегг хочет его

украсть. Любой бы захотел иметь такой камень.

— И ещё неудивительно, что мы не могли найти имя Фламеля в «Новых направлениях в современной магической науке», — заметил Рон. — Современным его не назовёшь — ведь ему шестьсот шестьдесят пять лет.

На следующее утро, на уроке по защите от Тёмных искусств, записывая различные способы исцеления от укусов волка-оборотня, Гарри и Рон всё ещё обсуждали, что бы они сделали с философским камнем, попади он к ним в руки. И только когда Рон сказал, что купил бы себе команду высшей лиги по квиддичу, Гарри вспомнил про Снегга и предстоящий матч.

— Я обязательно буду играть, — твёрдо заявил он после урока, когда они с Роном и Гермионой вышли из класса. — Если я не появлюсь на поле, все подумают, что я испугался Снегга. Я им всем покажу… Я сотру с их лиц улыбки — если, конечно, мы выиграем.

— Разумеется, если, конечно, кому-нибудь не придётся соскребать с поля то, что от тебя осталось, — пессимистично заметила очень переживавшая за Гарри Гермиона.

* * *

Однако, несмотря на своё смелое заявление, по мере приближения игры Гарри нервничал всё больше и больше. Да и другие игроки команды были не слишком спокойны. Мысль о том, что они могут обогнать Слизерин в школьном чемпионате, грела всем душу — ведь за последние семь лет это никому не удавалось. Но шансы на то, что такой пристрастный судья, как Снегг, позволит им это сделать, были не слишком велики.

Возможно, Гарри это просто казалось, или он сам это придумал, но он натыкался на Снегга повсюду, куда бы он ни направлялся. Иногда он даже спрашивал себя, не следит ли Снегг за ним, пытаясь подловить его на чём-нибудь или сделать ему что-нибудь плохое? Во всяком случае, уроки Снегга превратились в ежедневную пытку. Снегг придирался к Гарри по любому поводу и вёл себя просто омерзительно. Может быть, он каким-то образом догадался, что они узнали о философском камне? Гарри не представлял, как такое могло произойти, но иногда у него появлялось очень неприятное ощущение, что Снегг может читать чужие мысли.

* * *

Когда Рон и Гермиона проводили Гарри до раздевалки и ушли, пожелав ему удачи, Гарри не сомневался, что его друзья гадают, удастся ли им увидеть его живым после матча. Всё это, признаться, не слишком обнадёживало. Натягивая спортивную форму, Гарри даже толком не слышал, о чём говорил Вуд.

Пока Гарри переодевался, Рон и Гермиона нашли свободные места на трибуне и сели рядом с Невиллом. Тот никак не мог понять, почему у них такой мрачный и озабоченный вид и зачем они принесли с собой на игру свои волшебные палочки. Гарри не знал о том, что они тайком от него ежедневно практиковали Обезноживание — то самое заклятие, которое наложил на Невилла Малфой. Эта прекрасная идея пришла им в голову одновременно как раз в тот день, когда Гермиона расколдовала Невилла. Они были готовы наслать проклятие на Снегга в тот самый момент, когда им хоть на мгновение покажется, что тот хочет причинить вред Гарри.

— Значит, не забудь, надо произносить *«Локомотор Мортис»*, — прошептала Гермиона, когда Рон спрятал свою палочку в рукав.

— Я помню, — отрезал Рон. — Не будь занудой!

Тем временем в раздевалке Вуд отвёл Гарри в сторону.

— Не хочу давить на тебя, Гарри, но сегодня нам, как никогда, нужно, чтобы ты поймал снитч как можно раньше. Нам надо закончить игру прежде, чем у Снегга будет шанс нас засудить.

— Там вся школа собралась! — высунувшись за дверь, прокричал Фред Уизли. — Даже… Будь я проклят, если это не сам Дамблдор пожаловал на игру!

Сердце Гарри подпрыгнуло в груди и сделало двойное сальто.

— Дамблдор? — выдохнул он, бросаясь к двери, чтобы лично убедиться, что это правда. Но Фред не шутил. Гарри отчётливо увидел в толпе зрителей серебряную бороду.

Гарри чуть не расхохотался во весь голос — ему стало так легко, что он мог бы сейчас воспарить безо всякой метлы. Он был в безопасности. Снегг не осмелится причинить ему вред в присутствии Дамблдора.

Наверное, именно потому Снегг выглядел таким раздосадованным, когда команды вышли на поле. Даже Рон заметил с трибуны, что Снегг вне себя.

— Никогда не видел его таким злобным, — прошептал Рон, обращаясь к Гермионе. — Смотри, они начинают. Ой!

Кто-то сзади ударил Рона по затылку. Разумеется, это оказался Малфой.

— О, Уизли, извини, я тебя не заметил.

На лице Малфоя была издевательская усмешка. Стоявшие рядом с ним Гойл и Крэбб тоже ухмылялись.

— Интересно, как долго Поттеру удастся удержаться на метле на этот раз? — громко спросил Малфой, зная, что Рон, Гермиона и Невилл прекрасно его слышат. — Кто-нибудь хочет поспорить? Может, ты, Уизли? Хотя да, спорить-то тебе не на что…

Рон не ответил, он внимательно смотрел на поле, где Снегг только что наказал Гриффиндор штрафным очком за то, что Джордж Уизли отбил бладжер в его направлении. Гермиона, которая сидела, положив руки на колени и скрестив все пальцы, не сводила глаз с Гарри. Тот кружил над остальными игроками, оглядываясь по сторонам в поисках своего мяча.

— Кажется, я понял, по какому критерию в Гриффиндор набирают сборную по квиддичу, — громко заявил Малфой несколько минут спустя,

когда Снегг снова наказал Гриффиндор штрафными очками, причём абсолютно без повода. — Жалость — вот чем они там руководствуются. Вот возьмём Поттера — он сирота. Возьмём близнецов Уизли — они абсолютно нищие. Так что странно, что они не взяли в команду тебя, Долгопупс, — ведь у тебя начисто отсутствуют мозги.

Невилл густо покраснел, но всё-таки нашёл в себе силы повернуться к Малфою.

— Я стою десятка таких, как ты, понял? — пробормотал он, запинаясь.

Малфой, Крэбб и Гойл покатились со смеху. Невилл неуверенно посмотрел на Рона. Рон почувствовал его взгляд, но просто не мог отвести глаза от происходившего на поле.

— Разберись с ним сам, Невилл, — шепнул он.

— Знаешь, Долгопупс, если бы мозги были из золота, ты бы всё равно был беднее Уизли, а это показатель, — не успокаивался Малфой.

Рон так переживал за Гарри, что нервы его были напряжены до предела.

— Я предупреждаю тебя, Малфой, — прорычал он, на секунду отворачиваясь от поля. — Ещё одно слово…

— Рон! — вдруг воскликнула Гермиона. — Смотри на Гарри!..

Гарри внезапно устремился вниз, красиво войдя в пике, на которое зрители отреагировали аплодисментами, восторженными воплями и изумлёнными криками. Гермиона вскочила с места, не понимая, что происходит, а Гарри пулей нёсся к земле.

— Тебе повезло, Уизли, кажется, Поттер заметил на поле мелкую монетку! — растягивая слова, произнёс Малфой.

Рон не выдержал. И прежде чем Малфой понял, что происходит, Рон уже сидел на нём, придавливая его к земле. Невилл несколько мгновений колебался, а потом кинулся ему на помощь.

— Давай, Гарри! — завопила Гермиона, глядя, как Гарри летит, набирая скорость, прямо на Снегга. Она уже поняла, что это он сам направил метлу вниз, и нервное напряжение сменилось ликованием. Она даже не замечала, что позади неё идёт ожесточённая борьба и по земле катается клубок из пяти тел, из которого беспрестанно вылетают поднятые кулаки и доносятся звуки ударов и вскрики.

А там, в небе над полем, Снегг как раз разворачивал свою метлу, в последний момент заметив что-то золотое, просвистевшее мимо его головы, а в следующую секунду пролетевший мимо про-

фессора Гарри вышел из пике, победно вскинув руку, в которой был зажат снитч.

Трибуны взорвались криками и аплодисментами: они никогда не видели, чтобы снитч поймали в самом начале игры. Похоже было, что Гарри Поттер установил рекорд.

— Рон! Рон! Где ты?! Игра закончилась! Гарри выиграл! Мы выиграли! Гриффиндор вышел на первое место! — радостно вопила Гермиона, подпрыгивая на сиденье, а потом кинулась обнимать сидевшую перед ней Парвати Патил.

Гарри, спустившись, спрыгнул с метлы. Он никак не мог поверить в то, что произошло. Ему всё удалось, и игра закончилась, не продлившись и пяти минут. Гарри оглянулся, услышав позади крики: на поле выбегали болельщики Гриффиндора. И тут он заметил приземляющегося неподалёку Снегга. Лицо его было белым, а губы плотно сжаты.

Гарри ощутил, как на его плечо опустилась чья-то рука, и, обернувшись, увидел над собой улыбающегося профессора Дамблдора.

— Великолепная игра, — негромко, чтобы его мог слышать только Гарри, произнёс Дамблдор. — Рад, что ты не переживаешь из-за этого зеркала… Что ты продолжаешь жить и радовать-

ся жизни… Прекрасно…

Снегг в ярости сплюнул на землю.

* * *

Некоторое время спустя Гарри в одиночестве вышел из раздевалки, собираясь отнести свой «Нимбус-2000» в специальное помещение, предназначенное для хранения мётел. Кажется, он никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым. Сегодня он сделал то, чем мог гордиться, и никто больше не мог сказать, что Гарри Поттер — это всего лишь известное имя.

Вечерний воздух никогда не пах так сладко. Гарри шёл по мокрой траве, прокручивая в голове события последнего часа, слившиеся в одно счастливое мгновение. Он видел, как все бросаются его поздравлять, как он взлетает в воздух, подбрасываемый десятками рук, как вдали радостно прыгает Гермиона, как машет ему Рон, у которого почему-то идёт из носа кровь.

Гарри дошёл до домика на холме, в котором хранились мётлы. Ему некуда было торопиться, и он стоял там, глядя по сторонам, а затем посмотрел на замок, окна которого отсвечивали красным в лучах заходящего солнца.

Гарри вернулся мыслями к игре. Итак, теперь

сборная Гриффиндора опережала всех в чемпионате. Он сделал то, что должен был сделать, он показал этому Снеггу…

И кстати о Снегге…

Из замка быстро выскользнула тёмная фигура, лицо её было закрыто капюшоном. Некто, кто очень не хотел, чтобы его видели, быстро шёл в сторону Запретного леса. Мысли о квиддиче и недавней победе вылетели у Гарри из головы. Он узнал эту хромающую походку. Это был Снегг, он тайком пробирался в лес, пока вся школа ужинала в Главном зале, — пробирался с какой-то целью…

Гарри одним прыжком оказался на метле и поднялся в небо. Бесшумно скользя над замком, он заметил, как Снегг переходит у опушки леса на бег и исчезает среди деревьев. И Гарри устремился вслед за ним.

Лес был такой густой, что Гарри не видел, куда именно пошёл Снегг. Он летал над лесом кругами, постепенно снижаясь, едва не касаясь верхних веток деревьев, как вдруг услышал голоса. Гарри спланировал туда, откуда они доносились, и бесшумно приземлился на верхушку бука.

Он аккуратно спустился, уселся на толстой ветке и, крепко сжимая в руках метлу, уставил-

ся вниз, пытаясь разглядеть Снегга. И наконец увидел его.

Снегг стоял прямо под ним на тёмной поляне, но он был не один. С ним был профессор Квиррелл. Гарри не видел выражения его лица, но слышал, что Квиррелл заикается ещё больше, чем обычно, а значит, он ужасно нервничал. Гарри напряг слух и затаил дыхание.

— …Н-н-не знаю, п-почему вы ре-ре-решили в-встретиться именно здесь, С-С-Северус?

— О, я просто подумал, что это очень личный разговор, — произнёс Снегг ледяным тоном. — Ведь никто, кроме нас, не должен знать о философском камне — уж по крайней мере школьникам слышать наш разговор совсем ни к чему.

Гарри нагнулся: он никак не мог разобрать, что лопочет в ответ Квиррелл. Но тут Снегг снова оборвал его.

— Вы уже узнали, как пройти мимо этого трёхголового зверя, выращенного Хагридом?

— Н-н-но, С-С-Северус…

— Вам не нужен такой враг, как я, Квиррелл, — угрожающе произнёс Снегг, делая шаг к заикающемуся профессору.

— Я… Я н-не п-понимаю, о ч-чём в-вы…

— Вы прекрасно знаете, о чём я говорю. — В голосе Снегга звучала холодная ирония.

Внезапно поблизости громко заухала сова, и Гарри от неожиданности чуть не упал с ветки. Он изо всех сил пытался удержаться на ней и явно пропустил часть разговора, потому что когда Гарри снова обрёл равновесие, Снегг уже заканчивал свой, судя по всему, продолжительный монолог.

— …насчёт ваших фокусов. Я жду.

— Н-но я н-не… — запротестовал Квиррелл.

— Очень хорошо, — оборвал его Снегг. — В ближайшее время мы снова встретимся — когда вы всё обдумаете и наконец решите, на чьей вы стороне.

Снегг закутался в мантию, накинул на голову капюшон, повернулся и ушёл. Было уже почти совсем темно, но Гарри отчётливо видел Квиррелла, застывшего посреди поляны. Профессор, похоже, был ужасно напуган.

* * *

— Гарри, ты где был? — завизжала Гермиона, вместе с Роном поджидавшая его у входа в замок.

— Победа! Ты выиграл, мы выиграли! — завопил Рон, хлопая Гарри по спине. — Я подбил

Малфою глаз. А Невилл в одиночку кинулся на Крэбба и Гойла, представляешь?! Правда, сейчас он в больнице, но мадам Помфри говорит, что с ним всё в порядке и что он всё время твердит, что ещё покажет Малфою и его друзьям. Все наши сейчас в башне, ждут тебя, чтобы начать праздник. Фред и Джордж пробрались на кухню и утащили несколько тортов и кучу всякой еды.

— Забудь об этом, — почти беззвучно прошептал Гарри. — Давайте найдём пустую комнату, мне надо кое-что вам рассказать…

Он завёл их в одну из комнат и, убедившись, что там нет Пивза, плотно закрыл дверь и начал свой рассказ.

— Так что мы не ошиблись, решив, что речь идёт о философском камне, — спустя какое-то время подытожил он. — А теперь Снегг пытается заставить Квиррелла помочь ему завладеть камнем. Он спрашивал Квиррелла, знает ли тот, как пройти мимо Пушка. И ещё он сказал Квирреллу что-то про его фокусы. Я думаю, что камень охраняет не только Пушок, но и самые разные заклинания. Возможно, Квиррелл наложил несколько своих заклятий против Тёмных сил, и Снеггу надо узнать, как развеять эти чары…

— То есть ты хочешь сказать, что камень будет

в безопасности до тех пор, пока Квиррелл не сломается под напором Снегга? — встревоженно спросила Гермиона.

— Тогда максимум через неделю камень исчезнет, — мрачно заключил Рон.

Глава 14
Дракон по имени Норберт

Однако, судя по всему, Квиррелл оказался храбрее, чем они думали. Шли недели, профессор становился всё бледнее и тоньше, но было непохоже, чтобы он сломался.

Всякий раз, проходя по коридору третьего этажа, Гарри, Рон и Гермиона прикладывали ухо к двери, за которой начиналась запретная территория, и по доносившемуся оттуда рычанию заключали, что пока всё в порядке. Это подтверждал и Снегг, который неизменно пребывал в привычном для него отвратительном настроении. Друзья прониклись к Квирреллу глубоким уважением, и Гарри, сталкиваясь с профессором в коридорах, ободрительно улыбался ему, а Рон начал заступаться за Квиррелла, делая замечания тем, кто посмеивался над заиканием профессора.

Что касается Гермионы, то, в отличие от Гарри и Рона, она думала не только о философском камне. Она начала составлять расписание подготовки к экзаменам, заявив, что им всем необходимо повторить всю программу, и наложила заклинание

на свои записи, пометив разными цветами темы для каждого из занятий.

— Гермиона, да до экзаменов ещё целая вечность, — в один голос запротестовали Гарри и Рон.

— Всего десять недель, — отрезала Гермиона. — Это совсем не вечность, а для Николаса Фламеля это вообще как одна секунда.

— Но нам не по шестьсот лет, — напомнил ей Рон. — И зачем нам всё повторять, тем более тебе, ведь ты и так всё знаешь?

— Зачем повторять?! — Гермиона прямо-таки задохнулась от возмущения. — Ты что, с ума сошёл? Ты понимаешь, что для того, чтобы перейти на второй курс, нам надо сдать экзамены? Это очень важно, нам нужно было начать повторять ещё в прошлом месяце! И как я об этом забыла!

Преподаватели, судя по всему, рассуждали так же, как и Гермиона. Они буквально завалили учеников домашними заданиями, и потому пасхальные каникулы по сравнению с рождественскими оказались совсем невесёлыми. Да и как можно расслабиться, когда рядом с тобой Гермиона вслух повторяет двенадцать способов применения крови дракона или отрабатывает технику движений волшебной палочки. Зевая и

недовольно постанывая, Гарри и Рон проводили большую часть своего свободного времени в библиотеке, пытаясь одновременно повторять пройденное и изучать новое.

— Никогда в жизни этого не запомню! — наконец взорвался Рон, отшвыривая перо и с тоской уставившись в окно библиотеки. Его можно было понять: впервые за несколько месяцев выдался по-настоящему приятный день. Небо было ярко-голубым, как незабудка, а в воздухе плавало предчувствие лета.

Гарри, искавший белый бадьян в книге «Тысяча волшебных растений и грибов», оторвал глаза от страниц, только когда Рон неожиданно громко воскликнул:

— Хагрид! Что ты здесь делаешь?

Хагрид, похоже, пытался скрыться от них за полками, но понял, что его увидели, вышел оттуда и, шаркая, двинулся к ним. Он не стал подходить слишком близко, а руки держал за спиной, словно что-то прятал от Гарри и Рона. Великан в шубе из кротового меха явно не вписывался в здешнюю обстановку и, похоже, сам понимал, что привлекает к себе внимание, хотя всячески старался этого избежать. И казалось, что он совершенно не рад встрече.

— Я так… э-э… посмотреть зашёл, — пробормотал Хагрид, отводя глаза. Гарри и Рон насторожились. — А вы-то тут чего? Неужто всё Николаса Фламеля ищете?

Вид у Хагрида тут же стал очень подозрительный.

— Да мы уже давным-давно узнали, кто он такой, — важным голосом произнёс Рон. — И мы знаем, что охраняет пёс, — это философский…

Хагрид зашипел, прикладывая палец к губам и быстро оглядываясь по сторонам.

— Ты чего… чего об этом кричишь, что с тобой случилось-то?

— Кстати, мы кое о чём хотели тебя спросить, — как бы невзначай произнёс Гарри. — Скажи, кто и что, кроме Пушка, охраняет камень?

— Да тихо вы! — снова прошипел Хагрид. — Не надо тут об этом. Вы ко мне попозже загляните… ну… и поговорим. Насчёт того, чтобы… э-э… что-то рассказать, обещать не буду, но тут… ну… об этом вообще нельзя, школьникам такое знать не надо. А то кто-нибудь подумает, что вы от меня всё узнали, да! А я-то здесь ни при чём!

— Тогда увидимся позже, — произнёс Гарри, и Хагрид побрёл прочь из библиотеки.

— Интересно, что он там прятал за спиной? —

задумчиво спросила Гермиона.

— Хочешь сказать, что это может быть связано с философским камнем? — поинтересовался Гарри.

— Пойду посмотрю, в какой секции он был, — произнёс Рон. Он явно устал от занятий.

Через пару минут он уже вернулся с тяжёлой стопкой книг в руках.

— Драконы! — прошептал он. — Хагрид искал что-то о драконах. Вот, смотри: «Разновидности драконов, обитающих в Великобритании и Северной Ирландии» и «Пособие по разведению драконов: от яйца до адского чудовища».

— Хагрид всегда хотел иметь дракона. Он сам мне сказал в тот день, когда мы с ним познакомились, — заметил Гарри.

— Но это противозаконно, — удивился Рон. — Разведение драконов было запрещено Конвенцией магов тысяча семьсот девятого года, это всем известно. Если мы будем разводить драконов, маглы узнают о нашем существовании! К тому же драконов всё равно нельзя приручить, и они очень опасны. Ты бы видел ожоги, которые получил Чарли в Румынии, изучая диких драконов.

— Но в Британии драконов конечно же нет? — с надеждой спросил Гарри.

— Конечно есть. — Рон посмотрел на него так, словно Гарри сморозил какую-то глупость. — Обыкновенные валлийские зелёные и чёрные гебридские. Сказать по правде, Министерство магии кучу сил тратит на то, чтобы спрятать их от маглов. Нашим приходится накладывать заклятия на маглов, которые столкнулись с драконами, чтобы они навсегда забыли об этой встрече.

— Интересно, что задумал Хагрид? — с любопытством произнесла Гермиона.

* * *

Час спустя они подошли к хижине Хагрида и с удивлением отметили, что занавески на окнах задёрнуты. А Хагрид впустил их в хижину, только убедившись, что это именно они. И тут же закрыл за ними дверь.

Внутри стояла ужасная жара. Несмотря на то что на улице было тепло, в камине ярко горел огонь. Хагрид приготовил им чай и предложил бутерброды с мясом горностая, но они, не колеблясь, отказались от этой экзотической еды.

— Ну так что… вы вроде спросить чего хотели? — первым начал разговор Хагрид.

— Да, — согласился Гарри, решив, что не стоит ходить вокруг да около. — Мы хотели узнать, не

расскажешь ли ты нам, что охраняет философский камень… кроме Пушка.

Хагрид неодобрительно посмотрел на него.

— Не, не расскажу, — категорично произнёс он. — Во-первых, я и сам не знаю. Ну, а во-вторых, вы и так уж много всего… э-э… разведали, ни к чему вам больше знать. Да я, если б знал даже, всё равно б не сказал, да! А насчёт камня — так он ведь здесь не просто так. Его из «Гринготтса» чуть не украли… ну… я так думаю, ты уж сам всё понял. А вот как вы про Пушка разведали — убей не пойму.

— Перестань, Хагрид! Конечно, ты не хочешь нам рассказывать, но ведь ты знаешь, ты обо всём знаешь, что здесь происходит. — В голосе Гермионы была неприкрытая лесть, и борода Хагрида зашевелилась. Великан улыбался, пусть улыбка и была скрыта волосами. — Мы просто хотим знать, кто накладывал заклятия, которые должны помешать похитить камень. Нам так интересно, кому — кроме тебя, конечно — доверяет профессор Дамблдор.

Хагрид горделиво выпятил грудь. Гарри и Рон с уважением посмотрели на Гермиону.

— Ну… эта… думаю, не будет ничего, если я вам скажу. — В голосе попавшегося на лесть Хагрида

не было и оттенка сомнения. — Значит, так… Он у меня Пушка одолжил, это раз. А потом кое-кто из профессоров заклятия накладывал… Профессор Стебль, профессор Флитвик, профессор МакГонагалл, — произнося очередное имя, Хагрид загибал палец. — Профессор Квиррелл… и сам Дамблдор, конечно. А, вот ещё чего забыл. Точно, про профессора Снегга.

— Снегг? — одновременно вырвалось у всех троих.

— Вы чего, опять про это? Кончайте, ладно? — Хагрид отмахнулся от них. — Да как вы не поймёте — Снегг… ну… помогает камень охранять, зачем ему его воровать-то?

Гарри знал, что Рон и Гермиона думают о том же, о чём и он. Если Снегг принимал участие в охране камня, значит, он мог легко узнать, какие именно заклинания наложили другие профессора. Похоже, Снегг уже выведал всё, что ему надо, кроме того, заклинание, которое наложил Квиррелл, и ещё…

— Ведь только ты знаешь, как пройти мимо Пушка, правда, Хагрид? — взволнованно спросил Гарри. — И ты ведь никому об этом не расскажешь, верно? Даже никому из преподавателей?

— Да ни одна живая душа не знает, вот как!

Кроме меня… э-э… и Дамблдора, конечно, — гордо заявил Хагрид.

— Что ж, хоть это хорошо, — пробормотал Гарри, обращаясь к своим спутникам. — Слушай, Хагрид, может, откроем окно? Тут у тебя задохнуться можно…

— Извини, Гарри, но никак нельзя, — поспешно ответил Хагрид и покосился на горевший в камине огонь. Гарри, поймав его взгляд, тоже заглянул в камин.

— Хагрид! Что это?! — воскликнул он.

Ответ не требовался — он уже знал, что это. В самом центре пламени, прямо под висящим над огнём чайником, лежало огромное чёрное яйцо.

— А… это… — Хагрид нервно подёргал себя за бороду. — Ну… это…

— Где ты его взял, Хагрид? — поинтересовался Рон, встав перед камином на колени и внимательно рассматривая яйцо. — Ведь оно, должно быть, стоит целую кучу денег.

— Да выиграл я его, — признался Хагрид. — Вчера вечером и выиграл. Пошёл вниз, в деревню, посидел там… ну… выпил. А тут незнакомец какой-то, в карты ему сыграть охота. Хотя, если по правде, так он… э-э… даже рад был, что яйцо проиграл, — видать, сам не знал, куда его девать-то.

— А что ты будешь делать, когда из него вылупится дракон? — поинтересовалась Гермиона.

— Ну, я тут читаю кое-что. — Хагрид вытащил из-под подушки толстенную книгу. — Вот в библиотеке взял — «Разведение драконов для удовольствия и выгоды». Старовата, конечно, но там всё про это есть. Яйцо в огне надо держать, вот как! Потому что драконихи на яйца огнём дышат, согревают их так. А когда он… ну… вылупится, надо ему раз в полчаса ковшик цыплячьей крови давать и… э-э… бренди ещё туда доливать надо. А вон смотрите — это как яйца распознавать. Это, что у меня — это норвежского горбатого, редкая штука, так вот.

Хагрид явно был очень доволен собой, но Гермиона его радости не разделяла.

— Хагрид, ты ведь живёшь в деревянном доме, — трагическим голосом произнесла она.

Но Хагрид её не слушал. Он что-то напевал себе под нос, помешивая кочергой дрова в камине.

* * *

Теперь у Гарри и его друзей появилась новая забота — их беспокоила судьба Хагрида, если кто-нибудь узнает, что он незаконно укрывает у себя дракона.

— Я уже даже забыл, что такое спокойная жизнь, — вздохнул Рон.

Вечер за вечером они просиживали над домашними заданиями, которые становились всё больше и больше. А Гермиона сначала составила программу повторения пройденного для себя, а теперь готовила такую же для них. Гарри и Рона это сводило с ума.

Как-то за завтраком Букля принесла Гарри записку от Хагрида. В записке было всего два слова: «Он вылупляется».

Рон предложил прогулять травологию и после завтрака тут же отправиться прямиком к Хагриду. Но Гермиона и слышать об этом не хотела.

— Да послушай, Гермиона, мы, может, больше никогда в жизни такого не увидим, — укорил её Рон.

— Нам нельзя пропускать занятия, у нас могут быть проблемы, а когда кто-нибудь узнает про Хагрида, вообще такое начнётся… И если мы ещё там рядом окажемся, тогда всё…

— Заткнитесь, — прошептал Гарри.

Малфой, проходивший мимо в паре метров от них, вдруг застыл и прислушался. Теперь можно было только гадать, услышал он что-то или нет — и если да, то как много. Но выражение лица

Малфоя Гарри очень не понравилось.

Рон и Гермиона спорили всю дорогу до травологии, и в конце концов Гермиона согласилась сбегать к Хагриду после урока. Когда наконец из замка донёсся звонок, они побросали совки и лопатки, которыми ковырялись в земле, выскочили из оранжереи и поспешно бросились к опушке леса. Открывший им Хагрид был весь красный от возбуждения.

— Он почти вылез! — прошептал Хагрид, заталкивая их внутрь.

Яйцо, испещрённое глубокими трещинами, лежало на столе. Внутри что-то двигалось, стуча по скорлупе.

Они придвинули стулья к столу и сели, затаив дыхание.

Внезапно раздался треск, яйцо развалилось пополам и на стол выпал маленький дракончик. Его нельзя было назвать симпатичным. Гарри подумал, что он напоминает скомканный чёрный зонтик. Он был ужасно тощий, топорщащиеся на спине крылья казались непомерно большими для такого тела. Морда у дракончика была длинная, с широкими ноздрями, пробивающимися бугорками рогов и выпученными оранжевыми глазами.

Дракончик чихнул, из ноздрей вылетело несколько искр.

— Ну разве не красавчик? — проворковал Хагрид. Он вытянул руку, чтобы погладить своего любимца по голове. Дракончик молниеносно раскрыл пасть и лязгнул острыми клыками, пытаясь ухватить Хагрида за палец.

— Вот умный малыш! Сразу узнал свою мамочку! — восхитился Хагрид.

— Хагрид, а как быстро растут норвежские горбатые драконы? — озадаченно поинтересовалась Гермиона.

Хагрид открыл было рот, чтобы ответить, но внезапно побледнел и, вскочив на ноги, метнулся к окну.

— Что случилось? — крикнул Гарри, хотя уже знал ответ.

— Кто-то в окно заглядывал, а я, как назло, занавески неплотно задвинул, — сокрушённо выговорил Хагрид. — Мальчишка какой-то… вон, убегает.

Гарри подскочил к двери и распахнул её. Даже на расстоянии он легко узнал убегавшего.

Гарри тяжело вздохнул. Теперь о существовании дракона знали не только они трое, но и Малфой.

* * *

Всю следующую неделю Малфой, завидев Гарри, Рона и Гермиону, неприятно улыбался, и его улыбка их нервировала. Большую часть свободного времени они проводили в полумраке хижины Хагрида, пытаясь урезонить великана.

— Отпусти его, — настаивал Гарри. — Выпусти его на волю.

— Не могу. — Хагрид покачал головой. — Он же маленький совсем. Он умрёт один.

Они посмотрели на дракончика. За неделю он стал раза в три длиннее. Из его ноздрей беспрестанно вырывались клубы дыма.

Однако Хагрид, кажется, этого не замечал. Судя по всему он вообще забыл обо всём, в том числе и об обязанностях лесника, и если и выходил из хижины, то только за продовольствием для своего подопечного. По полу хижины, заваленному птичьими перьями, перекатывались пустые бутылки из-под бренди.

— Я ему имя придумал — Норберт. — Хагрид смотрел на дракона влюблёнными глазами. — Он меня уже знает… смотрите вот. Норберт! Норберт! Где твоя мамочка?

— Он рехнулся, — прошептал Рон, наклонив-

шись к уху Гарри.

— Хагрид, — громко позвал Гарри. — Ещё две недели, и Норберт не будет помещаться в твоей хижине. А к тому же, возможно, у нас нет в запасе и двух дней! Малфой в любой момент может донести на тебя Дамблдору!

Хагрид закусил губу.

— Я… Я ж понимаю, что навсегда его здесь оставить не могу, но и бросить его не могу… нельзя так.

Гарри вдруг резко повернулся к Рону.

— Чарли! — воскликнул он.

— Ну вот, теперь и ты рехнулся, — спокойно отреагировал тот. — Меня зовут Рон, ты забыл?

— Да нет, я про Чарли, твоего старшего брата, который изучает драконов в Румынии. Мы можем отправить Норберта к нему. Ведь Чарли сможет о нём позаботиться, а когда Норберт вырастет, он отпустит его на волю!

— Гениально! — завопил Рон. — Как тебе идея, Хагрид?

Идея Хагриду не понравилась, но после долгих уговоров и убеждений великан согласился послать Чарли сову. Видимо, в глубине души надеясь, что ответ придёт не скоро, а может, и не придёт вообще.

* * *

Следующая неделя тянулась необычайно медленно. В среду, когда все ушли спать, Гарри и Гермиона всё ещё сидели в Общей гостиной, дожидаясь Рона. На часах было уже двенадцать, когда они услышали какой-то шорох. Через мгновение из ниоткуда появился Рон, сбросивший с себя мантию-невидимку. Он был у Хагрида, помогая тому кормить Норберта, который теперь десятками поедал дохлых крыс.

— Он меня укусил! — Рон вытянул руку, обмотанную окровавленным носовым платком. — Я теперь, наверное, несколько дней даже перо не смогу держать. Если честно, более жуткого зверя, чем дракон, я в жизни не видел, а Хагрид с ним возится так, словно это маленький пушистый кролик. Вы представьте только: Норберт меня укусил, а Хагрид мне ещё выговаривать начал за то, что я его малютку испугал. А когда я уходил, он ему колыбельную пел.

В тёмное окно внезапно постучали.

— Это Букля! — воскликнул Гарри, кидаясь к окну, чтобы впустить сову. — Она принесла ответ.

Гарри, Рон и Гермиона положили письмо на стол и склонились над ним.

Дорогой Рон!

Как у тебя дела? Спасибо за письмо. Я буду счастлив взять норвежского горбатого дракона. Но доставить его сюда будет непросто. Я думаю, лучше всего будет переслать его с моими друзьями, которые прилетят навестить меня на следующей неделе. Проблема в том, что никто не должен видеть, как они перевозят дракона, — ведь это незаконно.

Будет идеально, если вы сможете привести дракона на самую высокую башню замка Хогвартс в субботу в полночь. Тогда они успеют добраться до Румынии до наступления утра.

Пришли мне ответ как можно быстрее.

С любовью, Чарли

Гарри, Рон и Гермиона задумчиво посмотрели друг на друга.

— У нас есть моя мантия-невидимка, — медленно произнёс Гарри, правильно истолковав сомнения друзей. — Думаю, она вполне сможет спрятать нас с Роном и Норберта — так что всё получится.

Гарри произнёс это так спокойно просто для

того, чтобы успокоить друзей, на самом деле у его плана имелись серьёзные изъяны. Хотя бы потому, что Норберт мог запросто прожечь мантию. Да и заткнуть ему пасть, чтобы он не издал ни звука, было нереально. Но к его облегчению, Рон и Гермиона согласно кивали. И это свидетельствовало о том, насколько трудной и изматывающей была для них вся последняя неделя. Потому что теперь они были готовы на самый безумный вариант, лишь бы избавиться от Норберта. И от Малфоя.

* * *

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Наутро укушенная рука Рона раздулась, вдвое увеличившись в размерах. Рон никак не мог решить, не будет ли слишком рискованным поход к мадам Помфри: ведь она, наверное, могла сразу определить, что это укус дракона. Однако спустя несколько часов выбора у Рона уже не было. Рука позеленела. Похоже, что клыки Норберта были ядовитыми.

Гарри и Гермиона, примчавшиеся в больничное крыло в конце дня, застали Рона в ужасном состоянии.

— Это не только из-за руки, — прошептал Рон. — Хотя ощущение такое, что она вот-вот отвалится.

Тут ко мне зашёл Малфой — сказал мадам Помфри, что пришёл забрать книгу, которую мне дал, а на самом деле, чтобы надо мной поиздеваться. Он угрожал, что расскажет мадам Помфри, кто укусил меня на самом деле. Я-то ей сказал, что это собака, но не знаю, поверила ли она. Не надо было мне его бить тогда на матче — он ведь именно за это нам теперь мстит.

Гарри и Гермиона попытались успокоить Рона.

— В субботу в полночь всё закончится, — напомнила ему Гермиона, но почему-то Рона это совсем не обрадовало. Более того, он вдруг вскочил на кровати, и лицо его покрылось потом.

— В субботу, в полночь! — хрипло повторил он. — Я только сейчас вспомнил: Малфой забрал у меня книгу, чтобы мадам Помфри ему поверила, что он приходил именно за ней. А в этой книге лежало письмо от Чарли! Так что теперь он всё знает…

Гарри и Гермиона даже не успели ничего сказать по этому поводу. В палату вошла мадам Помфри и выпроводила их, заявив, что Рону необходимо поспать.

* * *

— Менять планы уже поздно, — заявил Гарри, когда они с Гермионой вышли из палаты. — Мы не успеем послать Чарли ещё одну сову, а другого шанса избавиться от Норберта может и не представиться. Нам придётся рискнуть. А к тому же у нас есть мантия-невидимка, и вот о ней Малфой ничего не знает.

Когда они пришли к хижине Хагрида, чтобы рассказать тому о случившемся, у дверей хижины с грустным видом сидел Клык — его хвост был замотан тряпками. А Хагрид даже не впустил их внутрь, а разговаривал с ними, высунувшись в окно.

— Не пущу я вас… Норберт тут расшалился, — объяснил он. — Но ничего такого… уж я-то с ним справлюсь.

Когда Гарри закончил свой рассказ, глаза Хагрида наполнились слезами, хотя, возможно, дело было в том, что именно в этот момент Норберт ухватил его за ногу.

— А-а-а! — вдруг взревел Хагрид, но тут же выдавил из себя кривую улыбку. Судя по всему, он не хотел, чтобы Гарри и Гермиона забеспокоились ещё больше. — Ничего страшного… куснул меня

за сапог, просто он же ребёнок всего-навсего.

Ребёнок ударил хвостом в стену, и хижина заходила ходуном. Гарри и Гермиона пошли обратно к замку, думая про себя, что дождаться субботы будет нелегко.

* * *

Когда пришёл момент прощания с Норбертом, Гарри и Гермиона наверняка посочувствовали бы Хагриду, если бы так не беспокоились за успех операции. Правда, ночь была тёмной и облачной, но они уже немного опаздывали, потому что им с Гермионой пришлось задержаться в замке. А всё из-за Пивза, увлечённо игравшего в теннис с самим собой в холле первого этажа и заставившего их ждать до тех пор, пока игра ему не наскучила.

Хагрид уже упаковал Норберта в огромный деревянный ящик.

— Я там ему кучу крыс запихнул и бренди тоже приготовил, чтоб не проголодался по пути, — произнёс Хагрид приглушённым голосом. — Я ему ещё туда плюшевого мишку положил, чтоб он по дороге не скучал.

Из ящика доносились странные звуки: Гарри показалось, что как раз в этот момент плюшевому мишке отрывали голову.

— Прощай, Норберт! — срывающимся голосом выдавил из себя Хагрид. — Мамочка никогда тебя не забудет!

Гарри и Гермиона встали по обе стороны ящика и набросили на себя мантию.

Позже они бы и сами не смогли объяснить, как им удалось доволочь ящик до замка. Была уже почти полночь, когда они втащили ящик на первый этаж, и, немного передохнув, снова подхватили его и двинулись по тёмным коридорам.

Каким-то чудом им удалось подняться сначала по одной лестнице, потом по другой. Даже тот факт, что Гарри уже хорошо изучил замок и знал кратчайший путь к цели, не облегчал их ношу.

— Почти пришли! — тяжело выдохнул Гарри, утирая пот, когда они оказались в коридоре под самой высокой башней.

Они уже снова подхватили ящик, настроившись на последнее усилие, когда в коридоре раздался какой-то шум. Забыв, что они невидимы, они резко отступили в тень, вглядываясь в тёмные очертания двух борющихся друг с другом людей. И вдруг зажглась лампа.

Профессор МакГонагалл в ночной рубашке из клетчатой шотландки и с сеточкой для волос на голове крепко держала за ухо вырывающегося

Малфоя.

— Вас ждёт дисциплинарное наказание! — вскричала она, увидев, кто перед ней. — И двадцать штрафных очков! Как вы посмели ходить по школе посреди ночи?!

— Вы не понимаете, профессор! — визжал Малфой. — Гарри Поттер — он скоро будет здесь! С драконом!

— Что за чушь! — возмутилась профессор МакГонагалл. — Как вы смеете мне лгать?! Идёмте, Малфой, а утром я поговорю о вас с профессором Снеггом!

После того, что случилось, почти отвесная винтовая лестница, ведшая на башню, показалась им чем-то просто несерьёзным. И уже через несколько минут они оказались на свежем воздухе и, сбросив с себя мантию, перевели дух. Гермиона вдруг начала приплясывать.

— Малфоя ждёт наказание! — радостно выкрикнула она. — Я так счастлива, что даже петь хочется!

— Не надо, — посоветовал Гарри, хотя настроение у него тоже было просто прекрасное.

Наверное, они странно смотрелись со стороны — уставшие, мокрые, улыбающиеся своим мыслям. Стоявший между ними ящик, наверное,

тоже смотрелся странно — особенно если учесть, что он сильно покачивался из стороны в сторону. Возможно, Норберту тоже стало весело.

Десять минут спустя из темноты спланировали четыре метлы. Друзья Чарли оказались весёлыми людьми и к транспортировке Норберта отнеслись, как к забавному приключению. Тем более что они уже всё продумали и захватили с собой специально изготовленное для этого случая крепление. Когда ещё минут через десять мётлы поднялись в воздух, между ними висел большой деревянный ящик.

Гарри и Гермиона проводили его глазами, а когда он пропал из виду, пошли вниз по винтовой лестнице. На душе у них было легко. Норберт улетел, Малфой им больше не угрожал и разве могло что-нибудь омрачить их радость?

Ответ поджидал их у подножия лестницы. Как только они спустились по ней, из мрака вынырнуло лицо Филча.

— Так-так-так, — прошептал он. — Кажется, у нас серьёзные проблемы.

Гарри только сейчас понял, что мантия-невидимка осталась на крыше.

Глава 15
Запретный лес

Наверное, ничего хуже с Гарри приключиться просто не могло.

Филч прямиком повёл их на первый этаж, в кабинет профессора МакГонагалл, где они молча сидели, ожидая появления профессора. Гермиона дрожала и едва сдерживала слёзы. Гарри судорожно пытался придумать подходящее оправдание и какую-нибудь невероятную историю, объяснявшую их ночное бдение, но каждая новая версия была слабее предыдущей.

Похоже, они влипли в серьёзную переделку. И сожалеть о том, что он забыл мантию на башне, было уже поздно. Гарри не видел, как они смогут оправдаться перед профессором МакГонагалл, к тому же они не просто бродили посреди ночи по школе, но были пойманы спускающимися из самой высокой башни, куда вообще запрещалось подниматься, кроме как на уроки астрономии. А если профессор выяснит про Норберта и найдёт на крыше мантию, то Гарри и Гермионе придётся паковать свои чемоданы — в этом сомнений не

было.

Однако Гарри зря думал, что ничего хуже и придумать нельзя. Он ошибался. Потому что наконец появившаяся в кабинете профессор МакГонагалл вела за собой Невилла.

— Гарри! — завопил Невилл, словно забыл о присутствии преподавателя. — Я пытался вас разыскать и предупредить, я услышал, как Малфой рассказывает своим дружкам, что поймает вас ночью, когда вы будете с дра…

Гарри яростно замотал головой, показывая Невиллу чтобы тот немедленно замолчал, но профессор МакГонагалл это заметила. Вид у неё был такой, что стоит ей выдохнуть воздух, изо рта её ударит столб огня — такой, какой Норберту и не снился.

— Я никогда бы не поверила, что вы способны на такой поступок, — медленно выговорила она. — Мистер Филч сказал, что вы поднимались на астрономическую башню. Сейчас час ночи. Объяснитесь.

В первый раз за всё время своего пребывания в школе Гермиона не нашла что ответить. Она застыла, как статуя, глаза опустились и уткнулись в пол.

— Кажется, я понимаю, что происходит, — про-

изнесла наконец профессор МакГонагалл, не дождавшись ответа. — Не надо быть гением, чтобы догадаться. Вы скормили Драко Малфою идиотскую историю про дракона, рассчитывая, что он посреди ночи выйдет из спальни и наткнётся на кого-то из преподавателей. Что ж, я уже его поймала. Видимо, вы полагаете, что это смешно, что не только Малфой клюнул на вашу историю, но и Невилл Долгопупс?

Гарри поймал взгляд Невилла и попытался сказать ему без слов, что это неправда, потому что вид у Невилла был ошеломлённый и оскорблённый. Гарри было жаль неуклюжего беднягу Невилла, ведь он, такой пугливый и нерешительный, нашёл в себе силы, чтобы выйти ночью из спальни и попробовать найти Гарри, чтобы предупредить его.

— Это омерзительно! — заключила профессор МакГонагалл. — Подумать только — четверо учеников бродят ночью по школе! Раньше такого никогда не случалось! Я думала, что вы куда разумнее, мисс Грэйнджер. А что касается вас, Поттер, я думала, что принадлежность к факультету Гриффиндор значит для вас куда больше. Что ж, вы все трое будете наказаны — да, и вы тоже, мистер Долгопупс, ничто не даёт вам

права ходить по школе посреди ночи, тем более сейчас, когда это особенно опасно. Кроме дисциплинарного наказания, вы получаете пятьдесят штрафных очков.

— Пятьдесят? — с трудом выдохнул Гарри. С таким штрафом Гриффиндор терял своё первенство в Кубке школы — первенство, установлению которого он лично способствовал во время последнего матча по квиддичу.

— Пятьдесят очков каждый, — добавила профессор МакГонагалл, шумно выдыхая воздух — ноздри её длинного тонкого носа широко раздувались.

— Профессор, пожалуйста… — взмолилась Гермиона.

— Вы не можете… — подхватил Гарри.

— Не говорите мне, что я могу и чего не могу, вы поняли, Поттер?! А теперь возвращайтесь в спальню. Мне никогда в жизни не было так стыдно за Гриффиндор!

Минус сто пятьдесят очков. Теперь факультет Гриффиндор оказывался на последнем месте. Возможно, он ещё мог выиграть Кубок по квиддичу, но в соревновании между факультетами ему не победить. И всё из-за того, что они потеряли сто пятьдесят очков за одну ночь. Гарри казалось, что

сердце его вот-вот разорвётся на части, потому что шансов исправить ошибку не было.

Гарри не спал всю ночь. Он слышал, как плачет в подушку Невилл, но не знал, как его успокоить. Он знал, что Невилл, как и он сам, больше всего боится рассвета. А точнее, того, что случится, когда весь факультет узнает, что они сделали.

Поначалу никто не понял, что произошло, и, глядя на огромную доску, на которой фиксировались очки факультета, все подумали, что это ошибка. Такого просто не могло быть — ну представьте, как может получиться, что утром у факультета стало на сто пятьдесят очков меньше, чем было вечером? Но уже через час после подъёма всё выяснилось — что во всём виноват Гарри Поттер, знаменитый Гарри Поттер, член сборной команды по квиддичу и герой двух последних матчей. Он и ещё двое глупых первоклашек.

Гарри, ещё вчера бывший самым популярным учеником школы и всеобщим любимцем, в одно мгновение превратился в самого презираемого и ненавидимого. Даже школьники с факультетов Пуффендуй и Когтевран резко изменили своё отношение к нему, потому что всем хотелось, чтобы Слизерин наконец уступил школьный Кубок кому-то другому. Куда бы Гарри ни пошёл,

на него показывали пальцами и во весь голос, даже не пытаясь перейти на шёпот, произносили в его адрес всякие обидные слова. Только школьники из Слизерина при виде Гарри начинали рукоплескать и громко выкрикивать: «Мы твои должники, Поттер!»

Поддерживал его только Рон.

— Вот увидишь, через несколько недель все об этом забудут, — успокаивал он Гарри. — Фред и Джордж за то время, пока они здесь, получили тонны штрафных очков, а их всё равно все любят.

— Но они ведь никогда не получали по минус сто пятьдесят очков за один раз? — грустно спросил Гарри.

— Ну, в общем, нет, — признался Рон.

Было слишком поздно для того, чтобы как-то исправить свою ошибку, но Гарри всё равно поклялся себе ни во что не ввязываться. Пора было заканчивать с ночными похождениями и слежкой за Снеггом. Гарри было так стыдно за свой проступок, что он даже пошёл к Вуду и предложил отчислить его из сборной по собственному желанию.

— Отчислить?! — громовым голосом переспросил Вуд. — И что нам это даст? Если мы не будем

выигрывать в квиддич, как же нам тогда зарабатывать очки?

Но даже квиддич потерял для Гарри свою привлекательность. На тренировках с ним никто не разговаривал, а если кто-то был вынужден обратиться к нему, то называл его просто ловцом.

Гермиона и Невилл тоже страдали. Но хотя с ними, как и с Гарри, никто не разговаривал, им пришлось куда легче, чем ему, потому что они не были такими известными личностями. Однако Гермиона даже перестала, вопреки своему обыкновению, привлекать к себе внимание на уроках. Она сидела, опустив голову, и молча выполняла задания.

Гарри был почти рад, что до экзаменов осталось не так уж много времени. Подготовка к экзаменам и повторение пройденного помогали ему хоть ненадолго отвлечься от случившегося. Гарри, Рон и Гермиона после ужина возвращались в Общую гостиную, садились втроём и занимались до поздней ночи, запоминая составы сложнейших зелий, заучивая наизусть заклинания и контр-заклинания, зазубривая даты волшебных открытий и восстаний гоблинов.

Однако, когда до экзаменов осталась примерно неделя, решимость Гарри не вмешиваться ни во

что его не касающееся подверглась серьёзному испытанию. Как-то днём, возвращаясь в одиночестве из библиотеки, он услышал подозрительно знакомое хныканье, доносившееся из соседнего кабинета. Подойдя поближе, он услышал из-за двери голос Квиррелла.

— Нет-нет… пожалуйста, не начинайте снова. — Похоже было, что кто-то угрожает Квирреллу.

Гарри огляделся и бесшумно приблизился вплотную к двери.

— Хорошо, хорошо. — В голосе Квиррелла звучали слёзы.

В следующую секунду Квиррелл вылетел из кабинета, поправляя свой тюрбан. Гарри чудом успел отскочить в сторону, и профессор даже не заметил его. Квиррелл был бледен и выглядел так, словно сейчас разрыдается. Гарри дождался, пока тот удалится, и заглянул в комнату. Там никого не было, но зато в противоположном конце кабинета имелась вторая дверь, распахнутая настежь. Гарри уже направился к ней, но тут вспомнил о своём намерении не лезть в чужие дела.

Он стал свидетелем странного разговора, и это очень беспокоило его. Он готов был поспорить с кем угодно хоть на десяток философских камней, что это Снегг вышел через другую дверь. А судя

по тому что Гарри успел услышать, Снегг своего добился. Потому что было похоже, что Квиррелл сдался и рассказал то, что от него требовали.

Гарри развернулся и пошёл обратно в библиотеку, где Гермиона проверяла познания Рона в астрономии.

— Значит, Снегг всё из него вытянул! — заключил Рон, когда Гарри рассказал об услышанном. — И теперь он знает, как снять наложенное Квирреллом заклинание против Тёмных сил…

— Да, но остаётся Пушок, — напомнила Гермиона.

— Возможно, Снегг сам узнал, как пройти мимо него, и ему уже не нужно выведывать это у Хагрида, — предположил Рон, обводя взглядом окружавшие их тысячи книг. — Я уверен, что в одном из этих томов написано, как приструнить гигантского трёхголового пса. Так что мы будем делать, Гарри?

У Рона заблестели глаза — похоже, ему снова захотелось приключений. Но не успел Гарри открыть рта, чтобы ему ответить, как в разговор встряла Гермиона.

— Мы пойдём к Дамблдору, — категорично заявила она. — Надо было давным-давно к нему пойти. А если мы попытаемся сделать что-нибудь

самостоятельно, то наверняка опять попадёмся, и тогда нас точно выгонят из школы.

— Но у нас нет доказательств! — возразил Гарри. — Квиррелл слишком напуган, чтобы подтвердить нашу версию. А Снеггу достаточно просто сказать, что он не знает, как в Хэллоуин тролль попал в замок, и что он даже близко не подходил к третьему этажу. И кому, как вы думаете, поверят? Ему или нам? К тому же ни для кого не секрет, что мы его ненавидим. И Дамблдор решит, что мы всё это придумали, чтобы Снегга уволили. Филч никогда нам не поможет — даже если он обо всём догадывается. Филч слишком дружен со Снеггом, да к тому же я уверен, что Филч только обрадуется, если нас отчислят из школы. И не забывайте — мы ничего не знаем о философском камне и Пушке. Если выяснится, что мы знаем, то нам слишком многое придётся объяснять.

Гермиона согласно кивнула, но у Рона было своё мнение.

— Если мы проведём небольшое расследование… — начал он.

— Нет, — тихо, но весомо произнёс Гарри. — Хватит с нас расследований.

Он притянул к себе карту Юпитера и начал

изучать названия его лун.

* * *

На следующее утро за завтраком Гарри, Невиллу и Гермионе принесли записки. Во всех было написано одно и то же:

> Для отбытия наказания будьте сегодня в одиннадцать часов вечера у выхода из школы. Там вас будет ждать мистер Филч.
>
> ***Проф. М. МакГонагалл***

Гарри совсем забыл, что из-за набранных им штрафных очков ему придётся отбывать наказание. Он ждал, что Гермиона запричитает: мол, из-за этого они потеряют целую ночь занятий. Но она промолчала. Как и Гарри, она не сомневалась, что заслужила наказание.

В одиннадцать часов вечера они попрощались с Роном и спустились вниз. Филч был уже там вместе с Малфоем. Гарри даже забыл о том, что Малфой тоже наказан.

— Идите за мной, — скомандовал Филч, зажигая лампу и выводя их на улицу. А потом зло усмехнулся. — Готов поспорить, что теперь вы

серьёзно задумаетесь, прежде чем нарушить школьные правила. Если вы спросите меня, я вам отвечу, что лучшие учителя для вас — это тяжёлая работа и боль… Жалко, что прежние наказания отменили. Раньше провинившихся подвешивали к потолку за запястья и оставляли так на несколько дней. У меня в кабинете до сих пор лежат цепи. Я их регулярно смазываю на тот случай, если они ещё понадобятся… Ну всё, пошли! И не вздумайте убежать, а то хуже будет.

Они шли сквозь тьму — света от лампы Филча хватало ровно настолько, чтобы увидеть, что у тебя под ногами. Невилл беспрестанно чихал, а Гарри гадал, какое именно наказание их ждёт. Должно быть, это было что-то ужасное, иначе Филч так бы не радовался.

В небе светила яркая луна, но на неё всё время наплывали облака и погружали землю во мрак. Вдруг впереди показались огоньки. Гарри понял, что они приближаются к хижине Хагрида. А потом послышался и голос великана.

— Это ты там, что ли, Филч? Давай поживее, пора начинать.

У Гарри словно камень с души свалился. Если наказание заключалось в том, чтобы выполнить какую-то работу под руководством Хагрида, это

было просто великолепно. Должно быть, испытанное им облегчение нарисовалось на его лице, потому что Филч издевательски произнёс:

— Полагаю, ты думаешь, что вы тут развлекаться будете с этим придурком? Нет, ты не угадал, мальчик. Вам предстоит пойти в Запретный лес. И я сильно ошибусь, если скажу, что все вы выйдете оттуда целыми и невредимыми…

Услышав это, Невилл застонал, а Малфой остановился как вкопанный.

— В лес? — переспросил он, и голос у него был совсем не такой самоуверенный, как обычно. — Но туда нельзя ходить ночью! Там опасно. Я слышал, там даже оборотни водятся.

Невилл крепко ухватил Гарри за рукав и судорожно глотнул воздух.

— Ну вот, какой ты рассудительный стал. — В голосе Филча была радость. — Об оборотнях надо было думать прежде, чем правила нарушать.

Из темноты к ним вышел Хагрид, у его ног крутился Клык. Хагрид держал в руке огромный лук, на его плече висел колчан со стрелами.

— Наконец-то, — произнёс он. — Я уж тут полчаса как жду. Гарри, Гермиона, как дела-то у вас?

— Я бы на твоём месте не был с ними так дружелюбен, Хагрид, — холодно сказал Филч. — В

конце концов, они здесь для того, чтобы отбыть наказание.

— А, так вот чего ты так опоздал-то? — Хагрид смерил Филча суровым взглядом. — Всё лекции им читал небось, ага? Не тебе этим заниматься, понял? А теперь иди, нечего тебе здесь делать.

— Я вернусь к рассвету… и заберу то, что от них останется. — Филч неприятно ухмыльнулся и пошёл обратно к замку, помахивая лампой.

Малфой, проводив его полным испуга взглядом, повернулся к Хагриду.

— Я в лес не пойду, — заявил он, и Гарри обрадовался, услышав в его голосе страх.

— Пойдёшь, если не хочешь, чтобы из школы выгнали, — сурово отрезал Хагрид. — Нашкодил, так теперь плати за это.

— Но так нельзя наказывать… мы ведь не прислуга — мы школьники, — продолжал протестовать Малфой. — Я думал, нас заставят сто раз написать какой-нибудь текст или что-то в этом роде. Если бы мой отец знал, он бы…

— Он бы тебе сказал, что в Хогвартсе делать надо то, что велят, — закончил за него Хагрид. — Тексты он, понимаешь, писать собрался! А кому от того польза? Ты чего-то полезное теперь сделать должен — или выметайся отсюда. Если

думаешь, что отец твой обрадуется, когда тебя завтра увидит, так иди обратно и вещи собирай. Ну давай, чего стоишь?

Малфой не двинулся с места. Он бросил на Хагрида яростный взгляд, но тут же отвёл глаза.

— Значит, с этим закончили, — подытожил Хагрид. — А теперь слушайте, да внимательно, потому как опасная это работа — то, что нам сегодня сделать нужно. А мне не надо, чтоб с кем-то из вас случилось что-нибудь. За мной пошли.

Хагрид подвёл их почти вплотную к лесу и, высоко подняв над головой лампу, указал на узкую тропинку, терявшуюся среди толстых чёрных стволов. Гарри почувствовал, как по его коже побежали мурашки, и ему очень хотелось верить, что во всём виноват налетевший ветерок.

— Вон смотрите… пятна на земле видите? — обратился к ним Хагрид. — Серебряные такие, светящиеся? Это кровь единорога, так вот. Где-то там единорог бродит, которого кто-то серьёзно поранил. Уже второй раз за неделю такое. Я в среду одного нашёл, мёртвого уже. А этот жив ещё, и надо нам с вами его найти, беднягу. Помочь или добить, если вылечить нельзя.

— А если то, что ранило единорога, найдёт нас? — спросил Малфой, не в силах скрыть охва-

тивший его ужас.

— Нет в лесу никого такого, кто б вам зло причинил, если вы со мной да с Клыком сюда пришли, — заверил Хагрид. — С тропинки не сходите — тогда нормально всё будет. Сейчас на две группы разделимся и по следам пойдём… в разные стороны, потому как их тут… ну… куча целая, следов. И кровь повсюду. Он, должно быть, со вчерашней ночи тут шатается, единорог-то… а может, и с позавчерашней.

— Я хочу вести собаку! — быстро заявил Малфой, глядя на внушительные собачьи клыки.

— Хорошо, но я тебя предупрежу: псина-то трусливая, — пожал плечами Хагрид. — Значит, так, Гарри и Гермиона со мной пойдут, а ты, Малфой, и ты, Невилл, с Клыком будете. Если кто находит единорога, зелёные искры посылает, поняли? Палочки доставайте и потренируйтесь прямо сейчас… ага, вот так. А если кто в беду попадёт, тогда пусть красные искры посылает, мы сразу на помощь придём. Ну всё, поосторожнее будьте… а сейчас пошли, пора нам.

В лесу царили тьма и тишина. Они углубились в него, и вскоре тропа разделилась. Гарри, Гермиона и Хагрид пошли налево, а вторая группа двинулась направо.

Они шли абсолютно молча, шаря глазами по земле. Лунный свет, пробивающийся сквозь кроны деревьев, освещал пятна голубовато-серебристой крови, покрывшие опавшую листву.

Гарри заметил, что Хагрид выглядит очень озабоченным.

— Может, это волк-оборотень убивает единорогов? — спросил Гарри.

— Не, у него для этого скорости маловато, — отмахнулся Хагрид. — Да и не по силам ему… ну… с единорогом справиться — он же волшебный, и могучий вдобавок. Вообще не пойму, кто такое мог сделать, и не слышал никогда, чтобы кто-то единорога убил.

Они прошли мимо поросшего мхом пня. Гарри услышал шум воды, должно быть, поблизости был ручей. На извилистой тропинке то здесь, то там виднелись пятна крови.

— Ты в порядке, Гермиона? — прошептал Хагрид. — Не волнуйся, найдём мы его скоро… не мог он с такой-то раной далеко уйти. Найдём, а там уж… БЫСТРО ЗА ДЕРЕВО, ОБА!

Хагрид схватил в охапку Гарри и Гермиону и, сойдя с тропинки и сделав несколько шагов в сторону, поставил их под высоченный дуб. А сам выхватил из колчана стрелу и натянул тетиву

лука, готовясь выстрелить. Вокруг стояла полная тишина, но постепенно Гарри начал различать какие-то звуки. Похоже, кто-то крался к ним по опавшей листве, кто-то, одетый в волочившуюся по земле мантию. Хагрид пристально смотрел туда, откуда доносился звук, но через какое-то время звук исчез.

— Так я и знал, — прошептал Хагрид. — Бродит тут кое-кто, кому здесь делать нечего.

— Волк-оборотень? — спросил Гарри.

— Не, не он… и не единорог, — мрачно ответил Хагрид. — Ладно, пошли за мной, и поосторожнее. Давайте.

Они медленно двинулись дальше, вслушиваясь тишину. И вдруг уловили какое-то движение на видящейся впереди опушке.

— Кто там? — крикнул Хагрид. — Покажись — или стрелять буду!

Из темноты вышло нечто непонятное — то ли человек, то ли лошадь. До пояса это был человек с рыжими волосами и бородой, но от пояса начиналось лоснящееся, каштанового цвета лошадиное тело с длинным рыжеватым хвостом. Гарри и Гермиона от удивления раскрыли рты.

— А, это ты, Ронан. — В голосе Хагрида послышалось облегчение. — Как дела-то?

Хагрид подошёл к кентавру и пожал ему руку.

— Добрый вечер, Хагрид, — приветствовал его Ронан. Голос у него был низкий и полный печали. — Ты хотел меня убить?

— Да нет… я ж не знал, что это ты, а сейчас… ну, особо осторожным надо быть, — пояснил Хагрид, кивнув на свой лук. — Что-то плохое по этому лесу бродит. Да, забыл совсем… это Гарри Поттер, а это Гермиона Грэйнджер. Школьники наши, из Хогвартса. А это Ронан. Он кентавр.

— Мы заметили, — слабым голосом ответила Гермиона.

— Добрый вам вечер, — обратился к ним кентавр. — Значит, вы школьники? И много вы уже выучили в школе?

Гарри дёрнул Гермиону за рукав, боясь, что она сейчас начнёт хвастаться. Но необходимости в этом не было, поскольку кентавр произвёл на неё слишком сильное впечатление.

— Немножко, — робко ответила Гермиона.

— Немножко. Что ж, это уже кое-что. — Ронан вздохнул, откинул голову и уставился в небо. — Марс сегодня очень яркий.

— Ага, — подтвердил Хагрид, тоже посмотрев вверх. — Слушай, Ронан, а я так даже рад, что мы тебя встретили. Мы тут единорога ищем ранено-

го, ты не видел ничего?

Ронан медлил с ответом. Какое-то время он не мигая смотрел в небо, а потом снова вздохнул.

— Всегда первыми жертвами становятся невинные, — произнёс он. — Так было много веков назад, так происходит и сейчас.

— Ага, — согласился Хагрид. — Так ты видел чего, а, Ронан? Необычное чего-то?

— Марс сегодня очень яркий, — повторил Ронан, словно не замечая нетерпеливого взгляда Хагрида. — Необычайно яркий.

— Да, но я-то не про Марс, а про кое-что поближе, — заметил Хагрид. — Так ты ничего странного не видел?

И снова Ронан ответил не сразу. Прошло какое-то время, прежде чем он открыл рот.

— Лес скрывает много тайн.

Звук, донёсшийся из чащи, заставил Хагрида снова вскинуть лук, но это оказался второй кентавр, с чёрными волосами и чёрным телом. Вид у него был более дикий, чем у Ронана.

— Привет, Бэйн, — поприветствовал его Хагрид. — Всё в порядке?

— Добрый вечер, Хагрид. Надеюсь, что и у тебя всё хорошо, — вежливо ответил кентавр.

— Хорошо, хорошо. — Хагрид пытался скрыть

нетерпение, но это у него плохо получалось. — Слушай, я вот тут Ронана спрашиваю не видел ли он… э-э… чего странного в последнее время? Тут единорог раненый бродит. Ты… ну… может, слышал об этом чего?

Бэйн подошёл к Ронану и тоже поднял глаза к небу.

— Марс сегодня очень яркий, — заметил он.

— Да слышали мы уже про Марс-то, — сердито проворчал Хагрид. — Ладно, если чего, мне сообщите. Ну всё, пошли мы.

Гарри и Гермиона двинулись за ним, оглядываясь на кентавров, пока тех не загородили деревья.

— Ну никогда кентавры эти напрямую ничего не ответят, — раздражённо заметил Хагрид. — Звездочёты проклятые! Если что поближе луны находится, это им неинтересно уже.

— А их тут много? — поинтересовалась Гермиона.

— Да хватает, — неопределённо ответил Хагрид. — Они в основном друг дружки держатся, но… э-э… если мне надо чего, появляются сразу, как чувствуют. Умные они, кентавры… и знают много всего… вот только не рассказывают.

— Так ты думаешь, что тот звук, который мы

слышали, прежде чем встретить Ронана, что это тоже был кентавр? — спросил Гарри.

— Разве похоже было, что копыта по земле стучат? — ответил Хагрид вопросом на вопрос. — Не, я тебе так скажу: это тот был, кто единорогов убивает. Я в лесу раньше таких звуков не слышал — так что он это.

Они шли сквозь почти сплошную чёрную стену деревьев. Гарри не переставал нервно оглядываться. У него было неприятное ощущение, что за ними следят. И он был очень рад тому, что рядом с ними Хагрид, а у Хагрида есть лук.

Извилистая тропинка снова сделала резкий поворот, но едва они прошли его, как Гермиона ухватила Хагрида за руку.

— Хагрид, смотри! Красные искры, они в опасности!

— Здесь ждите! — проорал Хагрид. — И с тропинки ни шагу. А я вернусь скоро!

Они слышали, как он ломится через заросли. А потом снова наступила тишина, только листья шелестели вокруг. Гарри и Гермионе было очень страшно. Они стояли и смотрели друг на друга, словно это поможет им не увидеть того, чего следует опасаться, а то, чего следует опасаться, не увидит их.

— Ты думаешь, они попали в беду? — прошептала Гермиона.

— Если так, Малфоя мне не жалко, а вот Невилл… — Гарри запнулся, чувствуя свою вину. — Он ведь оказался здесь из-за нас с тобой… Из-за меня…

Время словно застыло — минуты тянулись, как часы. Гарри ощутил, что слух его обострился до предела. Ему казалось, что он слышит каждый вздох ветра, каждый треск ветвей. А в голове его вертелись два вопроса: что произошло с Невиллом и почему так долго не возвращается Хагрид?

Вскоре громкий треск оповестил о появлении Хагрида. Малфой, Невилл и Клык шли за ним. Хагрид был вне себя от ярости. Оказалось, что Малфой зашёл Невиллу за спину и схватил его сзади, чтобы напугать. Невилл запаниковал и выхватил палочку.

— Эти двое такой шум подняли, что не знаю, как нам теперь найти удастся то, зачем мы здесь, — пожаловался Хагрид. — Так по-другому разделимся — Невилл и Гермиона со мной пойдут, а ты, Гарри, бери Клыка и этого идиота.

Хагрид подмигнул Гарри и наклонился к нему.

— Ты меня извини, — прошептал он. — Но с тобой у этого дурака номер такой не пройдёт…

ну… чтоб напугать тебя. А нам дело надо сделать, понимаешь?

Так что Гарри пошёл с Клыком и Малфоем. Они уходили всё глубже в лес, и где-то через полчаса деревья окончательно преградили им путь. Гарри показалось, что пятен крови тут куда больше. Все корни деревьев были забрызганы кровью, словно несчастное создание металось здесь, обезумев от боли. Сквозь толстые ветви стоявшего перед ними древнего дуба Гарри увидел поляну.

— Смотри, — произнёс он, вытягивая руку и показывая на блеск, исходивший от земли.

Они пролезли между ветвями дуба и вышли на поляну. В нескольких метрах от них лежал единорог, он был мёртв. Гарри никогда не видел такой печальной и такой прекрасной картины. У единорога были длинные стройные ноги и жемчужного цвета грива.

Гарри сделал ещё шаг вперёд и вдруг застыл, услышав шорох. Кусты на другом конце поляны зашевелились, и из тени выступила облачённая в длинный балахон фигура с наброшенным на голову капюшоном. Кто-то крался к ним, как вышедший на охоту зверь. Гарри, Малфой и Клык были не в силах пошевелиться. Однако фигура в балахоне их не замечала. Некто подошёл к

мёртвому животному, опустился на колени и склонился над огромной рваной раной в боку единорога. И… начал пить кровь.

— А-А-А-А-А!

Малфой, издав дикий крик, бросился бежать, а вслед за ним устремился трусливый Клык. Фигура в балахоне подняла голову и уставилась на Гарри. Гарри отчётливо видел, как с невидимого лица на балахон капала кровь. Потом фигура поднялась с земли и сделала несколько быстрых шагов по направлению к Гарри. А Гарри от испуга даже не мог пошевелиться.

Вдруг он ощутил, как его голову пронзила острая боль, какой раньше никогда не было: казалось, что шрам на лбу вспыхнул ярким пламенем. Полуослепший от боли, Гарри попятился назад. Внезапно сзади раздался стук копыт, и что-то огромное пронеслось мимо него, воинственно устремляясь к фигуре в балахоне.

Боль была такой сильной, что Гарри упал на колени. Однако через минуту или две боль прошла так же внезапно, как и появилась. Когда Гарри наконец поднял голову, фигуры в балахоне на поляне уже не было, а над ним стоял кентавр. Не Ронан и не Бэйн — этот был моложе, у него были белокурые волосы и белое тело в чёрных пятнах.

— С вами всё в порядке? — спросил кентавр, помогая Гарри подняться на ноги.

— Да, спасибо, — неуверенно пробормотал Гарри. — А что это было?

Кентавр не ответил и молча посмотрел на Гарри своими поразительно синими глазами, напоминавшими бледные сапфиры. Глаза кентавра задержались на шраме Гарри, который, казалось, налился кровью и увеличился в размерах.

— Вы — сын Поттеров. — Кентавр не спрашивал, он знал, кто перед ним. — Вам лучше вернуться к Хагриду. В лесу сейчас опасно, особенно для вас. Вы умеете ездить верхом? Так будет быстрее. Кстати, меня зовут Флоренц.

Кентавр опустился на передние ноги, чтобы Гарри смог вскарабкаться на его спину. И тут до них донёсся стук копыт. На поляну вылетели Ронан и Бэйн. Они тяжело дышали, а тела их блестели от пота.

— Флоренц! — прогремел Бэйн. — Что ты делаешь? У тебя на спине человек! Тебе не стыдно? Ты что, верховая лошадь?

— Вы разве не поняли, кто это? — спокойно спросил Флоренц. — Это сын Поттеров. Чем быстрее он покинет лес, тем лучше для него.

— Что ты ему рассказал? — прорычал Бэйн. —

Запомни, Флоренц, мы поклялись не препятствовать тому, что должно случиться по воле небес. Разве движение планет не показало нам, что произойдёт в ближайшее время?

Ронан нервно рыл копытом землю.

— Я думаю, Флоренц решил, что так будет лучше, — мрачно произнёс он.

— Лучше?! — Бэйн от негодования взбрыкнул задними ногами. — Всё происходящее не имеет к нам никакого отношения! Кентавры не должны мешать тому, что предсказано звёздами! И не наше дело, подобно ослам, бегать по лесу в поисках заблудившихся людей!

Флоренц в приступе гнева поднялся на дыбы, и это произошло так внезапно, что Гарри пришлось вцепиться ему в плечи, чтобы удержаться на нём.

— Ты что, не видишь этого единорога? — яростно крикнул он, обращаясь к Бэйну. — Ты что, не понимаешь, почему его убили? Или планеты не открыли тебе эту тайну? Лично я против того, кто рыщет по лесу, и я готов помочь людям в борьбе с ним.

Флоренц резко развернулся и галопом устремился в чашу, оставив позади Ронана и Бэйна. Гарри с трудом удерживался на кентавре, но

думал не о том, что может упасть, а о том, что происходит.

— Почему Бэйн так разозлился? — шепнул он, когда кентавр сбавил скорость. — И кстати… от кого вы меня спасли?

Флоренц перешёл на шаг, попросив Гарри пригнуться, чтобы не удариться головой о низко растущие ветви. Он совсем не торопился отвечать на заданный вопрос. Они так долго шли в полной тишине, что Гарри решил, будто кентавр не хочет с ним разговаривать. Но когда они пробирались сквозь почти непроходимый участок леса, Флоренц вдруг остановился.

— Гарри Поттер, вы знаете, зачем нужна кровь единорога?

— Нет, — удивлённо ответил Гарри, не понимая, почему кентавр задал ему такой странный вопрос. — На уроках по зельям мы использовали только толчёный рог и волосы из хвоста.

— Это потому, что убийство единорога считается чудовищным преступлением, — заметил Флоренц. — Только тот, кому нечего терять и кто стремится к полной победе, способен совершить такое преступление. Кровь единорога спасает жизнь, даже если человек на волосок от смерти… Но человек дорого заплатит за это. Если он

убьёт такое прекрасное и беззащитное существо ради собственного спасения, то с того момента, как кровь единорога коснётся его губ, он будет проклят.

Гарри ждал, что Флоренц повернётся к нему, но перед глазами его был лишь серебристый затылок кентавра.

— Но кто же решился на такое? — спросил он. — Если тебе предстоит быть навеки проклятым, то уж лучше умереть, чем убивать единорога, правда?

— Правда, — согласился Флоренц. — Но он делает это ради того, чтобы набраться сил и завладеть напитком, который полностью восстановит его силы и сделает его бессмертным… Мистер Поттер, вы знаете, что сейчас спрятано в школе?

— Философский камень, — не задумываясь, выпалил Гарри. — Ах да, конечно, он ведь не только превращает всё в золото, он ещё и эликсир жизни! Но я не понимаю, кому…

— Разве вы не знаете того, кто много лет ждал, пока сможет вернуть себе силы, того, кто все эти годы цеплялся за жизнь, дожидаясь своего шанса?…

Гарри показалось, что его сердце стянул железный обруч. Заглушая шорох деревьев, в ушах его

прозвучали слова, сказанные ему Хагридом в ту ночь, когда они встретились: «Кое-кто говорит, что он умер. А я так считаю, что чушь всё это. Думаю, в нём ничего человеческого уже не осталось — а ведь только человек может умереть».

— Вы хотите сказать, — хрипло начал Гарри. — Вы хотите сказать, что это Волан…

— Гарри! Гарри, ты в порядке?

К нему со всех ног бежала Гермиона, за ней, тяжело дыша, следовал Хагрид.

— Я в порядке, — автоматически ответил Гарри, даже не отдавая себе отчёта в том, что именно говорит. — Единорог мёртв, Хагрид, он лежит на поляне в глубине леса.

— Здесь я вас оставлю, — прошептал Флоренц, когда Хагрид поспешно удалился, чтобы лично увидеть единорога. — Теперь вы в безопасности.

Гарри соскользнул с его спины.

— Удачи вам, Гарри Поттер, — произнёс кентавр. — И раньше случалось, что движение планет истолковывалось неправильно, даже кентаврами. Я надеюсь, что этот случай как раз один из тех.

Он повернулся и исчез в лесу, а Гарри, дрожа, смотрел ему вслед.

* * *

Рон спал в Общей гостиной — видимо, он ждал их возвращения и незаметно для себя задремал. Когда Гарри грубо потряс его, Рон начал выкрикивать что-то про нарушения правил игры, словно ему снился матч по квиддичу. Однако через несколько секунд Рон полностью проснулся и, вытаращив глаза, слушал рассказ Гермионы и Гарри.

Гарри был настолько взволнован, что не мог сидеть и ходил взад-вперёд по комнате, стараясь держаться поближе к камину. Его по-прежнему бил озноб.

— Снегг хочет украсть камень для Волан-де-Морта. А Волан-де-Морт ждёт в лесу… А всё это время мы думали, что Снегг хочет украсть камень, чтобы стать богатым… А Волан-де-Морт…

— Не произноси это имя! — испуганным шёпотом попросил Рон. Казалось, он боится, что Волан-де-Морт может их услышать.

Гарри проигнорировал просьбу.

— Флоренц спас меня, но он не должен был так поступать… Бэйн был в ярости… Он говорил, что Флоренц помешал свершиться тому, что предвещали планеты… Должно быть, они предвещали

возвращение Волан-де-Морта… Бэйн считает, что Флоренц должен был позволить Волан-де-Морту убить меня. Я думаю, звёзды предсказали мою смерть.

— Да перестань же ты произносить это имя! — прошипел Рон.

— Так что мне только осталось дождаться того момента, когда Снегг украдёт камень, — продолжал Гарри. Его глаза лихорадочно блестели, а тело сотрясала мелкая дрожь. — Тогда Волан-де-Морт сможет прийти сюда и прикончить меня… Думаю, Бэйн будет счастлив.

— Гарри, но ведь все говорят, что единственный, кого когда-либо боялся Ты-Знаешь-Кто, — это профессор Дамблдор. — Видно было, что Гермиона страшно напугана, но она всё же нашла для Гарри слова утешения. — Пока он здесь, Ты-Знаешь-Кто не придёт сюда и тебя не тронет. Да и кто сказал, что кентавры правильно истолковали расположение звёзд? На мой взгляд, это обычное предсказание будущего, как по руке или картам. А профессор МакГонагалл говорит, что это очень неточная наука.

Когда они закончили беседу, уже светало. От долгих разговоров у Гарри пересохло в горле, и сил ему хватило только на то, чтобы добраться

до постели. Но оказалось, что ночные сюрпризы ещё не закончились.

Откинув одеяло, Гарри увидел под ним аккуратно сложенную мантию-невидимку. К мантии была прикреплена записка. В ней было всего три слова:

На всякий случай.

Глава 16
Прыжок в люк

Впоследствии Гарри так и не мог понять, как ему удалось сдать экзамены, в то время как он ждал, что в любой момент в школу ворвётся Волан-де-Морт.

Правда, философский камень всё ещё оставался на месте — Гарри регулярно подходил к двери, ведущей в запретный коридор. Он прикладывал к ней ухо, чтобы убедиться, что Пушок жив и здоров. Однако это вовсе не означало, что так же будет завтра или даже через полчаса.

На улице стояла ужасная жара. В огромном кабинете, в котором они писали экзаменационные работы, было не только жарко, но и невыносимо душно. Перед экзаменами всем раздали специальные перья, заколдованные так, что тот, кто брал в руки это перо, лишался возможности хитрить.

У них были и практические экзамены. Профессор Флитвик по одному приглашал их в свой кабинет и требовал заставить плясать лежащий на столе ананас. Профессор МакГонагалл дала им

задание превратить мышь в табакерку. Количество полученных за экзамен очков зависело от того, насколько красивой получалась табакерка. Но если у табакерки были усы, балл автоматически снижался. А на экзамене у профессора Снегга все жутко перенервничали, пытаясь вспомнить, как приготовить зелье, отнимающее память.

Гарри старался изо всех сил, пытаясь не обращать внимания на сильную колющую боль во лбу, которая беспокоила его с той ночи в лесу. Невилл был убеждён, что Гарри просто перенервничал из-за экзаменов и именно поэтому не может спать по ночам. Но правда заключалась в том, что каждую ночь Гарри просыпался от старого кошмара. Только теперь он был ещё кошмарнее, потому что, кроме вспышки ярко-зелёного света и ледяного смеха, во сне ему являлась закутанная в балахон фигура с лицом, закрытым капюшоном. С невидимого лица капала кровь.

Рон и Гермиона гораздо меньше беспокоились по поводу сохранности философского камня. Наверное, потому, что они не видели того, что видел в лесу Гарри. А может быть, потому, что у них не было шрамов, которые горели бы огнём. Мысль о возможном появлении Волан-де-Морта их, ко-

нечно, пугала. Но он не приходил к ним в снах. К тому же они были так сильно заняты повторением пройденного, что у них не оставалось времени на то, чтобы беспокоиться насчёт Снегга.

Последним экзаменом была история магии. Им предстояло в течение часа письменно ответить на вопросы о древних выживших из ума волшебниках — кто из них изобрёл самопомешивающийся котёл и всё в том же духе. А впереди их ждала свобода. Целая неделя свободы до объявления результатов экзаменов. И когда профессор Бинс сказал, что пора сдавать работы, Гарри ликовал вместе с остальными.

— Я думала, всё будет гораздо сложнее, — заметила Гермиона, когда они вместе с другими учениками вышли на залитый солнцем школьный двор. — Оказалось, что мне даже не надо было учить наизусть кодекс волков-оборотней тысяча шестьсот тридцать седьмого года и историю восстания Элфрика Нетерпеливого.

Гермиона всегда любила после экзамена обсуждать, написанную работу, но Рон заявил, что ему от этого становится плохо. И они не спеша спустились к озеру и сели под дерево. На берегу веселились близнецы Уизли и Ли Джордан — они дёргали за щупальца заплывшего на тёплое мел-

ководье кальмара.

— Больше никаких повторений, — вздохнул Рон, вытягиваясь на траве, и на его лице появилось выражение неописуемого счастья. — А ты, Гарри, мог бы выглядеть и повеселее — в конце концов до объявления результатов экзаменов у нас ещё целая неделя.

Гарри потёр лоб.

— Думаешь, я не хотел бы знать, что со мной происходит?! — взорвался он. — Шрам постоянно болит — такое и раньше случалось, но редко. А сейчас боль вообще почти не проходит.

— Сходи к мадам Помфри, — предложила Гермиона.

— Но я же не болен, — возразил Гарри. — Я думаю, это предупреждение… И оно означает, что мне грозит опасность…

Рон безмятежно улыбнулся. Ему было слишком жарко чтобы серьёзно задуматься над словами Гарри.

— Расслабься, ведь Гермиона права, — посоветовал он. — До тех пор пока поблизости находится Дамблдор, камень в безопасности. И к тому же у нас нет доказательств, что Снегг узнал, как пробраться мимо Пушка. В прошлый раз пёс едва не откусил ему ногу, так что теперь он не будет

действовать в спешке. А Хагрид никогда никому не расскажет, как усмирить Пушка. Скорее, Невилла возьмут в сборную Англии по квиддичу, чем Хагрид предаст Дамблдора.

Гарри кивнул, но он не мог избавиться от неясного ощущения, что есть что-то важное, о чём он забыл. Он попытался объяснить то, что он чувствует, но Гермиона его перебила.

— Во всём виноваты экзамены, Гарри, — заявила она. — Я, например, прошлой ночью проснулась и начала листать тетрадь по трансфигурации и только через час вспомнила, что этот экзамен мы уже сдали.

Это звучало убедительно. Но Гарри не сомневался, что беспокоящее его чувство не имеет к экзаменам никакого отношения. Он уставился в ярко-голубое небо, заметив летящую в сторону замка сову. В клюве у неё было письмо. Единственный, от кого Гарри получал письма с совой, был Хагрид. Хагрид, который никогда не предаст Дамблдора. Хагрид, который никогда никому не расскажет, как пройти мимо Пушка… Никогда… Но…

Гарри резко вскочил на ноги.

— Ты куда? — сонно поинтересовался Рон.

— Я только что кое о чём вспомнил, — пояснил

Гарри. Лицо его побелело. — Нам надо срочно пойти к Хагриду.

— Зачем? — десять минут спустя уже в сотый раз спрашивала Гермиона, пытаясь не отстать от несущегося впереди Гарри.

— Вы не думаете, что всё это очень странно? — наконец произнёс Гарри, взбираясь по поросшему травой склону. — Странно, что больше всего на свете Хагрид мечтал о драконе. И тут вдруг появился незнакомец, у которого чудесным образом в кармане оказалось яйцо дракона. Ведь разведение драконов запрещено. А как вы думаете, сколько людей с драконьими яйцами в карманах бродит по Англии? И скольким улыбается удача, и они встречают своего Хагрида? Почему же я раньше об этом не подумал?

— Не пойму, о чём это ты? — недоумённо спросил Рон, но Гарри уже перешёл на бег и потому не ответил.

Хагрид сидел в кресле в двух шагах от своей хижины, закатав рукава рубахи и подвернув штанины, и лущил горох. У его ног стояла большая кастрюля.

— Привет! — произнёс он, улыбаясь. — Ну как, сдали всё? Чайку хотите?

— С удовольствием… — начал Рон, но Гарри

оборвал его.

— Нет, Хагрид, мы торопимся. Мы заглянули просто для того, чтобы кое-что у тебя уточнить. Помнишь ту ночь, когда ты выиграл в карты Норберта? На кого был похож тот незнакомец?

— Не знаю. — Хагрид пожал плечами. Вопрос его явно не обеспокоил. — Он был в капюшоне.

Хагрид заметил, как Гарри, Рон и Гермиона застыли, и недоумённо поднял брови.

— Да это обычное дело в «Кабаньей голове»… ну… в этом… в баре в деревенском. Там ведь куча всякого… э-э… странного народа ошивается. Кого угодно встретить можно, точно, — объяснил он. — Может, это торговец драконами был, вот лицо и прятал, незаконно же это. Так что не видел я, на кого он похож.

Гарри опустился на землю.

— А о чём ты с ним разговаривал, Хагрид? Ты говорил, что работаешь в Хогвартсе?

— Может быть. — Хагрид стал необычайно серьёзным. Похоже, ему требовались усилия, чтобы вспомнить тот вечер. — Да… он вроде спросил, чем я занимаюсь. А я ему рассказал, что лесником при школе работаю… Он меня ещё спрашивал… э-э… про зверей разных, за которыми я тут присматриваю… Ну, я ему ответил… А потом сказал,

что всегда… ну… мечтал дракона иметь… А потом… Плохо я помню, он мне всё время выпивку покупал… Сейчас, сейчас… Ага, он потом сказал, что у него яйцо есть и коли я хочу, мы на него можем в карты сыграть… И ещё… вот… спрашивал меня, умею ли я с драконами обращаться. Не хотел он его лишь бы кому проигрывать… А я ему рассказал, что… того… после Пушка с драконом я запросто управлюсь…

— А он… он спрашивал что-нибудь про Пушка? — спросил Гарри, с трудом сохраняя спокойствие.

— Ну… да… А чего тут такого? Думаешь, много по свету трёхголовых псов бродит? Ну, я и рассказал про Пушка… ну… что он милашка, если знаешь, как с ним обходиться надо, да! Ему только спой, или на флейте поиграй немного, или ещё на каком инструменте, и он уснёт сразу, и…

На лице Хагрида внезапно появился испуг.

— Не должен был я вам такое говорить! — взревел он. — Забудьте, короче, что я тут наболтал! Эй, вы куда?

Гарри, Рон и Гермиона не сказали друг другу ни слова, пока не оказались в замке. Тут было очень холодно и мрачно — не то что под открытым небом.

— Нам надо пойти к Дамблдору, — заявил Гарри. — Хагрид сказал тому незнакомцу, как пройти мимо Пушка. А это был или Снегг, или Волан-де-Морт, спрятавший лицо под капюшоном и напоивший Хагрида, чтобы тот не смог его узнать. Надеюсь, Дамблдор нам поверит. И может быть, Флоренц подтвердит мои слова, если Бэйн ему не помешает. Кстати, а где кабинет Дамблдора?

Они огляделись, словно рассчитывая увидеть указатель или табличку. Им никогда не говорили, где живёт и работает Дамблдор. И они не помнили, чтобы кого-то когда-то вызывали к профессору.

— Нам придётся... — начал Гарри, но его оборвал донёсшийся издалека голос.

— Что вы, трое, делаете в замке?

К ним приближалась профессор МакГонагалл. В руках у неё была стопка книг.

— Мы хотим увидеть профессора Дамблдора, — отважно выступила вперёд Гермиона, поразив своей смелостью Гарри и Рона.

— Увидеть профессора Дамблдора? — переспросила профессор МакГонагалл с таким видом, словно слова эти показались ей подозрительными. — А зачем?

Гарри глубоко втянул воздух — у него были

секунды на то, чтобы принять решение.

— Это секрет, — произнёс он, решив, что не надо посвящать профессора МакГонагалл в детали дела. И сразу понял, что ошибся, потому что её ноздри начали гневно раздуваться.

— Профессор Дамблдор отбыл десять минут назад, — холодно произнесла профессор МакГонагалл. — Он получил срочную сову из Министерства магии и немедленно вылетел в Лондон.

— Он улетел? — произнёс Гарри слабеющим голосом. — В такое время?

— Видите ли, мистер Поттер, профессор Дамблдор очень известный волшебник, и у него часто появляются срочные, неотложные дела.

— Но это важно, — настойчиво произнёс Гарри хотя понимал, что всё это звучит неубедительно.

— Вы хотите сказать, Поттер. — Профессор МакГонагалл не прибавила к его фамилии своё обычное «мистер». Это означало, что она уже вне себя и лишь усилием воли держит себя в руках. — Вы хотите сказать, что ваше дело куда более важное, чем то, по которому профессор Дамблдор вылетел в Министерство магии?

— Послушайте, профессор, — неуверенным тоном начал Гарри, вдруг сказав себе, что сейчас ему надо отбросить осторожность. — Это касается

философского камня…

Неизвестно, что ожидала услышать от него профессор МакГонагалл, но явно не эти слова. Книги выпали из её рук, но она даже не заметила этого.

— Откуда… откуда вы знаете? — нервно выговорила она.

— Профессор, я думаю… я знаю… что Сне… — Гарри осёкся, тут же поправившись. — Что кто-то хочет похитить философский камень. Мне необходимо поговорить с профессором Дамблдором.

Профессор МакГонагалл была в шоке от услышанного. Но своей подозрительности не утратила и продолжала внимательно разглядывать Гарри.

— Профессор Дамблдор вернётся завтра, — наконец произнесла она после продолжительной паузы. — Я не имею представления о том, как вы узнали о камне, но будьте уверены, что его весьма надёжно охраняют и никому не удастся его украсть.

— Но профессор…

— Поттер, я знаю, о чём говорю, — отрезала профессор МакГонагалл. Она нагнулась и начала собирать упавшие книги. — Я думаю, что вам троим лучше выйти на улицу и как следует насладиться хорошей погодой.

Она ушла, но они не последовали её совету.

— Это произойдёт сегодня вечером, — заявил Гарри, как только профессор МакГонагалл отошла достаточно далеко и уже не могла их услышать. — Сегодня Снегг заберётся в тайник. Он узнал всё, что ему надо, и дождался, пока Дамблдор уедет. Я уверен, что это он послал Дамблдору сову, а в Министерстве магии все ужасно удивятся, когда к ним заявится Дамблдор.

— Но что нам…

Гермиона поперхнулась воздухом. Гарри и Рон, заметив, что она смотрит за их спины, быстро оглянулись. Позади них стоял Снегг.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он. Они молча смотрели на него, широко открыв глаза.

— Не стоит упускать возможность насладиться хорошей погодой, — произнёс Снегг со странной кривой усмешкой.

— Мы… — начал Гарри, совершенно не представляя, что собирается сказать.

— Вы должны проявлять разумную осторожность, — закончил за него Снегг. — У вас такой вид, что можно предположить, будто вы что-то затеваете. А ваш факультет не может позволить себе ещё сотню штрафных очков, не так ли?

Гарри густо покраснел. Он уже повернулся к

Снеггу спиной, когда тот окликнул его.

— Я вас предупреждаю, Поттер, ещё одна ночная прогулка по школе, и я лично позабочусь о том, чтобы вас исключили. А сейчас — хорошего вам дня.

Снегг развернулся и пошёл по направлению к учительской.

Они выходили из замка, спускаясь по каменным ступеням, когда Гарри повернулся к остальным.

— Вот что мы должны сделать, — горячо прошептал он. — Один из нас должен следить за Снеггом. Нужно встать у учительской и пойти за ним, когда он из неё выйдет. Это задание для тебя, Гермиона.

— Но почему я?

— Это очевидно, — ответил Рон. — Ты можешь сказать, что ждёшь профессора Флитвика, ты же его любимица, как и многих других, кстати. А если Флитвик окажется в учительской, ты найдёшь, что ему сказать. «О, профессор Флитвик, я так волнуюсь, мне кажется, что в экзаменационной работе я неправильно ответила на вопрос 146…»

— Замолчи, — бросила Гермиона. Рон очень похоже изобразил её и её голос, но, кажется, Гермиона вовсе не обиделась. — Ну ладно, я со-

гласна.

— А мы будем караулить в коридоре третьего этажа. — Гарри повернулся к Рону. — Пошли.

Но план не сработал. Не успели они подойти к двери, за которой находился Пушок, как неизвестно откуда появилась профессор МакГонагалл. На сей раз она своих эмоций не сдерживала.

— Я полагаю, вы считаете, что вы куда более надёжные сторожа, чем десяток заклинаний?! — громко возмутилась профессор. — Хватит этой чепухи! Если я ещё раз увижу вас около этой двери или кто-то расскажет мне о том, что видел вас здесь, Гриффиндор получит ещё пятьдесят штрафных очков. Да, Уизли, мой собственный факультет!

Гарри и Рон вернулись в Общую гостиную Гриффиндора, и не успел Гарри сказать, что по крайней мере Снегг сейчас под присмотром, как в комнату вошла Гермиона.

— Мне очень жаль, Гарри! — прохныкала она. — Снегг вышел из учительской и спросил меня, что я тут делаю. Я сказала, что жду Флитвика. А Снегг пошёл и позвал его. И я только что от него отделалась. А пока я разговаривала с Флитвиком, Снегг ушёл, и теперь я не знаю, где он.

— Ну что ж, похоже, час пробил, не так ли? —

медленно выговорил Гарри. Он был бледен, но глаза его сверкали.

Рон и Гермиона молча уставились на него.

— Сегодня ночью я выйду из спальни и попытаюсь первым завладеть камнем. — В голосе Гарри была отчаянная решимость.

— Ты с ума сошёл! — воскликнул Рон.

— Ты не сможешь! — подхватила эстафету Гермиона. — После того, что тебе сказали МакГонагалл и Снегг? Да тебя же отчислят!

— И ЧТО? — выкрикнул Гарри. — Неужели вы ничего не понимаете? Если Снегг украдёт камень, Волан-де-Морт вернётся! Разве вы не слышали о тех временах, когда он пытался захватить власть? Тогда уже никого не выгонят из Хогвартса, потому что школы просто не будет! Волан-де-Морт сровняет её с землёй или превратит в школу Тёмных искусств! Так что штрафные очки уже не имеют никакого значения! Допустим, вы выиграете соревнование между факультетами. И что? Волан-де-Морт оставит в покое вас и ваши семьи? Если меня поймают прежде, чем я доберусь до камня, что ж, мне придётся вернуться обратно к Дурслям и там ждать, пока Волан-де-Морт найдёт меня. Я просто умру позже, чем мог бы умереть, если бы ничего не предпринял сегодня, потому

что я никогда не перейду на Тёмную сторону! И потому сегодня я пойду туда, где хранится камень. И что бы вы, двое, ни сказали, меня это не остановит! Если вы помните, Волан-де-Морт убил моих родителей. Я не могу сидеть сложа руки и ждать, когда он начнёт убивать других…

Закончив монолог, Гарри пристально посмотрел на Рона и Гермиону словно ожидал, что они начнут с ним спорить. Но они молчали.

— Ты прав, Гарри, — через какое-то время тихим голосом откликнулась Гермиона.

— Я использую мантию-невидимку, — заявил Гарри. — Мне повезло, что мне её вернули.

— Ты думаешь, мы трое под ней уместимся? — поинтересовался Рон.

— Что значит — мы трое? — не понял Гарри.

— Да перестань ты, — отмахнулся Рон. — Ты что, думал, мы оставим тебя одного?

— Конечно, не оставим, — горячо подтвердила Гермиона. — Ты думаешь, тебе удастся без нашей помощи добраться до камня? А сейчас я пойду и полистаю учебники, может быть, наткнусь на полезную информацию…

— Но если нас поймают, вас тоже исключат, — заметил Гарри.

— Ну уж нет, — мрачно ответила Гермио-

на. — Флитвик сказал мне по секрету, что на его экзамене я набрала сто двадцать баллов, хотя выше сотни никому не ставят. Не думаю, что меня выгонят после такого.

Рон промолчал — ему козырять было явно нечем.

После ужина они вернулись в гостиную и сели отдельно друг от друга, чтобы никто не подумал, что они что-то замышляют. Хотя зайди сюда профессор МакГонагалл, она бы сразу предположила обратное. Но учителя сюда не заходили, а все остальные предпочитали Гарри не замечать — с ним до сих пор никто не разговаривал. И это был первый вечер, когда Гарри это не огорчало.

Гермиона перелистывала свои записи, надеясь, что это поможет ей расколдовать заклинания, охраняющие камень. А Гарри и Рон молчали, обдумывая то, что им предстоит сделать.

Постепенно комната пустела. Близилось время сна.

— Иди за мантией, — прошептал Рон, когда из комнаты, зевая и потягиваясь, наконец вышел Ли Джордан. Гарри метнулся наверх в тёмную спальню. Он вытащил из-под подушки мантию, и тут его взгляд упал на флейту, которую на Рождество подарил ему Хагрид. Гарри поспешно засунул

флейту в карман — он был не в том настроении, чтобы петь, даже для Пушка. И бегом спустился в гостиную.

— Лучше наденем мантию прямо здесь и убедимся, что она скрывает нас всех, — предложил Гарри. — Если Филч вдруг увидит, как по коридору бредёт одна нога, он…

— Что вы задумали? — донеслось из угла комнаты.

Все трое резко повернули головы, увидев застывшего в кресле Невилла. Он держал в руках свою свободолюбивую жабу. Судя по всему, та опять попыталась улизнуть, и Невилл оказался в углу именно потому что искал её.

— Всё в порядке, Невилл, ничего особенного, — успокоил его Гарри, поспешно пряча мантию за спину.

Невилл внимательно посмотрел на их виноватые лица.

— Вы снова собираетесь выйти из спальни посреди ночи, — уверенно заявил он.

— Нет-нет-нет! — затараторила Гермиона. — Конечно же нет. Почему бы тебе не пойти спать, Невилл?

Гарри покосился на высокие стоячие часы у двери. Они больше не могли терять время, ведь

возможно, что как раз в этот момент Снегг напевал Пушку колыбельную.

— Вам нельзя отсюда уходить, — упрямо заявил Невилл. — Вас снова поймают. И у нашего факультета будет ещё больше проблем.

— Ты не понимаешь, — не выдержал Гарри. — Это очень важно.

Но Невилл был явно настроен очень решительно.

— Я не выпушу вас. — Он встал, загораживая собой выход в коридор. — Я… Я буду с вами драться!

— Невилл! — взорвался Рон. — Отойди от портрета и не будь идиотом…

— Не смей называть меня идиотом! — парировал Невилл. — Я считаю, что вы не должны больше нарушать правила! А ты, Рон, сам учил меня, что надо уметь за себя постоять!

— Да, но ведь мы твои друзья. — Рон развёл руками. — Невилл, ты не понимаешь, что ты делаешь.

Он шагнул вперёд, и Невилл выпустил из рук своего Тревора, который упал на пол и тут же скрылся в неизвестном направлении.

— Ну тогда попробуй ударить меня! — Невилл поднял кулаки. — Я жду!

Гарри повернулся к Гермионе.

— Сделай что-нибудь, — в отчаянии попросил он. Гермиона выступила вперёд.

— Прости, Невилл, — негромко сказала она. — Мне очень-очень жаль.

И подняла палочку.

— *Петрификус Тоталус!* — воскликнула она, указывая палочкой на Невилла.

Руки Невилла рванулись к бокам, громко хлопнув по телу. Ноги рывком соединились вместе. Невилл вытянулся и застыл, покачиваясь. А потом упал лицом вниз.

Гермиона подбежала к Невиллу и перевернула его. Челюсти Невилла были крепко сжаты — говорить он не мог. Только глаза его двигались, с ужасом глядя на них.

— Что ты с ним сделала? — прошептал Гарри.

— Это полная парализация тела, — грустно ответила Гермиона. — О, Невилл, мне так жаль.

— Ты нас вынудил, Невилл, у нас нет времени всё тебе объяснять, — добавил Гарри.

— Позже ты всё поймёшь, Невилл, — поставил точку в разговоре Рон.

Неподвижно лежащий на полу Невилл показался им плохим предзнаменованием. Мантия надёжно укрывала всех троих. Но они всё равно

нервничали и в окружавшей их темноте принимали каждую статую за притаившегося Филча, а любое дуновение ветра, даже еле слышное и очень отдалённое, — за приближение Пивза.

Не успели они подойти к самой первой лестнице, как у её подножия нарисовалась миссис Норрис.

— Может, пнуть её, давно мечтал об этом, — прошептал Рон в ухо Гарри, но тот отрицательно помотал головой. Они аккуратно прокрались мимо кошки. И хотя миссис Норрис внимательно смотрела на них своими напоминающими лампы глазами, она явно их не видела, потому что ничего не предприняла.

Больше им пока никто не попадался. Но стоило им подойти к лестнице, ведущей на третий этаж, как они заметили Пивза. Напевая, он что-то делал с лежавшим на лестнице ковром. Судя по всему, готовил сюрприз для школьников, которые, ступив на этот ковёр, должны были споткнуться и упасть.

— Кто здесь? — внезапно спросил Пивз, когда они приблизились к нему. Его злобные чёрные глаза стали ещё злее. — Я знаю, что ты здесь, хотя тебя не вижу. Ты дух или привидение? А может быть, школьник?

Пивз поднялся в воздух и завис там, внимательно глядя в их сторону.

— Надо позвать Филча, — задумчиво проговорил Пивз. — Сказать ему, что по школе шляется кто-то невидимый.

Гарри внезапно пришла в голову идея.

— Пивз, — произнёс он хриплым шёпотом. — У Кровавого Барона есть свои причины на то, чтобы быть невидимым.

Пивз от страха чуть не упал на лестницу. Он был уже у самой земли, когда спохватился и завис, едва не касаясь ступеней.

— Извините, ваша кровавость, господин Барон, — подобострастно заюлил он. — Я ошибся, о, я ошибся… я вас не узнал… конечно, я не мог вас увидеть, ведь вы невидимы… простите старому Пивзу его глупую шутку, прошу вас, сэр.

— У меня тут есть дела, Пивз, — проскрипел Гарри. — Не появляйся здесь сегодня ночью.

— Разумеется, сэр, конечно же, я так и сделаю, — испуганно пробормотал Пивз, взмывая в воздух. — Желаю вам успеха в ваших делах, господин Барон, и не буду больше вас беспокоить.

И Пивз поспешно скрылся.

— Гениально, Гарри! — прошептал Рон.

Несколько секунд спустя они стояли перед две-

рью, ведущей в запретный коридор. Дверь была распахнута настежь.

— Ну что ж, — спокойно произнёс Гарри. — Значит, Снегг уже прошёл мимо Пушка.

Вид открытой двери напомнил всем троим о том, что их ждёт впереди. Гарри повернулся сначала к Гермионе, а потом к Рону.

— Если вы хотите уйти, я на вас не обижусь, — сказал он. — Можете взять мантию — здесь она мне уже не понадобится.

— Не будь дураком, — посоветовал Рон.

— Мы с тобой, — подтвердила Гермиона.

Гарри шагнул внутрь, задев дверь. Раздался громкий скрип, и до них донёсся раскатистый громоподобный рык. Пёс не мог их видеть, но повернул голову в их сторону, принюхиваясь всеми тремя носами. Мантия не могла помешать ему их обнаружить.

— Что это валяется у него под ногами? — прошептала Гермиона.

— Похоже на арфу, — ответил Рон. — Должно быть, это Снегг её здесь оставил.

— Пушок засыпает, когда слышит музыку, и просыпается, когда она замолкает, — напомнил им Гарри. — Ну что, начали?

Он поднёс к губам подаренную Хагридом флей-

ту и дунул. Гарри не умел играть на флейте, но это не имело никакого значения. При первых же звуках все шесть глаз Пушка начали закрываться. Гарри дул, не останавливаясь и едва успевая переводить дыхание. Рычание становилось всё тише и постепенно стихло. Пёс закачался и опустился на брюхо, а потом повалился на бок. Не было никаких сомнений в том, что он крепко спит.

— Продолжай играть! — шепнул Рон, когда они сняли с себя мантию и медленно двинулись к люку, который охранял Пушок. Жаркое зловонное дыхание, вырывавшееся из трёх пастей, чувствовалось всё сильнее. — Думаю, мы легко откроем люк, — заверил их Рон, вставая на цыпочки и бросая взгляд за спину Пушка. — Хочешь пойти первой, Гермиона?

— Нет, ни за что! — воскликнула та, отступая назад.

— Хорошо. — Рон скрипнул зубами, собираясь с силами, и опасливо переступил через лапы Пушка. А потом нагнулся над люком и потянул за кольцо.

— Что ты там видишь? — возбуждённо прошептала Гермиона.

— Ничего. Темнота. Никаких ступеней не видно, придётся прыгать.

Гарри, продолжавший играть на флейте, поднял руку и помахал, привлекая внимание Рона. А потом указал пальцем на себя.

— Ты хочешь пойти первым? Уверен? — переспросил Рон. — Честно говоря, не знаю, как далеко нам придётся лететь. Отдай флейту Гермионе, Пушок не должен проснуться.

Гарри протянул флейту Гермионе. Прошло несколько секунд, прежде чем та поднесла её к губам, а трёхголовый монстр уже задёргался и зарычал. Но как только до него донеслись звуки флейты, он снова погрузился в сон.

Гарри переступил через Пушка и заглянул в люк — дна видно не было.

Он пролез в дыру, крепко держась за края люка, и наконец повис на кончиках пальцев. А потом поднял глаза на Рона.

— Если со мной что-то случится, уходи отсюда, — произнёс он. — Беги к Хагриду, чтобы тот немедленно отправил к Дамблдору сову, понял?

— Понял, — кивнул Рон.

— Надеюсь, скоро увидимся…

И с этим словами Гарри разжал пальцы и полетел вниз. Он всё летел и летел, прорезая холодный влажный воздух, а дна всё не было, и…

ПЛЮХ!

Гарри приземлился со странным приглушённым звуком — похоже, он упал на что-то мягкое. Он сел и огляделся. Глаза его ещё не привыкли к темноте, но было такое ощущение, словно он сидит на каком-то растении.

— Всё в порядке! — прокричал он, подняв голову вверх, где в вышине светился открытый люк, отсюда казавшийся размером с почтовую марку. — Можешь прыгать, тебя ждёт мягкая посадка!

Через мгновение рядом с Гарри оказался Рон.

— Это что за штука? — первым делом спросил он.

— Не знаю, какое-то растение, наверное, — покачал головой Гарри. — Я думаю, оно здесь специально, чтобы смягчить приземление. Давай, Гермиона!

Доносившаяся сверху музыка смолкла. Послышался громкий лай, но Гермиона уже летела к ним и вскоре приземлилась по соседству.

— Мы, наверное, в нескольких километрах под школой, — заметила она.

— Это точно. Нам повезло, что здесь есть это растение, — улыбнулся Рон.

— Повезло?! — внезапно взвизгнула Гермиона. — Да вы посмотрите на себя!

Она вскочила на ноги и попятилась к отсыревшей стене. Сделала она это с большим трудом, потому что в тот момент, когда она приземлилась, растение сразу начало обвиваться вокруг её лодыжек. А что касается Гарри и Рона, то длинные ползучие побеги умудрились связать их ноги так, что они даже этого не заметили.

Гермиона успела освободиться прежде, чем растение смогло её опутать, и теперь, прижавшись к стене, она с ужасом смотрела, как Гарри и Рон пытаются сорвать с себя стебли. Но чем больше усилий они прикладывали, тем сильнее и быстрее обвивались вокруг них змееподобные побеги.

— Не двигайтесь! — приказала Гермиона. — Я знаю, что это. Это «дьявольские силки»!

— Я ужасно рад, что это именно так называется! — прорычал Рон, пытаясь помешать стеблю, пытавшемуся обвиться вокруг его шеи. — Это, конечно, нам поможет!

— Заткнись, я пытаюсь вспомнить, как убить его! — отозвалась Гермиона.

— Тогда побыстрее, мне уже дышать нечем! — выдавил Гарри, борясь со стеблем, обвившимся вокруг его груди.

— Дьявольские силки, дьявольские силки, —

напряжённо повторяла Гермиона, морща лоб. — Что там говорила профессор Стебль? Это растение любит мрак и влажность…

— Так разведи огонь! — крикнул Гарри, задыхаясь.

— Да, разумеется, но что мне поджечь? Я нигде не вижу ничего деревянного, честное слово! — В голосе Гермионы слышалось отчаяние, она нервно заламывала руки.

— ТЫ С УМА СОШЛА? — проревел Гарри. — ТЫ ВОЛШЕБНИЦА ИЛИ НЕТ?

— Ой, верно! — Гермиона выхватила волшебную палочку и взмахнула ей, что-то шепча. Из палочки вырвалось синее пламя — такое же, каким она подпалила на матче по квиддичу одежду Снегга. Буквально через секунду Рон и Гарри почувствовали, как слабеют объятия стеблей. Растение стремилось уползти подальше от света и тепла. Судорожно извиваясь и вращаясь, охватившие их отростки поспешно размотались и наконец исчезли.

— Как хорошо, что ты была внимательна на занятиях по травологии, Гермиона, — произнёс Гарри, утирая пот с лица.

— Ага, — поддакнул Рон. — И как хорошо, что Гарри не потерял голову в минуту опасности. «Но

что мне поджечь? Я не вижу ничего деревянного…» — передразнил он Гермиону.

— Пошли. — Гарри махнул рукой в сторону единственного каменного прохода, который вёл отсюда.

Всё, что они слышали — кроме своих шагов, разумеется, — были капли воды, падающие со стен. Коридор резко пошёл вниз, и Гарри вспомнил «Гринготтс». Сердце его сжалось, когда в памяти всплыли слова Хагрида о том, что, по слухам, сейфы в банке охраняют драконы. Возможно, так было и в этом месте, очень похожем на банковское подземелье. А что, если они встретят дракона, большого, взрослого дракона, хотя, признаться, и Норберта было бы достаточно…

— Слышите? — прошептал Рон.

Гарри прислушался. Откуда-то сверху доносилось мягкое шуршание и тихий звон.

— Думаешь, это привидение? — спросил он Рона.

— Не знаю… — Рон пожал плечами. — Но вообще похоже на крылья.

Гарри задумался.

— Там впереди свет… И я вижу, что там что-то движется, — наконец произнёс он. — И чем бы это ни было, другого выхода у нас нет.

Они дошли до конца коридора и очутились у входа в ярко освещённый зал с высоким дугообразным потолком. Зал был полон порхающих и кружащихся птиц — маленьких и ярких, как драгоценные камни. На другой стороне зала виднелась тяжёлая деревянная дверь.

— Думаешь, они нападут на нас, если мы попытаемся пройти через зал? — спросил Рон.

— Возможно. — Гарри задумался. — На вид они не особенно опасны, но если нападут все разом… Ну что ж, другого пути нет… Я попробую…

Гарри шумно втянул в себя воздух, закрыл голову руками и метнулся к двери. Он был готов к тому, что в любое мгновение в него вонзятся острые клювы и когти, но этого не произошло. Гарри добежал до двери и схватился за ручку — дверь оказалась запертой.

Убедившись, что птицы не опасны, Гарри повернулся к Рону и Гермионе и махнул им рукой.

Они дружно тянули дверь на себя и толкали её плечами, но даже втроём не смогли её открыть. Не помогло даже заклинание *Алохомора*, которое несколько раз произнесла Гермиона.

— И что теперь? — поинтересовался Рон.

— Эти птицы… Они не могут быть здесь просто так, для украшения, — с умным видом заметила

Гермиона.

Они подняли головы, разглядывая порхающих у них над головами птиц — ярких, блестящих… Блестящих?

— Это не птицы! — внезапно крикнул Гарри. — Это — ключи! Крылатые ключи! Присмотритесь повнимательнее — сами увидите. Это ключи, а значит…

Гарри огляделся по сторонам.

— Ну конечно, смотрите! — воскликнул он. — Мётлы! Мы должны поймать нужный ключ!

— Но их здесь сотни! — ужаснулась Гермиона.

Рон наклонился к двери, изучая замок.

— Нам нужен большой старинный ключ… скорее всего, серебряный, такой же, как дверная ручка.

Они быстро оседлали мётлы, поднялись в воздух и оказались в облаке ключей. Сначала они пытались наобум ухватить то, что им нужно. Но заколдованные ключи уворачивались, резко пикируя или набирая высоту, так что казалось, что поймать их просто невозможно.

Однако Гарри не зря стал самым молодым ловцом за последние сто лет. У него был дар замечать вещи, которых не замечают другие. Покружив несколько минут в водовороте из разноцвет-

ных перьев, он заметил огромный серебряный ключ с помятым крылом. Было похоже, что его совсем недавно уже ловили и с силой всовывали в замок.

— Вот он! — крикнул Гарри, обращаясь к остальным. — Этот большой, вот здесь… нет, вон там… с ярко-голубыми крыльями… одно крыло помято!

Рон устремился туда, куда указывал Гарри, врезался в потолок и чуть не свалился с метлы.

— Нам надо окружить его! — прокричал Гарри, не выпуская ключ из виду. — Рон, ты заходи сверху, а ты, Гермиона, оставайся внизу и помешай ему спуститься. Я попробую его схватить. Готовы? НАЧАЛИ!

Рон поднялся вверх, Гермиона рванулась вниз, ключ ускользнул от них обоих, метнувшись в сторону, и Гарри устремился за ним, вытянутой рукой прижав его к стене. Раздался неприятный хруст, который заглушили восторженные возгласы Гермионы и Рона.

Они поспешно приземлились, и Гарри метнулся к двери, чувствуя, как ключ пытается вырваться из его руки. Он с силой вонзил ключ в замок, повернул его и услышал щелчок. В этот момент ключ вырвался из замочной скважины и тяжело взмыл вверх. Вид у него был очень помя-

тый и потрёпанный.

— Готовы? — спросил Гарри, держась за дверную ручку. Рон и Гермиона кивнули, и он потянул дверь на себя.

В следующем зале было настолько темно, что вообще ничего не было видно. Однако стоило им сделать несколько шагов, как комнату внезапно залил яркий свет.

Все трое от изумления вытаращили глаза. Они стояли на краю огромной шахматной доски, прямо за чёрными каменными фигурами, которые были выше их троих, даже долговязого Рона. На другой стороне доски стояли белые фигуры. Гарри, Рон и Гермиона поёжились — у белых фигур, в отличие от чёрных, отсутствовали лица.

— И что нам теперь делать? — прошептал Гарри.

— По-моему, ответ вполне очевиден, — заметил Рон. — Мы должны выиграть, чтобы оказаться на другой стороне зала.

Там, за белыми фигурами, виднелась ещё одна дверь.

— И как же нам выиграть? — нервно спросила Гермиона.

— Я думаю, — выговорил Рон после непродолжительного раздумья, — мы должны стать

фигурами.

Он смело шагнул вперёд и, подойдя к чёрному всаднику, игравшему роль шахматного коня, коснулся его лошади. В одно мгновение каменная фигура ожила. Лошадь стала рыть копытами землю, а всадник повернул голову в шлеме и посмотрел на Рона сверху вниз.

— Нам… э… нам надо присоединиться к вам, чтобы перебраться на ту сторону? — запинаясь, спросил Рон.

Рыцарь кивнул. Рон повернулся к Гарри и Гермионе.

— Надо подумать, — прошептал он. — Полагаю, нам следует занять места трёх чёрных фигур…

Гарри и Гермиона молча ждали, пока Рон закончит свои размышления.

— Короче, так, — наконец поднял голову Рон. — Не обижайтесь, но в шахматы я играю куда лучше вас…

— Да мы и не обижаемся, — быстро вставил Гарри. — Просто скажи нам, что делать.

— Ты, Гарри, встань на место того слона. А ты, Гермиона, займи место этой ладьи.

— А ты? — в один голос спросили оба.

— А я буду конём, — уверенно заявил Рон. Похоже, фигуры слушали их разговор, потому

что в следующее мгновение конь, слон и ладья повернулись и ушли с доски, освободив три клетки. А Рон, Гарри и Гермиона заняли их, не раздумывая.

— Белые всегда начинают, — произнёс Рон, глядя на ту сторону доски. — Ага… вот оно…

Белая пешка шагнула на две клетки вперёд.

Рон начал руководить чёрными фигурами, которые покорно вставали туда, куда он им указывал. Гарри почувствовал, что у него дрожат колени. В голове его вертелась только одна мысль: что будет, если они проиграют?

— Гарри, переместись на четыре клетки вперёд! — скомандовал Рон.

В первый раз всем троим стало не по себе, когда противник напал на их второго всадника. Белая королева сбила его на пол и стащила с доски — лежавший вниз лицом рыцарь не шевелился.

— Мне пришлось им пожертвовать, — прошептал Рон, хотя, судя по его виду, он тоже был потрясён — но не неожиданностью случившегося, а жестокостью расправы. — Гермиона, теперь ты можешь взять этого слона.

Белые фигуры были безжалостны. Вскоре у доски уже лежала целая гора неподвижных чёрных тел, а значит, скоро мог прийти и их черёд. Уже

дважды Рон только в самый последний момент успевал заметить, что Гарри и Гермиона находятся в опасности. Сам Рон беспрерывно метался по доске, и следовало признать, что, несмотря на жестокость противника, белых фигур на ней осталось ненамного больше, чем чёрных.

— Мы почти у цели, — вдруг лихорадочно зашептал Рон. — Дайте мне подумать… дайте мне подумать…

Белая королева повернула к нему своё отсутствующее лицо.

— Да… — тихо произнёс Рон. — Это единственный способ… Мне придётся пожертвовать собой.

— НЕТ! — дружно запротестовали Гарри и Гермиона.

— Но это шахматы! — крикнул в ответ Рон. — Здесь приходится идти на жертвы! Я сделаю один шаг вперёд, и она меня заберёт, и тогда ты, Гарри, сможешь объявить королю шах и мат!

— Но… — начал было Гарри.

— Ты хочешь остановить Снегга или нет? — голос Рона был твёрдым и уверенным.

— Но, Рон… — вмешалась Гермиона.

— Слушайте, если вы не поторопитесь, то камень окажется у Снегга!

Рон был прав, и Гарри с Гермионой не могли

этого не признать.

— Готовы? — спросил Рон, его бледное лицо было полно решимости. — Я пошёл, а вы, когда объявите им мат, не теряйте времени.

Рон шагнул вперёд, и белая королева метнулась к нему. Размахнувшись, она с силой опустила свою каменную руку на голову Рона, и тот тяжело рухнул на пол. Гермиона закричала от ужаса, но осталась на своей клетке и заворожённо смотрела, как белая королева стаскивает Рона с доски. Гарри показалось, что Рон потерял сознание.

Ощущая дрожь во всём теле, Гарри сдвинулся на три клетки влево.

Белый король стащил с себя корону и кинул её к ногам Гарри. Они победили. Белые фигуры, кланяясь, расступились. Путь был свободен. В последний раз оглянувшись и бросив на Рона полный боли взгляд, Гарри и Гермиона открыли дверь и оказались в следующем коридоре.

— А что, если он… — тихо прошептала Гермиона.

— С ним всё будет хорошо, — ответил ей Гарри, пытаясь убедить в этом самого себя. — Как думаешь, что нас ждёт впереди?

— Со Стебль мы разобрались, я хотела сказать, с её «дьявольскими силками». С Флитвиком тоже:

наверняка это он заколдовал ключи. МакГонагалл оживила шахматные фигуры, это её работа. Остаётся Квиррелл… и затем Снегг…

Они оказались перед очередной дверью.

— Готова? — шепнул Гарри.

Гермиона кивнула, и Гарри потянул дверь на себя.

Их встретил такой отвратительный запах, что если бы они не зажали носы, то, наверняка, потеряли бы сознание. Даже глаза слезились, пока они всматривались в полумрак. Наконец они увидели распростёртого на полу огромного тролля, значительно превосходившего по размерам того, которого они победили в Хэллоуин. Тролль явно был без сознания, а на его голове багровела гигантская шишка.

— Хорошо, что нам не пришлось с ним сражаться, — прошептал Гарри. Затаив дыхание, они с Гермионой перешагнули через толстенные ноги. Пойдём отсюда скорее, тут нечем дышать.

Гарри аккуратно приоткрыл следующую дверь и с опаской заглянул внутрь — за ней их могло ждать что угодно. Но в комнате не было ничего страшного. Посредине стоял стол. На нём выстроились в ряд семь разнокалиберных сосудов, наполненных какими-то жидкостями.

— Тролля здесь поставил Квиррелл, а Снегг с ним разобрался, — шепнул Гарри. — Значит, нам остаётся победить заклятие Снегга. Только вот что нам делать с этими сосудами?

Он подошёл к столу, и вдруг позади них из-под пола вырвалось пламя, отсекая путь назад. Судя по ярко-фиолетовому цвету, это был не простой огонь, а волшебный. Тут же языки огня заплясали перед той дверью, которая находилась впереди. Гарри и Гермиона оказались в ловушке.

— Смотри! — Гермиона схватила со стола свиток пергамента.

Гарри перегнулся через её плечо и прочитал:

— Впереди опасность, то же позади,

Но две из нас помогут, ты только их найди.

Одна вперёд отправит, ещё одна — назад,

В двух — вино всего лишь, а ещё в трёх — яд.

Ты хочешь здесь остаться на долгие века?

Тогда ищи — к тому же подсказка тебе дана.

Во-первых, как бы ловко ни скрывался яд,

Найти его несложно — от вина левый ряд.

Второе — в крайних бутылях налито не одно и то ж,

Но если вперёд тебе надо, помощи зря ты ждёшь.

Затем ни в большой, ни в малой смерти ты не найдёшь,

А если из второй слева и второй справа глотнёшь,

Сам убедишься — налито одно и то же в них,

Хотя на взгляд они разные, но это уже в-четвёртых.

Гермиона глубоко вздохнула. Гарри поразило то, что она улыбается. Этого он ждал от неё меньше всего.

— Гениально, — произнесла Гермиона. — Это не магия — это логика. Логическая задача. Между прочим, многие величайшие волшебники были не в ладах с логикой, и, попади они сюда, они остались бы здесь навечно.

— Как и мы, — мрачно вставил Гарри. — Разве не так?

— Разумеется, нет, — удивилась Гермиона. — В свитке есть всё, что нам надо. На столе семь бутылей: в трёх находится яд, в двух — вино, ещё одна даст нам возможность вернуться обратно, а седьмая пропустит вперёд.

— А как мы узнаем, из какой мы должны отпить? — поинтересовался Гарри.

— Дай мне пару минут, — попросила Гермиона.

Она несколько раз прочитала написанное, а затем начала прохаживаться вдоль стола. Гермиона рассматривала бутыли, тыкала в них пальцем и что-то бормотала себе под нос. Наконец она хлопнула в ладоши.

— Поняла! — сообщила она. — Глоток из самой маленькой бутылочки даст нам возможность пройти вперёд, к камню.

Гарри взглянул на крошечную бутылочку.

— Но здесь хватит только на одного из нас, — заметил он. — Здесь только на один глоток.

Они посмотрели друг на друга.

— А какая даст тебе возможность пройти через фиолетовый огонь? — поинтересовался Гарри.

Гермиона ткнула пальцем в крайнюю справа

круглую бутыль.

— Вот ты из неё и глотни, — произнёс Гарри. — Нет, в самом деле, вернись и забери Рона. А когда доберётесь до комнаты, где летают ключи, возьмите мётлы — они поднимут вас наверх и пронесут мимо Пушка. Когда окажетесь в замке, летите прямиком туда, где спят совы, и отправьте Буклю к Дамлбдору. Он нам очень нужен. Возможно, мне удастся на какое-то время задержать Снегга, но если честно, то вряд ли надолго.

— Но Гарри. — Гермиона побледнела. — А что, если с ним Ты-Знаешь-Кто?

— Ну… Мне ведь повезло когда-то, ты же знаешь. — Гарри дотронулся до шрама. — Может быть, мне повезёт ещё раз.

У Гермионы дрожали губы, словно она готова была расплакаться. Она вдруг метнулась к Гарри и крепко обняла его.

— Гермиона! — изумлённо воскликнул Гарри.

— Гарри, ты великий волшебник, — прошептала Гермиона ему на ухо.

— Но я не так хорош, как ты, — произнёс Гарри, когда Гермиона разжала объятия. Он чувствовал себя смущённым.

— Я? — удивилась Гермиона. — А что я — ум и книги, вот и всё! Но, оказывается, есть куда более

важные вещи — например, дружба и храбрость. И, Гарри… будь осторожен!

— Пора, — поторопил её Гарри. — Ты уверена, что правильно разгадала головоломку?

— Абсолютно, — кивнула Гермиона. Она поднесла к губам круглую бутыль, сделала большой глоток и поёжилась.

— Это не яд? — взволнованно спросил Гарри.

— Нет. Но эта жидкость просто ледяная.

— Тебе надо уходить, и побыстрее, — напомнил Гарри, хотя ему вовсе не хотелось оставаться одному. — Пока жидкость не перестала действовать.

— Удачи тебе, и береги себя, — шепнула Гермиона. — И…

— ИДИ!

Гермиона повернулась, прошла сквозь фиолетовое пламя и скрылась из виду. Гарри перевёл дыхание и взял в руки самую маленькую бутылочку. А потом повернулся лицом к чёрному пламени.

— Я иду, — произнёс он, одним глотком опустошив бутылку.

Действительно, было такое ощущение, словно он проглотил глыбу льда. Гарри передёрнулся, поставил бутылочку обратно на стол и пошёл

вперёд. Он собрался с духом, подходя вплотную к чёрным языкам огня. В следующую секунду пламя лизнуло его, но он ничего не почувствовал. На какое-то мгновение огонь закрыл от него то, что находилось впереди. А затем он оказался в следующем зале. Последнем зале.

Однако тут уже кто-то был. И это был не Снегг. И не Волан-де-Морт. Это был тот, кого Гарри меньше всего рассчитывал здесь увидеть.

Глава 17
Человек с двумя лицами

Посреди комнаты стоял профессор Квиррелл.

— Вы? — изумлённо выдохнул Гарри.

Квиррелл улыбнулся. Лицо его, обычно конвульсивно дёргавшееся, на сей раз выглядело абсолютно нормальным.

— Именно, — спокойно подтвердил он. — А я всё гадал, встречу ли здесь тебя, Поттер.

— Но я думал… — ошеломлённо пробормотал Гарри. — Я думал… что Снегг…

— Северус? — Квиррелл расхохотался, и это было не его обычное дрожащее хихиканье, но ледяной, пронзительный смех. — Да, Северус выглядит подозрительно, не правда ли? Похож на огромную летучую мышь, парящую по школе и хватающую невинных учеников. Он оказался мне полезен. При наличии такого Снегга, никто не мог заподозрить б-б-бедного за-за-заикающегося п-п-профессора Квиррелла.

Квиррелл явно издевался, копируя собственное заикание. А Гарри всё никак не мог поверить в происходящее. Этого не могло быть, просто не

могло.

— Но Снегг пытался убить меня! — воскликнул он, ухватившись за спасительную нить.

— Нет, нет и нет. — Квиррелл категорично замотал головой. — Это я пытался убить тебя, Поттер. Твоя подруга мисс Грэйнджер случайно сбила меня с ног, когда бежала к Снеггу, чтобы подпалить его мантию. Я упал, и зрительный контакт прервался. Мне не хватило нескольких секунд, чтобы сбросить тебя с метлы. Конечно, ты бы давно был мёртв, если бы Снегг не пытался спасти тебя. Ведь это именно он бормотал себе под нос контрзаклятие.

— Снегг пытался меня спасти? — Гарри показалось, что он сходит с ума.

— Разумеется, — холодно подтвердил Квиррелл. — А как ты думаешь, с чего это он решил судить следующий матч? Он пытался помешать мне сделать это снова. Это на самом деле смешно — ему вовсе не надо было так стараться. Я всё равно ничего не мог сделать, потому что на матче присутствовал Дамблдор. А все преподаватели решили, что Снегг хочет помешать сборной Гриффиндора одержать победу. Так что Снегг сам себя подставил и стал весьма непопулярной личностью… Зря терял время, потому что сегодня

ночью ты всё равно умрёшь.

Квиррелл щёлкнул пальцами. Появившиеся из пустоты верёвки впились в Гарри, крепко связывая его.

— Ты слишком любопытен, чтобы оставлять тебя в живых, Поттер, — пояснил Квиррелл. — Кто шатался по школе в Хэллоуин? Я чуть не столкнулся с тобой, когда хотел посмотреть, кто охраняет камень.

— Так это вы впустили тролля? — со всё возрастающим недоумением спросил Гарри.

— Ну конечно. — Квиррелл, кажется, был удивлён тем, что Гарри никак не может понять, что происходит. — Я наделён особым даром управляться с троллями. Видел, как я обошёлся с тем, мимо которого ты прошёл по пути сюда? К сожалению, пока все преподаватели искали тролля, Снегг, который уже подозревал меня, пошёл прямо на третий этаж, чтобы меня перехватить. И мало того, что троллю не удалось тебя убить, так ещё и эта трёхголовая псина не смогла как следует укусить Снегга и хотя бы отхватить ему ногу.

Гарри открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, но Квиррелл предостерегающе поднял руку.

— Постой спокойно, Поттер, мне надо исследо-

вать это любопытное зеркало.

Только тогда Гарри увидел то, что стояло позади Квиррелла. Это было зеркало Еиналеж.

— В этом зеркале кроется ключ к камню, — пробормотал Квиррелл, постукивая пальцами по раме. — Следовало догадаться, что Дамблдор придумает что-нибудь в этом духе… Но он в Лондоне… А когда он вернётся, я буду уже далеко…

Гарри судорожно пытался что-нибудь придумать. Но всё, что пришло ему в голову — это втянуть Квиррелла в разговор и не давать ему сосредоточиться на зеркале.

— Я видел вас со Снеггом в лесу! — выпалил он.

— Да, — рассеянно согласился Квиррелл, обходя вокруг зеркала, чтобы посмотреть, что у него сзади. — Он уже был уверен в том, что это я, и пытался выведать, как далеко я готов зайти. Он с самого начала меня подозревал. Пытался меня напугать — как будто это было в его силах! Ведь на моей стороне сам лорд Волан-де-Морт…

Квиррелл обогнул зеркало и жадно уставился в него.

— Я вижу камень, — прошептал он. — Я собираюсь преподнести его моему повелителю… Но где же этот камень?

Гарри пытался ослабить стягивающие его верёвки, но они не поддавались. Казалось, что Квиррелл полностью сосредоточился на зеркале. Гарри обязан был его отвлечь.

— Но мне всегда казалось, что Снегг меня ненавидит…

— О, конечно, — равнодушно подтвердил Квиррелл. — Небо тому свидетель — он тебя ненавидит. Он учился в Хогвартсе вместе с твоим отцом, разве ты этого не знал? Они друг друга терпеть не могли. Но Снегг никогда не желал тебе смерти.

— Но я слышал, как вы плакали несколько дней назад, — не успокаивался Гарри. — Я думал, Снегг вам угрожает…

В первый раз с того момента, как Гарри появился в зале, Квиррелл утратил спокойствие. На его лице отразился страх.

— Он здесь ни при чём. — Голос Квиррелла чуть подрагивал. — Просто иногда… иногда мне бывает нелегко выполнять приказы моего господина — ведь он великий волшебник, а я слаб и…

— Вы хотите сказать, что в той комнате он был вместе с вами? — воскликнул Гарри, не веря своим ушам.

— Он всегда со мной, где бы я ни был, — мяг-

ко ответил Квиррелл. — Я встретил его, когда путешествовал по миру. Я был молод, глуп и полон нелепых представлений о добре и зле. Лорд Волан-де-Морт показал мне, как сильно я заблуждался. Добра и зла не существует — есть только сила, есть только власть, и есть те, кто слишком слаб, чтобы стремиться к ней… С тех пор я служу ему верой и правдой, хотя, к сожалению, я не раз подводил его. Ему приходилось быть со мной суровым…

Квиррелл внезапно поёжился.

— Он не склонен прощать ошибки. Когда мне не удалось украсть камень из «Гринготтса», он был очень мной недоволен. Он наказал меня… Он решил, что должен пристальнее следить за мной и постоянно контролировать меня…

Голос Квиррелла поплыл по комнате, постепенно затихая. А Гарри вспомнил тот день, когда они с Хагридом были в Косом переулке. Господи, как он мог быть так глуп? Ведь в тот день он видел там Квиррелла, тот пожимал ему руку в «Дырявом котле». Значит, он давно должен был догадаться, что Снегг тут ни при чём, что это…

Квиррелл негромко пробормотал какое-то ругательство.

— Я не могу понять, — прошептал он. — Может,

этот камень находится внутри зеркала? Может быть, я должен его разбить?

Гарри судорожно пытался понять, что ему делать.

«Сейчас больше всего на свете я хочу найти камень раньше Квиррелла, — подумал он. — Значит, если я посмотрю в зеркало, я увижу, как я его нахожу, то есть я увижу, где он спрятан! Но как я могу заглянуть в зеркало, чтобы Квиррелл этого не заметил и не понял, чего я хочу?»

Гарри попробовал сдвинуться с места, но верёвки крепко держали его — он пошатнулся и упал. Квиррелл не обратил на это никакого внимания. Он всё ещё разговаривал сам с собой.

— Что делает это зеркало? Что оно показывает? Помогите мне, мой господин!

Гарри похолодел от ужаса. В комнате раздался незнакомый ему голос. Казалось, что голос этот исходит из самого Квиррелла.

— Используй мальчишку… Используй мальчишку…

Квиррелл повернулся к Гарри.

— Так, Поттер, иди-ка сюда.

Профессор хлопнул в ладоши, и верёвки упали на пол. Гарри медленно поднялся на ноги.

— Иди сюда, — поторопил Квиррелл. — Загляни

в зеркало и скажи мне, что ты видишь.

Гарри подошёл.

«Я должен его обмануть, — приказал он самому себе, чувствуя, что находится на грани отчаяния. — Я должен заглянуть в зеркало и увидеть то, что мне надо, и соврать, только и всего».

Квиррелл встал за его спиной. Гарри ощутил странный запах, исходящий из тюрбана, скрывавшего голову профессора. Он закрыл глаза, шагнул ближе к зеркалу и снова раскрыл их.

Он увидел своё отражение — бледное, испуганное лицо. Но мгновение спустя отражение подмигнуло ему. Оно засунуло руку в свой карман и вытащило оттуда кроваво-красный камень. А потом, снова подмигнув, засунуло камень обратно. Гарри ощутил у себя в кармане что-то очень тяжёлое. Каким-то образом — каким-то невероятным образом — камень оказался у него.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Квиррелл. — Что ты там видишь?

Гарри собрался с духом.

— Я вижу, как я пожимаю руку Дамблдору, — выпалил он, стараясь врать поубедительнее. — Я… я выиграл для Гриффиндора соревнование между факультетами.

Квиррелл снова выругался.

— Отойди отсюда! — скомандовал он.

Гарри шагнул в сторону. Камень оттягивал карман, и Гарри спросил себя, не попробовать ли ему убежать.

Он не успел сделать и пяти шагов по направлению к двери, когда до него донёсся резкий голос. Гарри обернулся и понял, что Квиррелл каким-то образом умудряется говорить, не раскрывая рта.

— Он врёт… Он врёт…

— Поттер, иди сюда! — крикнул Квиррелл. — Говори правду! Что ты там видел?

Квиррелл закрыл рот, и тут снова раздался резкий голос.

— Дай мне поговорить с ним… Я хочу видеть его лицо, и чтобы он видел меня…

— Но, повелитель, вы ещё недостаточно сильны! — запротестовал Квиррелл.

— У меня достаточно сил… — отрезал резкий голос. — Для этого вполне достаточно…

Гарри чувствовал себя так, словно снова попал в «дьявольские силки». Он словно прирос к месту и был не в силах пошевелиться. В оцепенении Гарри смотрел, как Квиррелл начинает разворачивать свой тюрбан. Наконец ткань упала на пол. Без неё голова Квиррелла, сильно уменьшившаяся в размерах, выглядела как-то странно. И тут

Квиррелл медленно повернулся к Гарри спиной.

Гарри готов был завопить от ужаса, но не смог выдавить из себя ни звука. Там, где должен был находиться затылок Квиррелла, было лицо, самое страшное лицо, которое Гарри когда-либо видел. Оно было мертвенно-белым, вместо ноздрей — узкие щели, как у змеи. Но страшнее всего были глаза — ярко-красные и свирепые.

— Гарри Поттер, — прошептало лицо.

Гарри попытался отступить назад, но ноги его не слушались.

— Видишь, чем я стал? — спросило лицо. — Всего лишь тенью, химерой… Я обретаю форму, только вселяясь в чужое тело… Всегда находятся те, кто готов впустить меня в свой мозг и своё сердце… Кровь единорога сделала меня сильнее… Ты видел, как мой верный Квиррелл пил её в лесу… И как только я завладею эликсиром жизни, я смогу создать себе своё собственное тело… Итак, почему бы тебе не отдать мне камень, который ты прячешь в кармане?

Значит, он всё знает. Гарри внезапно ощутил, что к нему вернулись силы, и, спотыкаясь, попятился назад.

— Не будь глупцом, — прорычало лицо. — Лучше присоединяйся ко мне и спаси свою жизнь…

или ты кончишь так же, как и твои родители… Они умерли, моля меня о пощаде…

— ЛЖЕЦ! — неожиданно для самого себя крикнул Гарри.

Квиррелл приближался к нему — он шёл спиной вперёд, чтобы Волан-де-Морт мог видеть Гарри. На белом лице появилась улыбка.

— Как трогательно, — прошипело оно. — Что ж, я всегда ценил храбрость… Ты прав, мальчик, твои родители были храбрыми людьми… Сначала я убил твоего отца, хотя он отважно сражался… А твоей матери совсем не надо было умирать… но она старалась защитить тебя… А теперь отдай мне камень, чтобы не получилось, что она умерла зря.

— НИКОГДА!

Гарри метнулся по направлению к двери.

— ПОЙМАЙ ЕГО! — завопил Волан-де-Морт.

Через мгновение Гарри ощутил на своём запястье руку Квиррелла. Его лоб — как раз в том месте, где был шрам, — пронзила острая боль. Ему показалось, что голова его сейчас разлетится надвое. Гарри закричал, пытаясь вырваться, и, к его удивлению, ему это удалось. Боль стала слабее. Гарри поспешно обернулся, чтобы понять, куда делся Квиррелл. Профессор корчился

от боли, глядя на свои пальцы, прямо на глазах покрывавшиеся красными волдырями.

— Лови его! ЛОВИ ЕГО! — снова завопил Волан-де-Морт.

Квиррелл кинулся на Гарри и сбил его с ног. Гарри не успел опомниться, как Квиррелл уже оказался на нём. Руки профессора держали его за горло. Боль в голове была такой сильной, что Гарри почти ослеп. Тем не менее он отчётливо слышал, как Квиррелл завыл от боли.

— Повелитель, я не могу держать его — мои руки, мои руки!

Квиррелл выпустил шею Гарри и с ужасом уставился на свои ладони. Гарри, к которому начало возвращаться зрение, заметил, что они покраснели и выглядят сильно обожжёнными. Казалось, что с них слезла кожа.

— Тогда убей его, глупец, и покончим с этим! — хрипло выкрикнул Волан-де-Морт.

Квиррелл поднял руку, собираясь наложить на Гарри смертельное заклятие, но Гарри инстинктивно рванулся вперёд и ударил Квиррелла по лицу, метя в глаза…

— А-А-А-А!

Квиррелл свалился с него. Всё его лицо тоже покрылось ожогами. И Гарри внезапно понял.

Каждый раз, дотрагиваясь до него, Квиррелл испытывал жуткую боль. Так что у Гарри был единственный шанс.

Он не должен был выпускать Квиррелла из рук, чтобы тот от боли позабыл обо всём на свете и не смог наложить проклятие.

Гарри вскочил на ноги и вцепился профессору в руку. Квиррелл заверещал и попытался стряхнуть его с себя. Но и сам Гарри, только коснувшись Квиррелла, ощутил, как острая боль пронзила голову. Он снова почти ослеп. Но он слышал дикие крики Квиррелла, слышал голос Волан-де-Морта, вопившего: «УБЕЙ ЕГО! УБЕЙ ЕГО!» А потом пришли другие голоса, выкрикивавшие его имя. Но возможно, они ему только почудились.

Гарри ощутил, как Квиррелл выкручивается из его захвата. Он понял, что всё кончено, и провалился в темноту. Он летел всё ниже, и ниже, и ниже…

* * *

Гарри уловил, что над ним блеснуло что-то золотое. Снитч, конечно же, это был снитч! Гарри попытался поймать его, но казалось, что руки налились свинцом.

Он моргнул. Это был не снитч. Это были очки.

Как странно…

Он снова моргнул. Из тумана выплыло улыбающееся лицо Альбуса Дамблдора.

— Добрый день, Гарри, — произнёс Дамблдор. Гарри уставился на него. И тут он всё вспомнил.

— Сэр! — произнёс Гарри слабым голосом, тщетно пытаясь подняться. — Камень! Это был Квиррелл! Камень у него! Сэр, торопитесь…

— Успокойся, мой дорогой мальчик, ты немного отстал от времени. — Голос Дамблдора был приветлив и спокоен. — Камень не у Квиррелла.

— Но тогда у кого? — Гарри раздирало беспокойство. — Сэр, я…

— Гарри, пожалуйста, тихо, — попросил Дамблдор. — Иначе мадам Помфри выставит меня отсюда.

Гарри тяжело вздохнул и огляделся. Он только сейчас понял, что, судя по всему, находится в больничном крыле. Он лежал на кровати, а столик, стоявший рядом с ним, был завален сладостями. Казалось, что кто-то специально для Гарри скупил по меньшей мере полмагазина.

— Знаки внимания от твоих друзей и поклонников, — пояснил Дамблдор, поймав взгляд Гарри. — То, что произошло в подземелье между тобой и Квирреллом — это строжайший секрет, и

потому нет ничего удивительного в том, что его знает вся школа. Кстати, я полагаю, что именно твои друзья, Фред и Джордж Уизли, попытались передать тебе в подарок сиденье от унитаза. Не сомневаюсь, они полагали, что тебя это развлечёт. Однако мадам Помфри сочла это несколько негигиеничным и конфисковала сиденье.

— Я давно здесь? — перебил его Гарри. Он не мог сосредоточиться ни на чём, кроме случившегося.

— Три дня. Мистер Рональд Уизли и мисс Грэйнджер будут весьма счастливы, что ты наконец пришёл в себя. Они были крайне обеспокоены твоим состоянием.

— Но, сэр, а как же камень…

— Я вижу, что он волнует тебя больше всего остального. — Улыбка сползла с лица Дамблдора. — Что ж, поговорим о камне. Профессору Квирреллу не удалось отобрать его у тебя. Я появился как раз вовремя, чтобы помешать ему это сделать. Хотя должен признать, что ты и без меня неплохо справлялся.

— Вы были там?! — воскликнул Гарри. — Вы получили сову, которую послала Гермиона?

— Должно быть, мы разминулись в воздухе. Как только я прибыл в Лондон, сразу стало очевидно, что я должен находиться как раз в том месте,

которое я покинул. Я прибыл вовремя и успел стащить с тебя Квиррелла…

— Значит, это были вы, — произнёс Гарри, вспомнив последнее, что он слышал перед тем, как потерять сознание. Значит, ему ничего не почудилось. — Это были вы…

— Я боялся, что опоздал, — признался Дамблдор.

— Да, вы чуть не опоздали, — согласился Гарри. — Ещё немного, и он бы вырвал у меня камень…

— Я боялся не за камень, — мягко поправил его Дамблдор, — а за тебя. Схватка отняла у тебя все силы, и ты едва не погиб. В какой-то момент я даже подумал, что это произошло. А что касается камня, то он был уничтожен.

— Уничтожен? — недоверчиво переспросил Гарри. — Но ваш друг, Николас Фламель…

— О, так ты знаешь о Николасе? — судя по голосу Дамблдор был очень доволен этим обстоятельством. — Ты всё разузнал, не так ли? Что ж, мы с Николасом немного поболтали и решили, что так будет лучше.

— Но это означает, что он и его жена умрут, не так ли? — продолжал недоумевать Гарри.

— У них имеются достаточные запасы эликсира

для того, чтобы привести свои дела в порядок. А затем — да, затем они умрут.

Дамблдор улыбнулся, видя непонимание на лице Гарри.

— Такому молодому человеку как ты, это кажется невероятным. Но для Николаса и Пернеллы умереть — значит лечь в постель и заснуть после очень долгого дня. Для высокоорганизованного разума смерть — это очередное приключение. К тому же камень — не такая уж прекрасная вещь. Представь себе — он может дать столько денег и столько лет жизни, сколько ты захочешь! То есть две вещи, которые в первую очередь выберет любой человек. Но беда в том, что люди, как правило, выбирают то, что для них является наихудшим.

Воцарилась тишина. Гарри лежал, глядя в потолок и не зная, что сказать. Дамблдор что-то мурлыкал себе под нос и рассеянно улыбался.

— Сэр! — наконец окликнул его Гарри. — Я тут подумал… Сэр… даже если камень уничтожен, Волан… Я хотел сказать, Вы-Знаете-Кто…

— Называй его Волан-де-Мортом, Гарри. Всегда называй вещи своими именами. Страх перед именем усиливает страх перед тем, кто его носит.

— Да, сэр. — Гарри поспешно кивнул, ему не

терпелось услышать ответ. — Я хотел спросить: ведь теперь Волан-де-Морт будет искать другой способ вернуть себе силы, правда? Я имею в виду, ведь он не исчез навсегда?

— Нет, Гарри, — согласился Дамблдор. — Он всё ещё где-то здесь, возможно, ищет новое тело, в которое мог бы вселиться… Так как он не является живым существом в полном смысле этого слова, его нельзя убить. Он бросил Квиррелла умирать — ведь он безжалостен не только к врагам, но и к союзникам. Однако ты не должен огорчаться, Гарри, пусть ты всего лишь на какое-то время отдалил его приход к власти. Но в следующий раз найдётся кто-то другой, кто будет готов сразиться с ним. И это несмотря на то, что наша борьба против него кажется заранее проигранной. А если его возвращение будет отодвигаться всё дальше и дальше, возможно, он никогда не будет властвовать.

Гарри попробовал кивнуть и поморщился от боли.

— Сэр, есть ещё кое-что, что я хотел бы узнать, если вы мне расскажете, — тихо, но настойчиво произнёс он. — Я бы хотел знать всю правду…

— Правду… — вздохнул Дамблдор. — Правда — это прекраснейшая, но одновременно и

опаснейшая вещь. А потому к ней надо подходить с превеликой осторожностью. Однако я отвечу на твои вопросы — если, конечно, у меня не будет достаточно веской причины для того, чтобы промолчать. Если я не смогу ответить, прошу меня простить: я промолчу, потому что ложь недопустима.

— Хорошо. — Гарри прикрыл глаза. — Волан-де-Морт сказал, что убил мою мать просто потому, что она пыталась не дать ему убить меня. Но я не могу понять, зачем ему вообще понадобилось убивать меня?

На сей раз Дамблдор вздохнул куда глубже.

— Увы, Гарри, на этот вопрос я не могу ответить. По крайней мере сегодня и сейчас. Однажды ты узнаешь… а пока забудь об этом. Когда ты будешь старше… Я понимаю — наверное, это звучит неприятно. Тогда, когда ты будешь готов, ты всё узнаешь.

Гарри понял, что настаивать бесполезно.

— А почему Квиррелл не мог прикоснуться ко мне?

— Твоя мать умерла, пытаясь спасти тебя. Если на свете есть что-то, чего Волан-де-Морт не в силах понять, — это любовь. Он не мог осознать, что любовь — такая сильная любовь, которую испы-

тывала к тебе твоя мать — оставляет свой след. Это не шрам, этот след вообще невидим… Если тебя так крепко любят, то даже когда любящий тебя человек умирает, ты всё равно остаёшься под его защитой. Твоя защита кроется в твоей коже. Именно поэтому Квиррелл, полный ненависти, жадности и амбиций, разделивший свою душу с Волан-де-Мортом, не смог прикоснуться к тебе. Прикосновение к человеку, отмеченному таким сильным и добрым чувством, как любовь, вызывало у него нестерпимую боль.

Дамблдор замолчал и начал с интересом изучать сидевшую на подоконнике птичку. А Гарри, улучив момент, тайком вытер навернувшиеся на глаза слёзы.

— А мантия-невидимка, — спросил он, когда к нему вернулся дар речи. — Вы знаете, кто мне её прислал?

— Когда-то твой отец оставил её мне. А я подумал, что, возможно, она тебе понравится. — Глаза Дамблдора засияли. — Полезная вещь… Твой отец в основном использовал её для того, чтобы тайком пробираться на кухню в поисках еды. Это было, когда он учился в Хогвартсе.

— И ещё кое-что, — никак не мог успокоиться Гарри.

— Давай, — приободрил его Дамблдор, словно почувствовав, что Гарри боится его разозлить.

— Квиррелл сказал, что Снегг…

— Профессор Снегг, Гарри, — поправил его Дамблдор.

— Да, верно, Квиррелл сказал, что он меня ненавидит, потому что он ненавидел моего отца. Это правда?

— Да, они испытывали друг к другу сильную неприязнь, — признал Дамблдор после секундного раздумья. — Примерно как ты и мистер Малфой. А затем твой отец сделал кое-что, чего Снегг так и не смог ему простить.

— Что? — выдохнул Гарри.

— Он спас ему жизнь.

— Что?

Гарри не верил своим ушам.

— Да-а-а… — мечтательно протянул Дамблдор. — Меня всегда забавляло то, какими странными путями порой следуют человеческие мысли. Профессор Снегг не мог смириться с тем, что остался в долгу перед твоим отцом… Я думаю, что именно поэтому он приложил столько усилий к тому, чтобы спасти тебя. Профессор Снегг верил, что таким образом он вернёт долг твоему отцу. И спокойно сможет продолжать ненавидеть

память о нём…

Гарри попытался понять услышанное, но у него сразу разболелась голова.

— И, сэр, — осмелился он. — Ещё один вопрос…

— Всего один? — улыбнулся Дамблдор.

— Как мне удалось достать камень из зеркала?

— А! — воскликнул Дамблдор. — Я рад, что ты задал этот вопрос. Это была одна из моих самых гениальных идей. Видишь ли, я сделал так, что только тот, кто хочет найти камень — найти, а не использовать, — сможет это сделать. А все прочие могли увидеть в зеркале, как они превращают металл в золото и пьют эликсир жизни, но не боле того. Иногда мой мозг удивляет меня самого… А теперь достаточно вопросов. Я предлагаю тебе заняться этими сладостями. О! Драже на любой вкус «Берти Боттс»! В юности мне не повезло: я съел конфету со вкусом рвоты. И боюсь, что с тех пор я несколько утратил к ним интерес. Но вот эта конфетка кажется мне вполне безобидной, как ты считаешь?

Дамблдор улыбнулся и закинул в рот золотисто-коричневую карамельку. И тут же поперхнулся.

— Не повезло! — выдавил он. — Вкус ушной серы, не самый приятный на свете, ты не находишь?

* * *

Мадам Помфри, хозяйка больничного крыла, была очень приятной, но весьма строгой женщиной.

— Ну пожалуйста, всего на пять минут, — умоляющим тоном произнёс Гарри.

— Это исключено.

— Но ведь вы пустили ко мне профессора Дамблдора…

— Разумеется, но это совсем другое дело, ведь профессор Дамблдор — директор школы. А сейчас тебе нужен отдых.

— Я и так отдыхаю, правда, — не сдавался Гарри. — Я ведь лежу и всё такое…

— О, ну хорошо! — смилостивилась мадам Помфри. — Но ровно пять минут.

Она открыла дверь, впуская в палату Рона и Гермиону.

— Гарри! — завопила Гермиона, кидаясь к нему. Гарри показалось, что сейчас она снова заключит его в объятия, и обрадовался, когда она этого не сделала. Голова его по-прежнему раскалывалась, и от объятий ему стало бы только хуже.

— О, Гарри, мы были уверены, что ты… — Гермиона осеклась, не произнося слово «умрёшь». —

Дамблдор был так обеспокоен…

— Вся школа говорит о том, что случилось, — сообщил Рон. — А что там произошло на самом деле?

Это был один из тех редких случаев, когда правда оказывается куда более странной и волнующей, чем самые нелепые слухи. Гарри рассказал им всё — про Квиррелла и зеркало, про Волан-де-Морта и камень. Рон и Гермиона были очень хорошими слушателями. Они изумлённо открывали рты как раз тогда, когда Гарри от них этого ждал. А когда он рассказал им о том, что пряталось под тюрбаном Квиррелла, Гермиона громко вскрикнула.

— Значит, камня больше нет? — спросил Рон, когда Гарри замолк. — Значит, Фламель умрёт?

— Я тоже задал этот вопрос, — кивнул Гарри. — А Дамблдор сказал… сейчас вспомню… Он сказал, что для высокоорганизованного разума смерть — это очередное приключение.

— Я всегда говорил, что он сумасшедший, — с обожанием в голосе откликнулся Рон. Дамблдор был его кумиром. Рон готов был восхищаться всем, что связано с профессором, даже крайней степенью его сумасшествия.

— А с вами что было после того, как мы расста-

лись? — в свою очередь поинтересовался Гарри.

— Ну, я вернулась назад, привела в порядок Рона — это оказалось непросто. — Гермиона закатила глаза. — А потом мы поспешили туда, где спят совы. Но на выходе из школы столкнулись с Дамблдором. Он уже всё знал, представляешь? Он просто спросил: — Гарри пошёл за ним, да? — и полетел на третий этаж, к люку.

— Ты думаешь, он специально так всё подстроил? Может, он хотел, чтобы именно ты это сделал? — задумчиво спросил Рон. — Раз это он прислал тебе мантию-невидимку и всё такое…

— Ну, знаете! — взорвалась Гермиона. — Если это он… Я хочу сказать, это ужасно, ведь тебя могли убить…

— Да нет, всё было правильно, — после паузы ответил Гарри. — Он странный человек — Дамблдор. Я думаю, что он просто хотел дать мне шанс. И что он, в общем, знает обо всём, что здесь происходит. Так что Дамблдор был в курсе того, что мы задумали. Однако вместо того чтобы остановить нас, он меня кое-чему научил, подготовил меня к тому, что должно было случиться. Не думаю, что я случайно нашёл зеркало Еиналеж, — это он подталкивал меня к тому, чтобы я его нашёл, и сам объяснил мне, как оно действует. Мне да-

же кажется, это он решал, есть ли у меня право встретиться один на один с Волан-де-Мортом. И я доказал, что готов к этому…

— Нет, Дамблдор — действительно псих! — гордо воскликнул Рон. — Слушай, Гарри, тебе тут не следует залёживаться — завтра будет банкет по случаю окончания учебного года. Конечно, особенно праздновать нам нечего — разумеется, соревнование между факультетами выиграл Слизерин, да и в квиддиче мы не преуспели. В последней игре, которую ты пропустил, нас начисто разнесли ребята из Когтеврана — как паровым катком раскатали. Но еда на банкете будет вкусной, это я тебе обещаю…

В этот момент в комнату ворвалась мадам Помфри.

— Вы уже пятнадцать минут тут сидите, — строго заявила она. — А теперь — марш отсюда!

Той ночью Гарри не снились кошмары, поэтому утром он почувствовал себя значительно лучше.

— Я хотел бы пойти на банкет, — сказал он мадам Помфри, когда та раскладывала на столике рядом с кроватью Гарри его сладости, которые уже с трудом там помещались. — Я могу пойти, правда?

— Профессор Дамблдор говорит, что я должна

вас отпустить. — Судя по тону, мадам Помфри не одобряла решение Дамблдора. Похоже, она считала, что банкеты очень опасны для здоровья, и потому просьба Дамблдора неразумна. — Да, к вам пришёл ещё один посетитель.

— О, прекрасно! — воскликнул Гарри. — Кто это?

В ту же секунду, словно услышав слова Гарри, в дверь протиснулся Хагрид. Оказываясь в помещении, великан всегда казался непозволительно большим. Он кое-как примостился рядом с Гарри, покосился на него и вдруг разрыдался.

— Это… всё… моя… чёртова… вина! — выдавил он сквозь слёзы, закрывая лицо руками. — Это ж я сказал этому чудовищу, как Пушка усыпить! Я сам! Ты же умереть мог! И всё из-за какого-то яйца драконьего! В жизни больше пить не буду! Меня вообще надо гнать отсюда к маглам, чтоб я с ними жил!

Гарри был потрясён видом плачущего великана. Хагрид в буквальном смысле сотрясался от рыданий, а по его лицу катились огромные слёзы, скрываясь в густой бороде.

— Хагрид, успокойся, он бы всё равно узнал, — произнёс Гарри, пытаясь утешить Хагрида. — Ведь мы же говорим о Волан-де-Морте. Даже не

выведай он всё у тебя, он бы нашёл другой способ выяснить, как нейтрализовать Пушка.

— Но тебя ж убить могли! — простонал Хагрид. — И это… Гарри… не произноси ты его имя, ради всего святого!

— ВОЛАН-ДЕ-МОРТ! — во весь голос прокричал Гарри. Хагрид был так поражён, что даже перестал плакать. — Я встречался с ним, я видел его лицо, и потому я буду называть его по имени. И хватит плакать, Хагрид, выше нос. Мы спасли камень. Теперь камня больше нет, и он не сможет его использовать. Ты лучше съешь шоколадку, у меня их тут сотни…

Хагрид шмыгнул носом и вытер его рукавом.

— Ты мне тут напомнил кое о чём… э-э… подарок у меня для тебя есть.

— Надеюсь, это не бутерброд с мясом горностая? — обеспокоенно спросил Гарри.

И тут Хагрид наконец-то улыбнулся, хотя улыбка получилась еле заметной.

— Не. — Великан мотнул головой. — Дамблдор мне вчера специально выходной дал, чтоб я всё сделал. Ему, если по правде, уволить меня надо было, а он… Короче, вот, держи…

То, что Хагрид вытащил из кармана, было похоже на книгу в красивом кожаном переплёте.

Гарри с интересом раскрыл её. Книга оказалась альбомом для фотографий. С каждой страницы ему улыбались и махали руками его родители.

— Я вчера весь день сов посылал ко всем, с кем твои родители в школе дружили… да и после неё тоже, — пояснил Хагрид. — Чтоб фотографий прислали, потому как нет у тебя ни одной… Ну что, нравится тебе?

Гарри не смог ничего ответить, но Хагрид понял его и без слов.

Гарри пришёл на банкет, когда зал уже был полон. Он хотел сначала зайти в Общую гостиную Гриффиндора, чтобы прийти на банкет вместе со всеми. Но мадам Помфри сломала его планы, настояв на последнем осмотре. Поэтому когда Гарри вошёл в Большой зал, все факультеты уже были там.

Поскольку соревнование между факультетами в седьмой раз подряд выиграл Слизерин, то зал был оформлен в зелёно-серебряной цветовой гамме. На стене за преподавательским столом висело огромное знамя Слизерина, на котором была изображена змея.

Стоило Гарри войти в дверь, как в зале наступила полная тишина, а в следующую секунду все одновременно заговорили. Гарри, не поднимая

головы, быстро подошёл к своему столу и сел между Роном и Гермионой. Он пытался делать вид что не замечает направленных на него взглядов всех собравшихся. Многие даже встали со своих мест, чтобы получше его видеть.

К счастью, буквально через несколько секунд в зале появился Дамблдор. Все расселись по местам, и разговоры стихли.

— Итак, ещё один год позади! — радостно воскликнул Дамблдор. — Но перед тем, как мы начнём наш фантастический пир, я немного побеспокою вас старческим брюзжанием и пустой болтовнёй. Итак, позади остался отличный учебный год! Я надеюсь, ваши головы немного потяжелели по сравнению с тем, какими они были в начале года. Впрочем, впереди у вас всё лето для того, чтобы привести свои головы в порядок и полностью опустошить их до начала следующего семестра.

Дамблдор обвёл всех присутствующих взглядом своих лучистых глаз.

— А сейчас, как я понимаю, мы должны определить, кто выиграл соревнование между факультетами. Начнём с конца. Четвёртое место занял факультет Гриффиндор — триста двенадцать очков. Третье — Пуффендуй, у них триста пятьдесят

два очка. На втором месте Когтевран — четыреста двадцать шесть очков. А на первом Слизерин — четыреста семьдесят два очка.

Стол, за которым сидели слизеринцы, взорвался громкими криками и аплодисментами. Гарри видел, как Малфой победно стучит по столу золотым кубком. И тут же отвёл глаза: ему не понравилось это зрелище.

— Да, да, вы прекрасно потрудились, — произнёс Дамблдор, обращаясь к сидевшим за столом Слизерина. — Однако мы не учли последних событий…

Зал затих. За столом Малфоя улыбались уже не так радостно.

Дамблдор громко хмыкнул.

— Итак, — продолжил он. — В связи с тем, что в свете последних событий некоторые ученики заработали некоторое количество очков… Подождите, подождите… Ага…

Дамблдор задумался — или сделал вид, что задумался.

— Начнём с мистера Рональда Уизли…

Рон побагровел и стал похож на обгоревшую на солнце редиску.

— …за лучшую игру в шахматы в истории Хогвартса я присуждаю факультету Гриффиндор

пятьдесят очков.

Крики, поднявшиеся за столом, где сидел Гарри, наверное, долетели до заколдованного потолка. По крайней мере звёзды на потолке задрожали. Гарри отчётливо слышал, как Перси, обращаясь к другим старостам, безостановочно выкрикивает:

— Это мой брат! Мой младший брат! Он выиграл в заколдованные шахматы МакГонагалл!

Наконец снова наступила тишина.

— Далее… мисс Гермиона Грэйнджер, — произнёс Дамблдор. — За умение использовать холодную логику перед лицом пламени я присуждаю факультету Гриффиндор пятьдесят очков.

Гермиона закрыла лицо руками. Гарри не сомневался, что она расплакалась. За их столом творилось что-то невообразимое — за одну минуту факультет заработал сто очков.

— И наконец, мистер Гарри Поттер, — объявил Дамблдор, и в зале воцарилась абсолютная тишина. — За железную выдержку и фантастическую храбрость я присуждаю факультету Гриффиндор шестьдесят очков.

Поднявшийся шум оглушил Гарри. Все, кто умел считать и одновременно хрипло вопить, уже поняли, что у Гриффиндора теперь четыреста семьдесят два очка. То есть столько же, сколько и

у Слизерина. Они почти выиграли соревнование между факультетами. Если бы Дамблдор дал Гарри ещё одно очко…

Дамблдор поднял руку. Зал начал затихать.

— Храбрость бывает разной. — Дамблдор по-прежнему улыбался. — Надо быть достаточно отважным, чтобы противостоять врагу. Но не меньше отваги требуется для того, чтобы противостоять друзьям! И за это я присуждаю десять очков мистеру Невиллу Долгопупсу.

Если бы кто-то стоял за дверями Большого зала, он бы подумал, что здесь произошёл взрыв, — настолько бурно отреагировали на слова директора за столом Гриффиндора. Гарри, Рон и Гермиона вскочили и зааплодировали Невиллу, подбадривая его громкими криками. А Невилл, весь белый от изумления, исчез под кинувшимися обнимать его школьниками. До этого он ни разу не принёс факультету ни одного очка.

Гарри, продолжая аплодировать, ткнул Рона под рёбра и кивком указал на Малфоя. Вид у него был такой обескураженный и испуганный, словно Гермиона наложила на него заклятие, полностью парализовавшее его тело.

— Таким образом, — громко прокричал Дамблдор, пытаясь заглушить аплодисменты, которые

только усилились оттого, что факультеты Когтевран и Пуффендуй тоже возликовали по поводу поражения Слизерина. — Таким образом, нам надо сменить декорации.

Он хлопнул в ладоши, и свисавшее со стены зелёно-серебряное знамя стало ало-золотым, а огромная змея исчезла, и вместо неё появился гигантский лев Гриффиндора. Снегг протянул руку профессору МакГонагалл и начал трясти её с вымученной улыбкой. Гарри на мгновение встретился с ним взглядом и сразу почувствовал, что отношение к нему Снегга ни на йоту не изменилось. Но сейчас Гарри это не беспокоило. Главным было то, что в следующем учебном году он будет чувствовать себя куда лучше, чем в конце этого. Он будет чувствовать себя так же хорошо, как чувствовал, пока не подвёл своих друзей.

Это был лучший вечер в жизни Гарри. Он был даже лучше, чем те вечера, когда он выигрывал в квиддич, встречал Рождество и сражался с горным троллем. И он знал, что этот вечер он никогда не забудет. Никогда в жизни.

У Гарри как-то вылетело из головы, что впереди его ждало объявление результатов экзаменов. Но оказалось, что ему и не стоило беспокоиться. К его огромному удивлению, они с Роном получили

хорошие отметки — ну а Гермиона, разумеется, стала лучшей ученицей. Даже Невилл умудрился кое-как сдать экзамены: его хорошая оценка за травологию компенсировала невероятно плохую оценку за зельеварение.

Гарри с Роном надеялись, что Гойл — который был настолько же туп, насколько и злобен — будет отчислен. Но и он каким-то образом умудрился сдать экзамены. Это было обидно, но, как справедливо заметил Рон, нельзя получить сразу всё.

Буквально через несколько минут после объявления результатов экзаменов все шкафы опустели, чемоданы были упакованы, а жабу Невилла поймали в тот момент, когда она пыталась улизнуть сквозь дырку в стене туалета. Всем ученикам вручили предупреждения о том, что они не должны прибегать к волшебству на каникулах.

— А я-то надеялся, что они хоть раз забудут раздать нам эти бумажки, — грустно заметил Фред Уизли.

Хагрид проводил их к берегу озера и переправил на лодках на ту сторону. Ученики залезли в поезд, болтая и смеясь. За окном дикая природа сменялась ухоженными полями и аккуратными

домиками. Они дружно поедали конфеты, проезжая мимо городов маглов, а потом не менее дружно сняли с себя мантии и надели пиджаки и куртки. И наконец поезд подошёл к платформе номер девять и три четверти вокзала «Кингс Кросс».

Им понадобилось немало времени для того, чтобы покинуть платформу. Перед выходом с неё стоял старый мудрый смотритель, выпуская их по двое и по трое, чтобы они не привлекли внимание маглов. Если бы из сплошной стены вдруг появилась толпа школьников с огромными чемоданами, маглы бы точно переполошились.

— Ты должен приехать и пожить у нас этим летом, — сказал Рон, пока они стояли в очереди. — И ты, Гермиона, тоже. Я пошлю вам сову.

— Спасибо, — с благодарностью откликнулся Гарри. — Рад, что этим летом меня ждёт что-то приятное.

Они возвращались в мир маглов в ужасной суматохе и толчее.

— Пока, Гарри! — раздалось несколько голосов.

— До встречи, Поттер! — прокричали ещё несколько человек.

— Ты по-прежнему знаменит и популярен, — ухмыльнулся Рон.

— Но не там, куда я еду, это точно, — заверил его Гарри.

Он, Рон и Гермиона вместе прошли через стену.

— Вот он, мам, смотри!

Это был голос Джинни Уизли, младшей сестры Рона, но показывала она вовсе не на брата.

— Гарри Поттер! — пропищала Джинни. — Смотри, мам! Я его вижу.

— Потише, Джинни, — одёрнула её мать. — Не надо показывать пальцем, это некрасиво.

Миссис Уизли улыбнулась им.

— Нелёгкий выдался год?

— В общем, да, — признался Гарри. — Большое вам спасибо за свитер и сладости, миссис Уизли.

— О, не стоит благодарности, мой дорогой, — откликнулась она.

— Ну, ты готов?

Голос принадлежал дяде Вернону — такому же усатому как год назад, такому же багроволицему с такой же яростью взирающему на племянника. Дядя был явно возмущён его наглостью. Подумать только — стоять среди обычных людей с огромной совой в клетке! За дядей виднелись тётя Петунья и Дадли, с ужасом глядевший на двоюродного брата.

— Вы, должно быть, родственники Гарри! — воскликнула миссис Уизли.

— В каком-то смысле, — прорычал дядя Вернон. — Поторопись, мальчик, я не собираюсь ждать тебя целый день.

Дядя Вернон отошёл в сторону, а Гарри повернулся к Рону и Гермионе.

— До встречи, — улыбнулся он.

— Надеюсь, что у тебя… что у тебя будут весёлые каникулы… — неуверенно выдавила Гермиона, явно поражённая нелюбезностью дяди Вернона.

— О, не сомневайтесь! — воскликнул Гарри. Рон и Гермиона с удивлением заметили, что он широко ухмыляется: «Мои родственники ведь не знают, что на каникулах нам запрещено прибегать к волшебству. А значит, этим летом я хорошенько повеселюсь с Дадли…»